

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ИСТОРИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ
И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

**СБОРНИК
ОБЗОРОВ И РЕФЕРАТОВ**

**МОСКВА
2011**

ББК 63.3(0)

И 89

Серия
«*Всеобщая история*»

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел истории

Центр гуманитарных научно-информационных исследований

Отдел языкознания

Редакционная коллегия:

Ю.В. Дунаева – канд. ист. наук – ответственный редактор;

З.Ю. Метлицкая – канд. ист. наук; *М.Б. Раренко* –

канд. филол. наук – ответственный за выпуск

И 89

Историческая биография: Современные подходы и методы исследования: Сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории, Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. Дунаева Ю.В. – М., 2011. – 172 с. – (Сер.: Всеобщая история).
ISBN 978-5-248-00595-6

Анализируется отечественная и зарубежная литература, посвященная методологическим и теоретическим проблемам исторической биографии. Рассматривается история жанра, а также современное состояние биографических исследований в исторической науке.

Для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов.

ББК 63.3(0)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

БИОГРАФИЯ В ИСТОРИИ: ПРОБЛЕМЫ, ДИСКУССИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Ю.В. Дунаева.</i> Историческая биография: Упадок или возрождение? (Аналитический обзор)	8
«...Вся история – есть биография». (Сводный реферат)	35
Политическая биография: Проблемы жанра и метода. (Сводный реферат).....	51
Биография простого человека в истории труда. (Сводный реферат).....	64
Написание биографий: Историки и их мастерство. (Реферат)	69
<i>И.Р. Купер.</i> Собственная комната: Методы и практики современных феминистских историко-биографических исследований. (Аналитический обзор)	81

БИОГРАФИИ: ЛЮДИ, ГОРОДА, ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Жизнеописание: Биография и текстуальность, идентичность и представления в Англии раннего Нового времени. (Реферат)	94
Адмирал лорд Нельсон: Контекст и наследие. (Реферат)	111
<i>И.Е. Эман.</i> Герои и участники Рисорджименто: Историко- биографические исследования в современной итальянской и отечественной историографии (2000–2010). (Аналитический обзор).....	118
<i>А.И. Патрушев.</i> Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. (Реферат)	134

<i>Л.Я. Томас.</i> Жизнь Г.В. Чичерина. (Реферат).....	146
<i>Е.О. Опарина.</i> Санкт-Петербург: Биография на границе истории и культуры. (Аналитический обзор)	156
<i>П.Л. Артур.</i> Цифровые биографии: Запечатлеть жизнь онлайн. (Реферат).....	169
Сведения об авторах	172

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый человек – это мир, который с ним рождается и с ним умирает; под всякой могильной плитой лежит всемирная история.

Г. Гейне

В сборнике представлены обзоры и рефераты отечественных и зарубежных публикаций, посвященных теоретическим проблемам, исследовательским возможностям и перспективам исторической биографии. Мотивом для создания сборника стала неоднозначная ситуация, сложившаяся с одним из старейших исторических жанров. Дело в том, что профессиональное сообщество в последние десятилетия активно обсуждает пригодность и легитимность биографии как научного исторического исследования. Некоторые историки утверждают, что биография – не чистая наука, по своему характеру она ближе к искусству и беллетристике. Другие историки уверены, что биография неотъемлема от исторической науки и, более того, вносит заметный вклад в ее развитие. Известный историк Р. Ротберг¹, прямо настаивает на том, что только профессиональные историки могут написать настоящее биографическое исследование, не просто прослеживая события человеческой жизни, а объясняя причины поступков в историческом контексте.

Биографические работы, созданные профессиональными и квалифицированными авторами, вызывают большой интерес и пользуются популярностью. Об этом свидетельствует то, что сегодня биографии выходят не только в традиционной печатной форме (книга, статья), но и в видео (биографические передачи и фильмы, специализированные телевизионные каналы), а также в онлайн-форме: от мультимедийных биографических сайтов до профес-

¹ См. реферат на с. 35 настоящего сборника.

сиональных блогов. Поэтому можно согласиться с писателем М. Бутовым: «Нас преследуют биографии. <...> Лучшие русские писатели с большим удовольствием пишут биографии тех или иных людей, и среди них появляются книги не менее яркие, чем романы. Наши писатели, описывая чужие жизни, умудряются что-то такое свое проговорить – то, что им даже не всегда удается в fiction-текстах. Ну, что же, тут мы уже давно обгоняем Америку, которая не зря же любит биографии. <...> Уместно еще раз вспомнить, что невероятно читаемые книги – Евангелия – это как раз версии биографии. Великой биографии»¹.

Первая часть сборника посвящена теории исторической биографии: взаимоотношениям биографии и истории; особенностям биографии в современной политической и социальной истории, а также феминистской биографии. Во второй части сборника представлены обзоры и рефераты конкретных биографических исследований, иллюстрирующих современное состояние исторической биографии.

Сборник открывает обзор Ю.В. Дунаевой, анализирующий современное состояние биографических исследований в отечественной и зарубежной исторической науке: влияние новых исторических направлений на биографические исследования; поиск историками новых исследовательских сфер и новых подходящих источников.

Роли биографии в истории посвящен тематический номер «Journal of interdisciplinary history». В статьях рассматриваются проблемы создания биографий средневековых персонажей и биографий ученых, а также сравнительных биографий политиков.

Особенности создания политической биографии затрагиваются в работах других авторов. В статьях М. Керена, Л. Царнов, Р. Ван Сантен и Л. Ван Зонен раскрывается роль биографии в современной политической истории, затрагивается влияние политической мифологии на биографические и исторические исследования, намечаются перспективы развития новой политической биографии.

Биографии в социальной истории и истории труда посвящен тематический номер журнала «Labour history». Сводный реферат двух теоретических статей дает представление о сложностях создания биографий обычных, рядовых людей: рабочих и служащих, чиновников, тех, кому традиционные историки уделяли мало внимания.

Авторы сборника «Написание биографий: Историки и их мастерство» рассказывают о трудностях работы историка-биографа,

¹ Цит. по: Свиначенко И.Н. Пельмени, Бродский, Большая книга // Известия. – М., 2011. – 22 апр. – С. 6.

анализируют влияние научных традиций и культурной среды на выбор субъектов и характер биографий.

Обзор И.Р. Купер, посвященный феминисткой биографии, рассматривает проблемы теории и методологии биографий женщин (великих и простых), описывает характерные черты феминистского подхода к биографии и истории.

В сборнике «Жизнеописание: Биография и текстуальность, идентичность и представления в Англии раннего Нового времени» представлен новый взгляд на средневековые жизнеописания и биографии XVI–XVII вв., когда шло оформление жанра биографии в том виде, в каком он существует сегодня.

В материалах сборника «Адмирал лорд Нельсон: Контекст и наследие» рассматриваются разные аспекты личности Горацио Нельсона – человека, моряка, масона; также анализируются культурные символы и мифы о нем, сформировавшиеся в XIX–XX вв.

В обзоре И.Е. Эман на основе конкретных биографических исследований деятелей Рисорджименто показаны возможности изучения исторического периода через личность и удивительные судьбы людей в переломную историческую эпоху.

Книга А.И. Патрушева «Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель» – первая в отечественной историографии коллективная биография канцлеров Германии. Это еще один пример исследования, когда через судьбы людей, в данном случае политических лидеров, прослеживается история страны, прошедшей путь от империи к революции, от фашизма к демократии.

Монография Л.Я. Томас «Жизнь Г.В. Чичерина» – это не только рассказ о жизни дипломата, но и исследование его внутреннего мира, причин возникновения и эволюции революционных взглядов.

В обзоре Е.О. Опариной анализируются исследования биографии Санкт-Петербурга как культурно-исторического мифа, показано возникновение и развитие мифологии города.

Статья П. Артура посвящена цифровой биографии, предмета, казалось бы, далекого от истории. Современные цифровые технологии позволяют детально фиксировать информацию о человеке буквально от рождения до смерти, причем в разных форматах: видео, аудио, текстовых. Поэтому уже сегодня Интернет и цифровые технологии это и источник информации, и инструмент исторических и биографических исследований.

В заключение выражаю искреннюю признательность всем авторам сборника.

Ю.В. Дунаева

БИОГРАФИЯ В ИСТОРИИ: ПРОБЛЕМЫ, ДИСКУССИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Ю.В. Дунаева

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ: УПАДОК ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ? (Аналитический обзор)

Главная задача биографии, по-видимому, состоит именно в том, чтобы обрисовать человека в его отношениях к своему времени и показать, насколько целое было враждебно ему; насколько оно ему благоприятствовало, как он составил себе взгляд на мир и людей и как он отразил его во внешнем мире в качестве художника, поэта, писателя.

И.В. Гёте

В последнее время историки активно обсуждают проблемы взаимоотношений и взаимовлияний истории и биографии. Этот всплеск полемики объясняется заметными изменениями в современной исторической науке, вызвавшими существенные переориентации исследовательских интересов, открытием новых субъектов и тем биографических исследований, а также новых направлений и методов. В настоящем обзоре предпринята попытка рассмотреть некоторые чаще всего обсуждаемые теоретико-методологические проблемы: 1) современные представления историков о биографии, ее целях и задачах; 2) роль и значение биографических исследований для исторической науки; 3) типы и виды биографий; 4) изменение представлений о субъектах и источниках биографии; 5) определение и разграничение сферы частного / личного и публичного / общественного в биографическом исследовании.

Большинство историков отмечают, что в американской и европейской исторической науке со второй половины XX в. снижался интерес к темам и проблемам, ставящим личность центром исторического процесса и рассматривающим ее действия как значимый фактор. Это объясняется доминированием разноплановых исследовательских направлений и мировоззрений, которые можно объединить многозначным концептом «постмодернизм», а также влиянием таких направлений, как школа «Анналов», постструктурализм, неомарксизм и т.п., в результате некоторые историки отказались от казавшегося им старомодным антропоцентризма и сфокусировались на исследовании иных сфер.

В российской историографии в последние десятилетия XX в. начался глубокий методологический кризис, вызванный медленным и постепенным отказом от доктринальной советской идеологии, поиском иных, пригодных теорий и методов, неспешной ревизией и осмыслением себя в новых политических, идеологических и научных реалиях, равно как и попытками обрести свое место в мировой науке. Со временем историки или по крайней мере их часть вновь обратилась к индивиду (великому или простому), анализируя его роль и место в истории с новых методологических позиций, принимая во внимание разные факторы и структуры, используя междисциплинарные исследовательские приемы и методы. Парадоксально, но со временем именно «новые истории», зародившиеся в поле постмодернизма, помогли изменить и обогатить человеческое измерение в истории. Среди них нельзя не отметить благотворную роль, например, феминизма и гендерных исследований, привлечших внимание к таким акторам исторического процесса, как женщины, дети, семья. Достаточно быстро появились интересные исследования на эту тему. Среди историко-биографических работ действительно знаковой стала книга Натали Земон Дэвис «Дамы на обочине. Три женских портрета XVII в.» (6), рассказывающая о жизни трех неординарных женщин: Гликель фон Хамельн, Мари Гюйяр (Мари Воплощения) и Марии Сибиллы Мериан. Это исследование упоминается во многих работах, в том числе и в работах по теории исторической и / или женской биографии, поэтому, не останавливаясь на нем подробно, следует отметить одну деталь. Основным источником послужили эго-документы – автобиографии двух женщин: Гликель фон Хамельн и Мари Гюйяр, а также научные работы Марии Мериан.

Также, по мнению исследователей, так называемая «история снизу» (history from below) стимулировала изучение жизни про-

стых людей, представителей маргинальных групп и слоев, причем не только в европейских регионах, но и в странах Азии и Африки. В частности, в США возник интерес к истории жизни рабов и индейцев¹, а в Австралии – коренного населения. «История снизу» повлияла на социальную и политическую историю, подтолкнула историков создавать биографии политических, профсоюзных, религиозных и общественных деятелей регионального и локального уровня, а также рабочих, иммигрантов, безработных и т.п.

Свой вклад в обновление исторической биографии внесла, по мнению известного историка Л.П. Репиной, занимающейся, в частности, проблемами биографической истории и исторической биографии, микроистория, благодаря которой «форма историко-биографических исследований наполнилась новым содержанием, их предметное поле существенно расширилось, а “номенклатура” неизмеримо выросла за счет жизнеописаний людей, которые выступали как “реальные агенты”, “актеры”, т.е. действующие лица истории, отнюдь не на главных ролях и не могут быть причислены к выдающимся историческим деятелям» (17, с. 5).

Современная историческая биография отличается ярко выраженной критической саморефлексией. Причем сомнению подвергаются сами основы жанра. Удивительно, но часть историков до сих пор сомневается в том, что этот традиционный и старейший жанр может рассматриваться как научный, а среди тех, кто его признает, раздаются голоса скептиков, пессимистически рассуждающих о его упадке и своего рода второсортности. Вот как описывает сложившуюся ситуацию американский историк Дэвид Насоу: «Биография находится на положении нелюбимого дитя в среде исторической науки. Ей неохотно открывают двери колледжи и университетские библиотеки. Профессора предостерегают студентов брать в качестве диссертационного исследования чью-либо биографию, а ведущие исторические журналы редко публикуют статьи на эту тему» (26, с. 573).

Но при этом заметно растет количество биографических работ. И, как часто подчеркивают зарубежные ученые, биографи-

¹ Например: Law R. Individualising the Atlantic slave trade: The biography of Mahommah Gardo Baquaqua of Djougou (1854) // Transactions of the Royal historical society. – Cambridge, 2002. – P. 113–140; Parramore Th. Muslim slave aristocrats in North Carolina // North Carolina hist. rev. – Raleigh, 2000. – Vol. 77. – P. 127–150; Sensbach J. Rebecca’s revival: Creating black christianity in the Atlantic world. – Cambridge: Harvard univ. press, 2005. – 302 p.

ческие книги хорошо раскупаются. Авторитетный английский биограф и ученый Найджел Гамильтон, более тридцати лет занимающийся теорией биографии и биографическими исследованиями утверждает, что в странах Запада наступил золотой век биографии: «Описание реальных жизней различными способами от печати до фильма, от радио до телевидения и Интернета гораздо популярнее, чем прежде. Биографической и автобиографической работой, например блогами и мемуарами, занимается гораздо больше людей, чем раньше» (23, с. 1). Примерно в том же духе о подъеме биографии, принимающем самые разные формы от научных работ до массовой культуры (различные ток-шоу, гламурные журналы, например «Биография») пишет И.В. Голубович, подчеркивая «глубокую укорененность биографии, биографического сознания, биографической практики в европейской культурной традиции, в ее постоянно воспроизводимом интересе к индивидуальной жизни» (5, с. 47–48).

Французский исследователь Ж. Ревель объясняет «живучесть» биографии ее способностью размывать привычные границы и принимать разнообразие формы, а также тем, что «в ее создании участвуют в значительной мере профессиональные историки. Более того, их работа в этом направлении активно приветствуется» (13, с. 6). Что касается роли биографии в историческом знании, то ее четко определил историк Стенли Волперт: «В своих лучших проявлениях биография – это чистейшая форма истории» (31, с. 399).

Эти доводы авторитетных ученых заставляют усомниться в отсталости и захудалости биографии прежде всего как полноценного и полновесного научного проекта. Пессимистические рассуждения скорее свидетельствуют не об ослаблении или смерти жанра, а являются своего рода показателем «кризиса роста», что, в свою очередь, напротив, доказывает способность биографии к адаптации, выживанию и плодотворному видоизменению.

В то время как традиционные историки обсуждают пригодность и научность биографии, представители других социальных наук несколько не сомневаются в этом и рассказывают о своем понимании перспектив жанра. В сборнике с названием, которое говорит само за себя «Поворот к биографическим методам в социальных науках» (29) рассматриваются новые подходы и перспективы биографических исследований социологами, социальными работниками, специалистами по устной истории, психоаналитиками.

Возникновение так называемого «биографического поворота» (biographical turn) в социальном знании составители сборника объясняют тем, что его можно применять при анализе микро- и

макроуровней, а также при изучении индивидуального и социального. По их мнению, к 1990-м годам постмодернистские подходы в социальном знании исчерпали себя. В тот период социальные исследователи стали описывать людей, как исторически формируемых акторов, биографии которых необходимы, чтобы понять исторические действия в контексте обстоятельств, намерений, результатов, сознательных или бессознательных. «Следовательно, в то время как исторический поворот в социальных науках не означал поворота биографического, то введение биографического в социальное знание акцентировало его историческую ориентацию. Теперь мы все больше понимаем эволюцию структур, организаций и действий как исторически сформированных и исторически формируемых» (29, с. 8).

Спустя некоторое время редакторы-составители этого сборника (Т. Венграф, П. Чемберлен и Д. Борнат) вернулись к этой теме и обрисовали свои представления о будущем жанра биографии (30). По их мнению, современную конъюнктуру мировых политических сил можно рассматривать, с одной стороны, как борьбу гигантских корпораций за концентрацию глобальной власти при помощи неолиберализма и как борьбу за демократизацию и распространение гражданской и общественной солидарности, с другой стороны. В этих условиях биографические исследования могут раскрыть латентные угрозы и скрытые потенциальные возможности индивидов и различных сообществ (классовых, расовых, гендерных, финансовых и т.п.), существующих помимо мировой элиты. Таким образом будет брошен вызов ортодоксальным представителям неолиберализма, рассматривающих людей как «исторических потребителей». В перспективе биографические исследования должны стать междисциплинарными и обязательно принимать во внимание такие факторы, как класс, гендер, раса. Следует привлекать концепты и теории из психологии, социологии, истории, политической науки, феминистских теорий, культурологии, антропологии. По мнению Т. Венграфа, П. Чемберлена и Д. Борната, биографическая работа может быть разной по формам (индивидуальные и коллективные биографии, автобиографии) и методам исследований (нарративная история, устная история, биографический метод).

Вернемся к биографии в истории и рассмотрим некоторые моменты дискуссии. Современная полемика, в общих чертах обозначенная как «биография и история», сосредоточена на двух основных и взаимосвязанных направлениях. Первое направление

имеет дело непосредственно с жанром и рассматривает его изменение, а также расширение исследовательского поля, второе направление затрагивает теоретико-методологические основания, подходы и познавательные возможности биографического исследования, поиск и применение новых источников и переосмысление традиционных. Одним из результатов этой полемики стало расширение самого понятия «биография», сегодня это не только традиционное описание жизни одного или нескольких человек, это еще и биографии городов и стран¹. Также существенно расширилась источниковая база, это могут быть археологические находки (останки человеческих скелетов, вещи и т.п.) и принципиально новый вид источников – интернет-ресурсы (блоги, сайты, общественная и частная электронная переписка) (21; 24; 27; 28).

Прежде всего, попытаемся разобраться с терминологией. Существует великое множество определений биографии в зависимости от контекста ее использования – истории, литературоведения, социологии и т.п. В качестве наиболее общего определения можно привести следующее: «Биография – повествовательное изображение истории жизни отдельной личности, способ представленности в культуре специфики отдельного человеческого существования. <...> К первым биографиям относят древнеегипетские надгробные памятные надписи, рассказывающие основные этапы жизни погребенного, сопровождавшиеся скульптурными изображениями» (8, с. 218, 220).

В российской историографии, в отличие от зарубежной, активно используется термин «историческая биография», но заметно, что разные ученые трактуют его по-разному. Одно из наиболее полных и развернутых определений дает Л.П. Репина: «Ясно, что под “биографией в полном смысле слова” понимается исследование и описание жизни выдающейся личности (включая ее психологическое измерение), что вполне соответствует сложившемуся историко-биографическому канону» (16, с. 6). Классическим Л.П. Репина называет определение субъекта исторической биографии, данное в книге С.Л. Утченко «Цицерон и его время»²: «В истории человечества встречаются такие личности, которые, некогда появившись, проходят затем через века, через тысяче-

¹ Например: Акرويد П. Лондон: Биография. – М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2007. – 896 с.; Brown K. A biography of no place: From ethnic borderland to Soviet heartland. – Harvard: Harvard univ. press, 2003. – 308 p.

² Утченко С.Л. Цицерон и его время. – М.: Мысль, 1972. – 390 с.

тия, через всю доступную нашему умственному взору смену эпох и поколений. Такие люди поистине “вечные спутники” человечества... Речь может идти о политических и государственных деятелях, о представителях науки, культуры, искусства. В этом смысле нет никаких ограничений, никаких условий. Вернее, условие лишь одно: ощутимый вклад, внесенный в развитие человеческого общества, его материального и духовного бытия» (цит. по: 16, с. 6–7). Следует отметить, что книга С.Л. Утченко издана в начале 1970-х годов и предложенное в ней определение несет на себе отпечаток идеологии и мифологии того времени, а также элитистского подхода к истории. Современные историки, напротив, все больше занимаются изучением не великих, а простых людей и так называемых «маргиналов» (в данном случае тех, кого традиционная история обходила своим вниманием – бедняков, домохозяек, инвалидов, рабов, рабочих и т.п.), а читатели живо интересуются жизнью тех, кого с большой натяжкой можно назвать создателями, а также и тех, кого можно назвать антигероем (Аттила, Чингизхан, Гитлер, Сталин и т.п.).

Интересные соображения о значимости любого человека для истории, высказаны Д.М. Володихиным, подчеркнувшим роль индивидуального, частного, особенного. В данном случае подробное авторское разъяснение лучше не излагать, а процитировать: «С этой точки зрения полезнее всего биографическая форма работы. Причем биографии подобного рода должны отвечать нескольким важным требованиям. В них раскрывается прежде всего динамика психологического мира индивида. <...> Но это не психоистория в традиционном, классическом понимании этого слова. Это скорее персональная история. <...> Фактически, исследование в рамках персональной истории помимо технических особенностей, диктуемых самим характером материала и личным стилем историка, должно основываться на систематизации “ответов” источников при использовании вопросника примерно такого рода: как этот человек любил, творил, как он относился к трансценденции, какой смысл (способ, стиль) жизни он для себя избрал, и почему все сложилось именно так, а не иначе. Сколько раз он выбирал для себя основной жизненный смысл, насколько следовал своему выбору. Как в итоге он решал проблему адаптации к собственному бессмертию, и решил ли.

Таким образом, годится биография индивидуума любого калибра: от Наполеона Бонапарта до третьестепенного польского велосипедиста, лишь бы источники давали возможность по-насто-

ящему глубоко заглянуть в его внутренний мир» (3, с. 257–259). Подобный подход к биографии, уравнивающий «великих» и «простых» людей, перекликается с популярным в последнее время направлением – так называемым изучением жизни «человека второго плана»¹.

Кроме поиска и определения подходящих субъектов биографических исследований российские исследователи, в том числе и философы, разрабатывают теоретические проблемы биографии. Э.Ю. Соловьев в статье «Биографический анализ как вид историко-философского исследования» (19) на примере работ о жизни, мышлении и творчестве философов и ученых раскрывает свои представления о субъекте и предмете биографии, а также предлагает свою типологию биографических исследований.

Как правило, «летоисчисление» биографического жанра начинают от «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, но Э.Ю. Соловьев первой биографией считает «Житие Франциска Ассизского», составленное Бонавентурой в середине XIII в. «В отличие от жизнеописаний Плутарха и от статичной житийной литературы раннего средневековья это была попытка воспроизвести динамическую историю индивидуального духа, прошедшего через последовательные стадии становления» (19, прим. 2, с. 19).

Автор рассматривает биографию как самостоятельное и независимое научное исследование, изучающее историю людей, идей и концепций. Именно биография способна раскрыть соотношение и взаимодействие друг с другом различных форм духовной деятельности (философии, науки, искусства, морали, религии) применительно к конкретной исторической эпохе. Тематическая направленность биографии – человек в объективной драме истории (19, с. 19, 31, 52). Объект биографического исследования – жизнь отдельного человека от рождения до смерти, субъект – социальная и культурная ситуация. Именно по отношению к ней судьба одного человека приобретает историческую значимость, смысло-временную целостность, к которой применимы понятия уникальности, событийности, развития, самоосуществления (19, с. 46).

В зависимости от исследовательских задач Э.Ю. Соловьев выделяет несколько типов биографического анализа: 1) биография как попытка рассмотреть жизнь мыслителя в качестве *лаборатории мысли*, когда «главное внимание автор уделяет проблемному

¹ См., например: Человек второго плана в истории: Сб. науч. ст. / Ростовский гос. ун-т. – Ростов н/Д., 2004–2007. – Вып. 1–4.

единству творчества, скрывающемуся за тематическим разнообразием и не сводимым к системе, в которую это многообразие упорядочивается самим мыслителем»; 2) биография, ставящая во главу угла не внутренние механизмы творчества, а «само подвижничество мыслителя и его борьбу за общественное признание новой мировоззренческой концепции»; 3) биография как «рассмотрение жизни мыслителя в качестве *первого социально значимого воплощения* его идеи, в качестве практического поприща, на котором она ранее всего проверяется и испытывается»; 4) биография, «в центре внимания (которой – *Прим. авт.*) оказывается вопрос об осуществлении мыслителем личностного синтеза различных форм духовной деятельности (философии, науки, нравственности, религии), отвечающего степени объективной развитости общества и культуры» (19, с. 45–46).

Более подробная типология биографических исследований представлена в статье молодого историка Е.П. Александрова «Историческая биография как историографическая проблема: К изучению вопроса» (1). Автор перечисляет следующие типы биографических исследований: летопись жизни и деятельности, энциклопедия жизни и творчества (хронология), книги с обозначением «Материалы для биографии», монографии типа «жизнь и творчество», научная биография, критико-биографический очерк, научно-популярная биография, краткая биографическая справка. «Все они равноправные, но не равнозначные, каждый тип имеет свои особенности, свои цели и задачи, но все они являются компонентами исторической биографии» (1, с. 224).

Пластичность форм и многообразие субъектов современной биографии, междисциплинарность подходов, методологическое разнообразие позволяют применять ее в различных сферах исторического знания как традиционных, так и новых: микроистории, персональной истории, интеллектуальной истории, гендерной истории. О перспективности и масштабах биографии свидетельствует тот факт, что историки стали говорить о «новой биографической истории» (7, 16). В данном случае «речь идет не просто о воссоздании перипетий индивидуальной судьбы, а об историческом исследовании непрерывного движения индивида по своему жизненному пути и о его многообразных интеракциях в меняющемся социально-интеллектуальном пространстве» (15, с. 7). В этом поиске соотношений частного и общественного, индивидуального и публичного, человека и событий его жизни, истории и личности заключается плодотворность «новой исторической биографии», со-

четающей уровни микроанализа и макроистории. «Ответ на вопрос, каким образом унаследованные культурные традиции, обычаи, представления определяли поведение людей в специфических исторических обстоятельствах (а следовательно, сам ход событий и их последствия) потребовал выхода на уровень анализа индивидуальной деятельности и создания новой интегральной модели» (7, с. 71).

В зарубежной историографии не делается акцента на обсуждении термина «историческая биография», как правило, используются термины «биография», «жизнеописание» (life writing). Можно привести достаточно общее и традиционное определение биографии, данное Н. Гамильтоном, «сегодня, как и раньше, биография представляет собой запись и интерпретацию реальных жизней – жизней других и наших собственных. Но способ, которым мы записываем и интерпретируем эти жизни, существенно меняется со временем» (23, с. 21).

Внимание зарубежных исследователей сосредоточено на проблемах истории и нарратива, изменении представлений о субъектах биографии, смещении центра исследований от внутреннего мира личности или воссоздания основных этапов и событий ее жизни к взаимоотношениям личности и эпохи, реконструкции социальной среды.

Уже упоминавшийся французский историк Ж. Ревель отмечает существенные изменения в биографических исследованиях, в частности, возрастание интереса к неповторимому, уникальному опыту жизни индивида. Если раньше биографы стремились проиллюстрировать нечто показательное, призванное стать воплощением некой истины или всеобщей ценности, то теперь биографы Франции, Германии, Великобритании, США ставят перед собой новую цель: «в жизни женщин, иммигрантов, евреев, провинциалов, ремесленников или рабочих прежде всего нужно показать то, что выпадает из общей нормы» (13, с. 17). Этот подход расширяет источниковую базу, способствует активному привлечению методов устной истории, разных форм автобиографического самовыражения.

Естественно, также разнятся биографические исследования и способы создания их типологий. Так, Ж. Ревель выделил типы, основываясь на способах интерпретации данных.

1. *Серийная биография* представляет собой совокупную интерпретацию неполной биографической информации. (Этот тип биографии используется в основном специалистами по Древнему миру и медиевистами. По мнению Ж. Ревеля, нельзя отрицать продуктивность таких исследований, хотя порой достигается она

ценой обеднения используемой информации ради достижения определенных целей.)

2. *Биография, воссоздаваемая на основе контекста*, «претендующая на объяснение биографического текста, через соответствующий контекст(ы), в которые он вписан». (Для этого типа биографий, пишет автор, рассказ об индивидуальной судьбе никогда не является самоцелью; гораздо важнее выяснить, что сделало возможной и мыслимой такую судьбу, такой жизненный путь в том контексте, который подлежит воссозданию.)

3. *Биография, воссоздаваемая на основе текста*, – в данном случае сказывается влияние антропологического подхода, а за основу берется автобиографический текст и конкретизируется с помощью контекстуальных ссылок. (Цель этого рода биографии – «восстановить на основе какого-то текста или корпуса текстов, объяснение которых связано с работой по интерпретации контекста, тот социальный фон, на котором разворачивается биография».) (13, с. 18–21).

Итальянский историк Дж. Леви (10) обращает внимание на значимость социального в биографии. Вслед за П. Бурдьё он подчеркивает роль социальных связей, необходимость реконструкции контекста, т.е. «социальной плоскости», состоящей из множества «полей». Предложенный им биографический подход подразумевает «пересмотр методов и концепций, связанных с проблематикой социальной стратификации и социальной общности, побуждает отказаться от схематических представлений о механизмах, посредством которых в обществе складываются сетевые связи, формируются страты и группы. Степень их прочности и анализ возникновения и распада социальных образований поднимает наиважнейший вопрос о самоопределении индивидов (сознательном или неосознанном) по отношению к какой-либо группе: осознают ли они себя частью какого-либо класса?» (10, с. 196–197).

Также Дж. Леви обращает внимание на интересную и дискуссионную тему отношений между историей, биографией и искусством, подчеркивая их близость: «Биография представляет собой особый синтетический жанр, в котором задачи и приемы художественной литературы, применяются к историческому исследованию» (10, с. 192). О том же писал и французский историк Ж. Ле Гофф: «Попытки написания биографии все в большей степени, чем исторические исследования иного жанра, нацелены на то, чтобы создать эффект реальности, что еще больше сближает методы биографа с методами романиста» (9, с. 104–105). К сожа-

лению, российские историки, разрабатывая теорию и методологию биографии, как правило, только мельком упоминают о ее связи с художественной литературой и другими видами искусства.

Дж. Леви подчеркивает общий для биографий уязвимый момент – приверженность историков к упрощенным объяснениям действий человека. Он объясняет это недостатком информации, ведь, как правило, источники ничего не говорят о том, как человек принимал решения. Исследователям приходится иметь дело лишь с конечным результатом – действием. «Завороженные богатейшим разнообразием индивидуальных судеб, но неспособные постичь своеобразие каждой отдельной личной жизни историки пытались решить проблему биографии различными способами» (10, с. 197).

Оставляя в стороне традиционные формы биографии, Дж. Леви предлагает следующую типологию.

1. *Просопография и модальная биография.* (Индивидуальные биографии «иллюстрируют модели поведения или внешние проявления, присущие наиболее многочисленным социальным группам. <...> В этом случае элементы биографии отдельного человека оцениваются как исторически важные, только если они имеют более общее значение».) (10, с. 197).

2. *Биография и контекст.* (На формирование личности и человеческую судьбу влияют эпоха, среда, окружение. Эти контексты воссоздаются историками двумя способами: первый способ реконструирует исторический и социальный контекст, чтобы понять то, что сбивает с толку и / или кажется нетипичным. Второй способ использует контекст для заполнения источниковых лакун, сравнивая изучаемого субъекта с другими персонажами, что позволяет проводить определенные аналогии.)

3. *Биография и пограничные случаи.* (Здесь контекст рассматривается сквозь призму пограничных ситуаций, и предпочтение отдается не традиционным героям биографии, а людям, находящимся в нетипичных ситуациях, чаще всего в состоянии надлома.)

4. *Биография и герменевтика.* (В этом случае автор обращается к интерпретативной антропологии, подчеркивает значимость диалога, обмена информацией между индивидами и культурами. Значимым стало именно истолкование само по себе, пишет Дж. Леви, т.е. процесс трансформации биографического действия в текст, процесс придания ему определенного – одного из многих возможных – смысла.) (10, с. 197–199).

Более лаконичную типологию предлагает Ж. Ле Гофф. По его мнению, все многообразие биографических исследований можно

расположить следующим образом: 1) средневековая агиография; 2) позитивистская историческая биография XIX в.; 3) личная историческая биография конца XX в.

Работа этого историка «Людовик IX Святой»¹ занимает особое место как в биографических, так и в исторических исследованиях, удачно соединив классическую биографию и новые исторические подходы. Рассмотрим, как автор объяснил методологию своего исследования. Ж. Ле Гофф, следуя традиции школы «Анналов», берет фигуру Людовика IX как «глобализирующий объект», вокруг которого организуется все исследование, но сразу отмечает, что книга не о XIII в., не о правлении Людовика IX, не о Людовике и его королевстве, не о Людовике Святом и христианстве, а «о человеке, и в ней говорится о его времени лишь постольку, поскольку оно позволяет понять самого человека» (9, с. 101). Именно поэтому автор обращается к внутреннему миру Людовика IX, стремится показать не хладнокровного и невозмутимого героя, который шел напрямик к осуществлению своего предназначения, а живую, сложную противоречивую, может быть, даже непоследовательную личность. Историк исходил из того, что Людовик «строил свою судьбу сам и сам создавал свою эпоху лишь постольку поскольку, эта эпоха создавала его самого. И эта судьба соткана из случайностей, сомнений, выбора» (9, с. 107). Ж. Ле Гофф показывает, что в Людовике IX «боролись склонности к плотским радостям и хорошей еде с идеями победы над плотью и привычками гурмана; уживались радостное благочестие нищенствующих монахов и приверженность к строгой аскетической практике монастырской традиции» (9, с. 108).

Автор отмечает и трансформации внутреннего духовного мира короля. Во время крестового похода с Людовиком произошел серьезный душевный переворот, это отмечали даже его первые биографы. До 1254 г. он был просто королем-христианином, а потом превратился в короля, уверенного в собственном эсхатологическом предназначении, короля, «который готовится и хочет подготовить своих подданных к вечному спасению, установив в своем королевстве новый образ жизни, основой которого должны были быть религия и нравственность, а сам собирается стать воплощением Христа» (9, с. 109).

Приступая к работе над этой книгой, Ж. Ле Гофф задался вопросами: что представляет собой историческая биография и ка-

¹ Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. – М.: Ладомир, 2001. – 800 с.

кие требования предъявляются к ней? Он пришел к закономерному выводу: историческая биография – один из сложных жанров исторических исследований. Более того, это особый способ исторического исследования. «И этот жанр требует не только обычных для исторического исследования методов: постановки проблемы, поиска и критики источников, изучения того или иного явления во временной протяженности, достаточной для выявления его эволюции, способности выразить в тексте исследования предложенное объяснение и выявить современное значение изучаемого вопроса (т.е. в первую очередь показать то расстояние, которое отделяет нас от той эпохи и ее проблем). Жанр биографии заставляет сегодня историка столкнуться с основными, так сказать “классическими” проблемами его ремесла, лишь еще больше углубив и усложнив их» (9, с. 102–103).

Любой историк сталкивается с проблемой наличия или недостаточности, доступности или недоступности исторических источников. Исследователь, пишет Ж. Ле Гофф, всегда ограничен содержанием документов, которые определяют задачи и границы его работы. О Людовике Святом сохранилось достаточно источников, от биографий до агиографий. Но именно это многообразие заставило исследователя задуматься об их достоверности, о проблеме воображаемого и конкретного исторического персонажа. Историк должен уметь работать с документами так, чтобы проявить «историческую реальность». Значительная часть источников – это агиографии, в которых Людовик предстает и как король, и как святой в соответствии с идеологическими представлениями биографов своего времени. «Мне пришлось спросить себя: а можно ли вообще по имеющимся источникам узнать, каким Людовик Святой был “на самом деле”, в реальной исторической действительности?» (9, с. 106).

Повествование Ж. Ле Гоффа отходит от классического линейного изложения: рождение – жизнь – смерть. В книге три части: первая часть – более нарративная, рассматривает проблемы, вставшие на том или ином этапе жизни Людовика, т.е. собственно биография. Вторая часть посвящена критическому разбору работ, составленных современниками «святого короля». В третьей части автор попытался проникнуть внутрь того персонажа, каким был Людовик Святой, изучить те черты, которые создали его образ идеального и совершенного монарха (9, с. 113–115). Чтобы решить поставленные задачи Ж. Ле Гофф использовал одни и те же тексты и сюжеты на разных этапах исследования, но рассматривал их в

разных плоскостях. Таким образом ему удалось показать личность короля и его образ, человека и святого.

Объясняя свой метод работы, Ж. Ле Гофф затронул проблему темпоральности в историко-биографических исследованиях. Согласно традиционной точке зрения биография охватывает жизнь «от колыбели до могилы». Но, поскольку время жизни короля не совпадает со временем его правления, то автор ввел понятие политического времени – «времени, непредсказуемого ни в начале, ни в конце, которое только сам король несет в себе всегда и всюду, поскольку является личностью, индивидуальностью. <...> Людовик Святой был современником завершения фазы длительного экономического подъема, исчезновения крестьянского серважа и утверждения городского бюргерства, создания нового феодального государства, триумфа схоластики и становления нищенствующего благочестия. Ритм этих великих событий по-разному сказывался на юности, зрелости и старости короля, на его поведении до и после болезни 1244 г., до и после возвращения из крестового похода в 1254 г., иногда заставляя его быть на переднем крае перемен, часто в гармонии с ними, а порой задерживая их ход. Подчас кажется, что он то подгоняет историю, то становится ее тормозом» (9, с. 112–113).

Отказ от традиционной хронологической манеры изложения часто и плодотворно применяется в биографиях разных жанров, например в так называемых интеллектуальных биографиях и в биографиях ученых. Авторы подобных исследований выдвигают на первый план контекст, среду обитания, узловые моменты в жизни субъекта и исследуют их в определенном ракурсе. Таким образом, появляется возможность показать источники мировоззрения, условия создания концепции или научного открытия, передать атмосферу творчества, проследить судьбу интеллектуального наследия после смерти творца. В данном случае биография теряет свою повествовательность и становится многофокусным углубленным исследованием, в котором субъект и контекстное окружение одинаково важны и дополняют друг друга.

Примером тому может служить интеллектуальная биография выдающегося американского социолога Талкота Парсонса, написанная немецким социологом, профессором Гейдельбергского университета Утой Герхардт (22). Автор поставила перед собой несколько целей: 1) показать изменение социологической концепции Т. Парсонса в период 1930–1960-х годов и его способов изучения демократии; 2) подтвердить эволюцию взглядов социолога на де-

мократию в зависимости от определенных исторических и политических событий: «нового курса» Т. Рузвельта, Второй мировой войны, «эпохи маккартизма», борьбы американцев за защиту гражданских прав в 1960-е годы, Уотергейтского скандала; 3) рассмотреть отношение Т. Парсонса к принципу утилитаризма (в разных его формах от социал-дарвинизма до теории рационального выбора) (22, с. 9–10).

Поставленные цели определили характер изложения, автор оставила за рамками такие классические составляющие биографии, как происхождение, детство, юность, учеба в университете. На первый план выдвигается происхождение и эволюция социологической концепции Т. Парсонса, его политические взгляды, научная и педагогическая деятельность, научное окружение и, конечно, исторический контекст.

Подобный ракурс потребовал и определенной источниковой базы. Неслучайно в предисловии к книге У. Герхардт подчеркивает, что в отличие от большинства других исследователей творчества Т. Парсонса она использовала не только опубликованные работы, но и подготовительные материалы к книгам, заметки к лекциям, черновики. Изложение группируется вокруг четырех основных элементов концепции Т. Парсонса. В первой главе «Понимание структуры социальных действий», разбирая основные положения получившей мировое признание работы «О структуре социального действия», У. Герхардт показывает, что в этой книге, так же как и в лекции 1938 г., Т. Парсонс четко определил свои политические приоритеты, противопоставляя немецкий национал-социализм и американский «новый курс». Тогда же он обратился к изучению таких социальных явлений, как политический террор и массовая агрессия. Вместе с тем социолог заинтересовался политическим феноменом тоталитаризма, в частности германским фашизмом.

Отдельную главу Ута Герхардт посвящает работе гарвардских социологов в годы Второй мировой войны. Участие Т. Парсонса в этих проектах повлияло, по мнению автора, на его следующую большую работу «О социальных системах». В ней социолог затронул круг проблем, связанных с происхождением войны и ее последствиями, включая создание атомной бомбы. В тот период, пишет У. Герхардт, ученый был сосредоточен на изучении того, как функционирует демократическая система.

В 1960-е годы Т. Парсонс продолжал дополнять и развивать свою социальную теорию. Его достижениями стало описание перспектив политической власти в новых условиях демократии и раз-

работка теории социентального сообщества. У. Герхардт называет их кульминацией парсоновских размышлений о демократии.

В заключении книги автор рассказывает о том, как Т. Парсонс относился к сложным для американского общества проблемам, таким как борьба за гражданские права афроамериканцев, защита свободы университетов в годы маккартизма, война во Вьетнаме.

Не менее важен контекст, а именно историческая и политическая обстановка для биографий людей, чья жизнь пришлось пережить на переломные эпохи. В годы смут, войн и революций трагически ярко проявляется роль личности в истории и безжалостное могущество исторических процессов. Рассмотрим этот подход на примере работ, объединенных жанром – коллективные биографии и тем, что можно назвать сверхзадачей исследования – показать роль и судьбу индивида в революционном движении, революциях и Гражданской войне.

Книга Г.З. Головкова «Женское лицо русской революции» (4), как ясно из названия, посвящена женскому участию во всем многообразии революционного движения, в том числе и в террористических актах второй половины XIX – начала XX в. Автор создает масштабную картину идеологических и социально-политических взглядов революционно настроенных слоев общества, подробно описывает жизнь и быт революционеров, политкаторжан и заключенных, показывает духовную и политическую атмосферу в стране. Также он уделил немало внимания особенностям частной, семейной, интимной жизни революционерок как фактора, зачастую определявшего их судьбу.

В книге приводится масса биографических сведений как о хорошо известных и хрестоматийных революционерках (М. Спиридонова, В. Засулич), так и о тех, о ком остались только краткие упоминания в специальной литературе (В. Янчевская, М. Гейштор). Автор доказывает, что революционное движение охватило представительниц практически всех социальных слоев – от бедных местечковых семей (Д. Бриллиант) до блестяще образованных дам высшего света (А. Коллонтай, И. Арманд, Т. Леонтьева). В революцию шли дочери и жены дворян, чиновников, военных, купцов, духовенства, исключение составило только беднейшее крестьянство.

Женщины одновременно с мужчинами участвовали в революционных организациях. В созданной по инициативе А.И. Герцена и Н.П. Огарева тайной организации «Земля и воля» (60-е годы XIX в.) было примерно 18 женщин, среди них А. Энгельгардт, М. Челищева, О. Чернышевская. В 1870 г. был организован первый

в России женский политический кружок. В его состав входили С. Перовская, А. Корба, М. Лешерн. Затем они объединились с мужским кружком и стали известны как «чайковцы». Хотя чайковцы ставили перед собой мирные цели: заниматься просветительством, распространять нелегальную литературу, пропагандировать среди рабочих, правительство преследовало их. По знаменитому «Процессу 50-ти», первому гласному политическому процессу в России, были осуждены 16 женщин (С. Бардина, Л. Фигнер, В. Александрова и др.).

Женщины принимали активное участие и в партийном строительстве, а эсерки Е. Брешко-Брешковская и М. Селюк были еще и в числе создателей Боевой организации. Н. Крупская, М. и А. Ульяновы, Е. Розмирович были активными членами РСДРП. Среди революционерок были и террористки, это эсерки Л. Езерская, А. Биценко, М. Школьник. А Ф. Драпкина и С. Познер входили в Боевую техническую организацию социал-демократов. Женщины перевозили, иногда на себе (спрятав на теле или в одежде) револьверы, взрывчатую смесь, запалы к бомбам, динамит.

Г.З. Головков затрагивает малоизученную тему о женщинах-революционерках, ставших после большевистского переворота сотрудницами ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД, принимавших непосредственное участие в массовых казнях, пытках и убийствах. В Петроградской ЧК в 1918 г. садистской жестокостью выделялись Е.Д. Стасова и В.Н. Яковлева. Некоторые женщины были одновременно членами революционных партий и полицейскими осведомителями (З. Жученко, Е. Шорникова). Автор не обошел вниманием и такой феномен, как революционерки-самозванки (А. Монакова).

Исследование женского фактора в русском революционном движении привело Г.З. Головкова к выводу о том, что «во многих женщинах революции героизм сочетался с элементами авантюризма, а сентиментальность и романтизм с фанатизмом, упорством в достижении цели и беспощадной жестокостью, а у некоторых участие в революции совмещалось с банальным распутством. В неравной борьбе с правительством активность и энергия женщин значительно превышала таковые качества у революционеро-мужчин» (4, с. 516).

Набор женских портретов интересен не только в биографическом, но и в историческом аспекте. Сквозь судьбы героинь автору удалось показать, как революционная стихия на протяжении десятилетий пронизывала и разрушала Россию, как победившая революция впоследствии отнеслась к своим «создательницам и доче-

рям» – большинство из тех, кто дожил до победы социалистической революции, были репрессированы.

Д.В. Митюрин в книге «Гражданская война: Белые и красные» (11) использовал метод сравнительных жизнеописаний, сопоставив в кратких и живописных биографических очерках судьбы участников Гражданской войны. Например, первая глава «Битва несостоявшихся бонапартов» рассказывает о Л. Корнилове и А. Автономове. Они оба отличались политическим честолюбием, были участниками знаменитого Ледового похода. Л. Корнилов командовал Добровольческой армией, выступившей в феврале 1918 г. в поход на Кубань, а А. Автономов был военачальником частей Красной армии, дислоцированных в Екатеринодаре, конечном пункте этого похода.

Другая глава «Шальной осколок, шальная пуля» посвящена С. Маркову и В. Киквидзе. Профессиональный военный, белый командир С. Марков начал карьеру в дивизии, которую позже называли Железной, а революционер В. Киквидзе командовал Железной дивизией, но уже в Красной армии. Известность они приобрели во время легендарных походов Ростов–Екатеринодар–Новочеркасск; Ровно–Бердичев–Киев–Тамбов. Оба погибли в начале Гражданской войны от случайной пули.

Противопоставление характеров помогло автору выделить удивительные переплетения человеческих судеб, в данном случае непримиримых врагов. Это исследование заставляет по-новому взглянуть на события Гражданской войны, в которой каждая сторона сражалась за свою правду и свою страну.

Интерес к человеку в истории, к индивиду как таковому, повлек за собой расширение спектра источников. В частности, речь идет о биографиях, созданных в основном на основе эго-документов (дневники, письма, автобиографии, мемуары). Можно сказать, что на современном этапе биографических и исторических исследований эго-документы переживают второе рождение. Историки охотно используют их, когда речь идет и о великих, и о простых людях. Особенно активно к ним прибегают в относительно новой сфере исторической науки – «персональной истории». Общая установка этого направления, пишет Л.П. Репина, состоит в том, что реконструкция личной жизни и неповторимых судеб отдельных исторических индивидов, изучение формирования и развития их внутреннего мира, всех сохранившихся «следов» их деятельности рассматриваются одновременно и как главная цель исследования, и как адекватное средство познания того исторического социума, в

котором они жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали (16, с. 8).

Биографы охотно применяют эго-документы в исследованиях. В этом отношении особый интерес представляет книга Е.М. Ржевской «Геббельс. Портрет на фоне дневника» (18). Автор не является профессиональным историком, в годы Второй мировой войны она была переводчиком в штабе Советской армии и участвовала в процедуре опознания тел А. Гитлера и Й. Геббельса, а также в разборе документов, найденных в гитлеровском бункере.

Работа Е. Ржевской – это не просто биография на основе эго-документов. Своей целью она поставила не столько проследить жизненный путь Й. Геббельса, сколько показать, как идеология и практика фашизма формировали внутренний мир индивида, который, в свою очередь, в прямом и переносном смысле отдал ему всю свою жизнь, а также жизнь своих родных.

Конечно, автор использовала и другие материалы: архивные документы, фотографии, мемуары, научные издания для воссоздания обстановки и атмосферы того времени. Но именно дневниковые записи в этом исследовании задают тон, поскольку «дневник дает редчайшую возможность проследить, как в человеке накапливался фашизм» (18, с. 118). Неслучайно Е. Ржевская называет его «саморазоблачительным документом» (18, с. 6). Дневник, пишет она, дает возможность проследить за модификациями личности Геббельса, отдавшегося нацистской карьере на службе у Гитлера. Также этот источник позволяет реконструировать обстановку и атмосферу в среде фашистского руководства. Геббельс начал вести дневник в 1923 г., описывая борьбу нацистов за власть и подготовку к войне, комментируя события в стране и в мире. Помимо того, что он откровенно делился с дневником подробностями своей личной жизни, не осталась без внимания и частная жизнь однопартийцев, отношения среди них. Геббельс – единственный из ближайшего окружения Гитлера, который систематически фиксировал факты и события, подробно записывал доверительные беседы с фюрером.

В ходе работы с источниками, будь то эго-документы или любые другие, перед биографом неизбежно встает ряд проблем как профессионального, так и этического характера. Помимо профессиональных навыков работы с документами биограф должен уметь «держаться дистанции» и с материалом, и с субъектом биографии. Профессиональные биографы подчеркивают необходимость преодолевать постоянно возникающие во время работы со-

бланы, как то «пойти за материалом» или идеализировать своего героя. Биографу следует удерживать свою позицию и сохранять научную беспристрастность. Писатель, автор нескольких биографических книг А. Варламов подчеркивает, что нужно иметь в виду еще один важный момент, когда пишешь биографию: «Никому нельзя верить. Все врут: мемуаристы, современники, потомки, родственники, сами писатели. Врут безбожно, мифологизируя свои судьбы иногда вынужденно, иногда произвольно» (цит. по: 20, с. 13).

Также биограф может столкнуться с недоступностью информации не только из-за ее отсутствия, а в связи с нежеланием родственников или других держателей частных документов дать возможность ознакомиться с ними. Подобная ситуация описана историком науки и психологом Ричардом Ноллом, автором нескольких книг, в том числе и биографии Карла Густава Юнга. Во вступлении к книге «Тайная жизнь Карла Юнга» (12) автор пишет, что в начале работы над биографией исследователь видит «освященный путь событий, ведущих нас к рождению индивида и с всеведением слепого бога предсказывающих, что случилось потом. Часто историк или биограф с разочарованием обнаруживает, что дугу между рождением и смертью покрывает тень» (12, с. 7). Но, продолжает Р. Нолл, сведения, необходимые для написания биографии, часто бывают утрачены или намеренно сфальсифицированы самим героем истории или его близкими. В этом отношении показательна ситуация с К. Юнгом. Р. Нолл считает, что только даты рождения и смерти психиатра можно считать твердо установленными фактами, несмотря на значительное количество дошедших до нас источников: автобиография К. Юнга; двадцать с лишним томов его «Собраний сочинений»; два тома опубликованных писем, записей о проводимых им семинаров. Первые 60 лет его жизни остаются покрытыми тайной. Частные дневники психиатра, отправленные и полученные им письма, знаменитая «Красная книга», где он фиксировал свои впечатления от встреч с миром бессознательного, личные бумаги и письма его жены и сотрудницы Эммы Юнг, дневники и личные бумаги его сотрудницы и любовницы Антонии Вольф по желанию членов семьи закрыты для доступа.

Основой биографических исследований о К. Юнге до недавнего времени служили «Воспоминания, сновидения, размышления», конгломерат материалов, собранный и опубликованный ассистенткой психиатра. В этих материалах, подчеркивает Р. Нолл, «вопреки личным пожеланиям К. Юнга, его слова <...> были

изменены в угоду тому его имиджу, которому отдавали предпочтение его семья и ученики» (12, с. 3). Имеется огромное сопротивление со стороны приверженцев К. Юнга по отношению к изменению мифа, продолжает Р. Нолл. Под этим он подразумевает «вовлечение Юнга в определенное время и пространство, возвращение его в германский культурный контекст и унижительный спуск из мифопоэзиса в историю» (12, с. 7).

Ричард Нолл не собирался писать полную, подробную и обновленную биографию К. Юнга. Он хотел лишь воссоздать, восстановить некоторые утраченные моменты его жизни, заново взглянуть на некоторые положения его учения. Автор поставил перед собой цель – выйти за рамки официального, признанного мифа и сформировать альтернативный миф о корнях и причинах, оформлении и формировании, эволюции как личности К. Юнга, психолога, философа, а в конце жизни и основателя религии, так и его концепции. Поэтому Р. Нолл начинает свой рассказ не с рождения своего героя, а гораздо раньше, обращаясь к семейным истокам и прослеживая интеллектуальное и духовное формирование его деда и отца, а также обрисовывая состояние интеллектуальной, духовной, религиозной и мистической жизни в Германии и Швейцарии второй половины XIX в. Вот на этом семейно-культурно-религиозном фоне автор раскрывает свое видение становления и формирования философско-религиозных аспектов концепции К. Юнга, а также изменения его личной идентичности.

Доминирующим свойством личности К. Юнга автор считает его «одержимость экзистенциальными вопросами со всеми этими смыслами и бессмысленностями жизни, мистериями, сакральными вещами» (12, с. 5). Р. Нолл убедительно доказывает, что К. Юнг искренне верил в свое религиозное предназначение и сознательно создавал своего рода религиозное сообщество, основу которого составляла его личность и его концепция. В подтверждение автор приводит слова близкого друга К. Юнга О. Бёлера: «Он рассматривал свою жизнь как миссию, как служение функции сделать Бога сознательным. Ему надлежало помочь Богу сделать себя сознательным, причем не для нашего блага, а для блага самого Бога» (12, с. 6).

Р. Нолл доводит свой рассказ до 1936 г. – именно тогда укрепилось международное признание К. Юнга. Психиатр начал выступать с лекциями в американских университетах, росло количество его приверженцев в США и Великобритании. События Второй мировой войны заставили психиатра по крайней мере на

публике подчеркивать свое швейцарское происхождение, чтобы отмежеваться от фашизма. «Он также стал все более интенсивно заниматься своими исследованиями по алхимии – дабы вызвать впечатление, что в его религиозном мировоззрении по-прежнему осталось что-то от христианства и монотеизма. Его алхимические тексты переполнены ссылками на Библию и особенно на Христа. Юнг даже сделал специальный акцент на том, что алхимическая работа является одной из фаз духовного искупления» (12, с. 318–320).

Об этических проблемах, с которыми сталкивается биограф во время сбора информации и работы над источниками, пишет С. Магарей в статье с говорящим названием «Три вопроса для биографа: Публичная или частная? Индивидуальная или общественная? Правда или приукрашивание?» (25). С. Магарей в сотрудничестве с К. Раунд собирали материалы для работы над биографией Ромы Флиндерс Митчелл (1913–2000) – первой в Австралии женщины – королевского адвоката, ректора университета, губернатора штата. Эта выдающаяся личность принадлежала к тем, кого принято называть публичной персоной. Р. Флиндерс Митчелл не была замужем, что порождало различные сплетни о ее тщательно закрытой частной жизни.

В ходе работы авторы столкнулись с вопросами, вынесенными в заглавие статьи. Первый вопрос: Биографию какого типа следует написать – интимную или официальную? Дело в том, что сотрудники Р. Флиндерс Митчелл не хотели обсуждать с биографами ее жизнь. «Казалось, что они [коллеги] придерживались мнения, что задача биографа – раскопать секреты частной – читай – сексуальной жизни и затем выставить их для навязчивого и возможно дискредитирующего обсуждения» (25, с. 2).

Второй вопрос: Биография индивидуальная или социальная? Этот вопрос был порожден той точкой зрения, согласно которой отношения между биографией и социальной историей – новая сфера исследований. Наш подход, пишет С. Магарей, заключался в том, что нарратив индивидуальной жизни может стать понятным только в том случае, если он подкреплён деталями социальной истории, т.е. процессом, который также может быть описан как фокусирование на социальной истории сквозь призму индивидуальной жизни.

Третий вопрос: правда или приукрашивание? Это вопрос о том, каким образом биограф организует материал. С. Магарей пишет, что по ходу работы над биографией были рассмотрены все

возможные и заслуживающие внимания источники, подходящие для воссоздания облика Р. Флиндерс Митчелл, при этом не было никаких скидок на защиту частной жизни. «Мы попытались сделать жизнь Р. Флиндерс Митчелл интересной, включив ее в социальную историю XX в. Мы выбрали правду до той степени, до которой это возможно, и постарались сделать это красиво» (25, с. 22).

Об этических проблемах, встающих перед биографом, упоминает и Н. Гамильтон. Он прямо заявляет, что написание биографии требует от исследователя не просто смелости, но своего рода безрассудства. «Это будет борьба между щепетильностью и необходимой невосприимчивостью, соперничество между вашими планами и тем, что будет позволено в действительности. Как вы будете решать эти этические проблемы, касается только вас и вашего издателя, но решать должны именно вы! <...> Фактически, как только появилась первая биография, возник повод для противоречий, противопоставлений частного и публичного, честности против лицемерия, правды против последствий, последствий раскрытия правды о реальных людях» (23, с. 324, 330).

Подводя итоги этому краткому и, конечно, неполному обзору современного состояния исторической биографии, необходимо отметить, что полемика несет на себе отпечаток национальных трендов исторической науки. Естественно, каждый историк вносит нечто свое, но можно определить доминирующие направления. В российской историко-биографической дискуссии в отличие от иностранной нет сомнений относительно легитимности и чистоты жанра биографии как исторического проекта. При этом часть российских историков по-прежнему придерживается романтически идеалистического взгляда на субъект биографии – это могут быть только великие, подразумевается положительные, хорошие люди. Вместе с тем российские историки обсуждают, что представляет собой историческая биография и каково ее место среди таких новых исследовательских полей, как персональная история или интеллектуальная история? Заметно возрос интерес исследователей и читателей к биографиям тех, о ком советская история либо умалчивала, либо публиковала фальсифицированные работы.

Зарубежные историки не задаются вопросом: кто может быть героем биографии? Они больше озадачены поиском новых субъектов, а значит, новых источников, новых способов исследований и группировки материала, новых методов интерпретации. В работах американских и британских историков заметен большой интерес к биографиям женщин, а также к представителям тех

этнических и социальных слоев, которые раньше игнорировались научным сообществом. А итальянские и французские ученые уделяют больше внимания проблемам анализа (микро- и макроуровней) в биографических исследованиях.

В общем, можно заключить, что эмоциональные заявления некоторых представителей исторического сообщества о кризисе и упадке биографии, о нелюбви историков к этому жанру верны, но только отчасти. Нельзя не заметить постоянное плодотворное обсуждение теоретико-методологических подходов к биографическим исследованиям, расширение используемых источников, открытие новых субъектов биографии. И, что не маловажно, популярность у читателей хорошо написанных биографий.

Список литературы

1. Александров Е.П. Историческая биография как историографическая проблема: К изучению вопроса // Ученые записки РГСУ. – М., 2008. – № 4. – С. 223–227.
2. Бельский И.Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Репиной Л.П. – М.: Кругъ, 2005. – С. 37–55.
3. Володихин Д.М. Экзистенциальный биографизм в истории // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». – 1999. – № 24 июль. – С. 256–260. – Режим доступа: <http://ist-bessmertie.narod.ru/statii.htm>. Дата посещения: 12.09.2010.
4. Головкин Г.З. Женское лицо русской революции. – М.: Флинта, 2010. – 517 с.
5. Голубович И.В. Биография как социокультурный феномен: Методология анализа в гуманитарном знании // Интегративна антропология. – Одесса, 2009. – № 1 (13). – С. 47–53.
6. Земон Дэвис Н. Дамы на обочине: Три женских портрета XVII в. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 400 с.
7. История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Репиной Л.П. – М.: Кругъ, 2005. – 720 с.
8. Культурология: Энциклопедия: В 2 т. – М.: РОССПЭН, 2007. – Т. 1. – С. 218–221.
9. Ле Гофф Ж. О биографии исторического персонажа (Людовик Святой) // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. – М.: РГГУ, 1999. – Вып. 2. – С. 101–117.
10. Леви Дж. Биография и история // Современные методы преподавания новейшей истории. – М.: ИВИ РАН, 1996. – С. 191–207.
11. Митюрин Д.В. Гражданская война: Белые и красные. – М.: АСТ, 2004. – 282 с.

12. Нолл Р. Тайная жизнь Карла Юнга. – М.: Рефл-бук: Ваклер, 1998. – 429 с.
13. Ревель Ж. Биография как историографическая проблема. – М., 2002. – 57 с.
14. Репина Л.П. Биографический подход в интеллектуальной истории // *Философский век*. – СПб., 2006. – Вып. 32: Бенджамин Франклин и Россия. – С. 101–108.
15. Репина Л.П. Интеллектуальная история в человеческом измерении // *Человек второго плана в истории*. – Ростов н/Д, 2006. – Вып. 3. – С. 5–20.
16. Репина Л.П. Историческая биография и «новая биографическая история» // *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории*. – М.: ИВИ РАН, УРСС, 2001. – Спец. вып.: Историческая биография и персональная история. – С. 5–12.
17. Репина Л.П. Персональная история и интеллектуальная биография // *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории*. – М.: ИВИ РАН: УРСС, 2002. – Спец. вып.: Персональная история и интеллектуальная биография. – С. 5–11.
18. Ржевская Е.М. Геббельс: Портрет на фоне дневника. – М.: Слово / SLOVO, 1994. – 384 с.
19. Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: (очерки по истории философии и культуры). – М.: Политиздат, 1991. – 432 с.
20. Холиков А.А. Биография писателя как жанр. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 91 с.
21. Fleming R. Writing biography at the edge of history // *Amer. hist. rev.* – Chicago, 2009. – Vol. 114, N 3. – P. 606–614.
22. Gerhardt U. Talcott Parsons: An intellectual biography. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2002. – 312 p.
23. Hamilton N. How to do biography: A primer. – Cambridge: Harvard univ. press, 2008. – 380 p.
24. Kennedy H. Technobiography: Researching lives online and off // *Biography / University of Hawaii*. – Hawaii, 2003. – Vol. 26, N 1. – P. 130–139.
25. Magarey S. Three questions for biographers: Public or private? Individual or society? Truth or beauty? // *J. of hist. biography*. – Hawaii, 2008. – Vol. 4. – P. 1–26. – Mode of access: <http://www.ufv.ca/jhb>. Дата посещения: 16.08.2009.
26. Nasaw D. Introduction // *Amer. hist. rev.* – Chicago, 2009. – Vol. 114, N (June). – P. 573–578.
27. Paradise J., Andrews L. Tales from the crypt: Scientific, ethical, and legal considerations for biohistorical analysis of deceased historical figures // *Temple j. of science, technology a. environmental law*. – Philadelphia, 2007. – Vol. 26, N 2. – P. 223–299.
28. Sorapure M. Screening moments, scrolling lives: diary writing on the web // *Biography / University of Hawaii*. – Hawaii, 2003. – Vol. 26, N 1. – P. 1–23.
29. The turn to biographical methods on social science: Comparative issue and examples. – L.: Routledge, 2000. – 346 p.

30. Wengraf T., Chamberlayne P., Bornat J. A biographical turn in the social sciences? A British–European view // Cultural studies<=>Critical methodologies: Sage journals online. – Thousand Oaks, 2002. – Vol. 2, N 2. – P. 245–269. – Mode of access: <http://csc.sagepub.com/cgi/content/abstract/2/2/245>. – DOI: 10.1177/1532708620020021. Дата посещения: 27.10.2009.
31. Wolpert S. Biography as history: A personal reflection // J. of interdisciplinary history. – Cambridge, 2010. – Vol. 40, N 3. – P. 399–412.

«...ВСЯ ИСТОРИЯ – ЕСТЬ БИОГРАФИЯ»¹
(Сводный реферат)

1) **Ротберг Р.** Вступление: Биография и история.

Rotberg R.I. Preface: Biography and history // J. of interdisciplinary history. – Cambridge (Mass.), 2010. – Vol. 40, N 3. – P. i–vii.

2) **Ротберг Р.** Биография и историография: Обоюдные доказательства и междисциплинарные размышления.

Rotberg R.I. Biography and historiography: Mutual evidentiary and interdisciplinary considerations // Ibid. – P. 305–324.

3) **Прествич М.** Средневековая биография.

Prestwich M. Medieval biography // Ibid. – P. 325–346.

4) **Браун Д.** Создавая Дарвина: Биография и изменение представлений о Чарльзе Дарвине.

Browne J. Making Darwin: Biography and the changing representations of Charles Darwin // Ibid. – P. 347–373.

5) **Риал Л.** Печальный конец истории? Современное состояние и перспективы политической биографии.

Riall L. The shallow end of history? The substance and future of political biography // Ibid. – P. 375–397.

В реферируемых статьях рассматриваются взаимные влияния, переплетения и связи между историческими и биографическими исследованиями. Профессиональные историки и биографы из разных стран анализируют, как биография и история пересекаются, дополняя друг друга и сосуществуя в поле историографии. Авторы делятся своими соображениями об искусстве написания биографии, причинах, влияющих на выбор субъекта исследования, сравнивают различные методы и трактовки, обсуждают проблемы

¹ Цит. по: Rotberg R. I. Preface: Biography and history // J. of interdisciplinary history. – Cambridge (Mass.), 2010. – Vol. 40, N 3. – P. 305.

отбора и анализа источников. В предисловии Р. Ротберг (1), адъюнкт-профессор и директор Программы внутригосударственных конфликтов Школы управления им. Кеннеди при Гарвардском университете (США), подчеркивает, что статьи написаны специалистами по исторической биографии и знатоками истории.

Р. Ротберг, автор биографий путешественников и первооткрывателей стран Африканского континента С. Родса и С. Гор-Брауна, а также американского общественного деятеля начала XX в. Э. Джинна, начинает статью «Биография и историография: Обоюдные доказательства и междисциплинарные размышления» (2) с защиты биографии как легитимного исторического жанра: «Биография – есть история, она зависит от истории, усиливает и обогащает ее. В свою очередь, вся история есть биография. История едва ли может существовать без биографической способности проникать в суть – без ткани человеческих усилий, которая возникает из полного их понимания, реальных или постигаемых ограничений человеческих действий и внешних влияний на человеческое поведение» (2, с. 305).

Фактически все содержание истории Р. Ротберг сводит к действию человеческого фактора. Конечно, он признает важность социальных сил, структурных и культурных переменных, научных и политических достижений, но неизменно подчеркивает, что всегда и за всем стоит человек. Только биографы, являющиеся хорошими историками, утверждает он, могут «просеять пыль» прошлых времен, представить убедительные теории о решающих моментах истории и о тех, кто формировал их. Только профессиональный биограф, взяв на вооружение историографию отдельных исторических периодов и географических регионов, может объяснить, почему индивиды делали то, что они делали, когда они это делали и что они при этом думали.

Биография – это не метод и не художественная форма, существующая отдельно от истории. В идеале биография – это неотъемлемая составляющая историографии, так же как лучшие образцы работ по социальной или экономической истории, пишет автор. Биографические интерпретации никогда не должны отрываться от своего темпорального или пространственного контекста, а выбор и рациональные действия, которые, по мнению Р. Ротберга, создают историю, совершаются только в этих (пространственных и темпоральных – *Прим. реф.*) границах. Другими словами, индивид всегда находится в сетях истории и никогда за ее пределами, что бы об этом он или его биограф ни думал.

В отличие от нарративной истории, которую можно написать, не прибегая к наборам междисциплинарных и кроссдисциплинарных методов, качественная биография – это нечто большее чем просто подбор определенного количества фактов. Биограф должен задаться следующими вопросами.

1. Что оказывало влияние на субъекта на протяжении его жизни?

2. Почему он выбрал этот жизненный путь?

3. Каким экономическим, политическим, психологическим и психосоциальным факторам были подчинены его действия?

4. Каким образом мы можем показать, что его действия или решения были странными или субъект временами колебался в своем выборе?

В этом и заключается вклад биографа в историю: собрать факты, взвесить их значение и проверить опровергающие их теории.

От хорошего биографа требуется не только детальное знание жизни субъекта, но и умение рассмотреть ее в разных сферах. Р. Ротберг вспоминает, что, когда он работал над биографией Сесила Родса и пытался понять его личность, а так же его влияние на современников и вклад в эпоху, ему пришлось познакомиться с геологией, горной инженерией, финансами и финансовыми манипуляциями, даже с риторикой (поскольку Сесил Родс был не только политиком, но и политическим интриганом). Сфера интересов С. Родса также включала в себя сельское хозяйство, садоводство (он ввез в Африку цитрусовые) и разведение овец. Р. Ротбергу пришлось проштудировать соответствующую литературу и по этим темам, включая болезни овец и их распространение. «Биография становится интеллектуальной историей потому, что мы должны узнать обо всех влияниях на все аспекты жизни и деятельности человека» (2, с. 307). Р. Ротберг подчеркивает значимость внешних и внутренних факторов на формирование интеллектуального и духовного склада личности С. Родса: страстную любовь к чтению, его окружение в годы учебы в Оксфорде, членство в масонской ложе.

Объясняя, почему только профессиональный историк может написать хорошую биографию Р. Ротберг говорит о том, что историки обладают специальными знаниями, помогающими разместить жизнь и деятельность индивидуального актора в широких границах региональной и глобальной истории, соединить внутренние и внешние факторы, осветить точность того, что субъект собирался сказать или не сказать о том, что он сделал или не сделал.

Только профессиональные историки могут проникнуть в глубину индивидуальной мотивации и объяснить ее независимо от последствий и результатов.

Р. Ротберг уделяет внимание некоторым моментам, отличающим профессиональную историческую биографию от ее популярной и популистской форм. Первое и основное отличие – историческая биография должна быть основана на фактах. Автор не должен фабриковать диалоги, ему следует избегать слишком обширных допущений и догадок, он должен исследовать и то, что известно, и то, что неизвестно, т.е. автор должен опираться на источники и неукословно их цитировать. Автору необходимо воздерживаться от общих описаний и четко формулировать выводы. В исторической биографии, как правило, приводятся аргументы и контраргументы, а автор не боится оговорить пределы того, что он знает.

Агиография не является биографией, по мнению Р. Ротберга. Даже если автор проникается чувствами к субъекту исследования (а такое случается во время интенсивной познавательной работы), он должен оставаться объективным: «Историк-биограф должен хотеть навести лоск на свою работу, но не на характер субъекта исследования» (2, с. 321). Историка не следует склоняться на чью-либо сторону, он должен хладнокровно показывать достижения и ошибки героя.

Р. Ротберг уверен, что биографические исследования обладают значительным потенциалом, поскольку благодаря им открываются новые документы и источники, пересматриваются интерпретации и исследовательские тренды. «Написание хорошей биографии означает написание хорошей истории. <...> Без биографий и биографов разного рода, особенно щепетильных и ответственных, исторические исследования будут гораздо менее информативными и неполными» (2, с. 324).

В статье «Средневековая биография» (3) известный историк-медиевист М. Прествич, почетный профессор истории Даремского университета (Великобритания), делится своим опытом в области создания биографий средневековых исторических деятелей (на примере биографии короля Эдуарда I) и своим пониманием тех изменений, которые претерпел этот историографический жанр на протяжении минувшего столетия.

В первой половине XX в., указывает М. Прествич, отношение историков к жанру исторической биографии было в лучшем случае настроенным, а скорее, негативным, что связано с характерным для позитивистской историографии отрицанием нарратив-

ной истории, наиболее чистым воплощением которой является биография. В своей книге «Практика истории» известный историк Дж. Элтон писал: «В той мере, в какой биография может считаться историей, она демонстрирует потенциальную слабость нарратива» (3, с. 326). В кругах академической элиты вплоть до 1990-х годов обращение историка к жанру биографии ложилось пятном на его репутацию.

Однако в 1980-х годах некоторые исследователи начинают говорить и о том, что «научная история», опирающаяся исключительно на столбцы экономических данных, не оправдала ожиданий ее адептов. Среди историков вновь возникает интерес к проблемам власти, приходит понимание исторической значимости политических решений отдельных личностей или превратностей военной фортуны. На фоне этих перемен происходит интеллектуальная реабилитация нарративной истории, в том числе и биографии. Новые подходы, связанные, с одной стороны, с влиянием «лингвистического поворота» (в первую очередь с работами Хейдена Уайта), с другой – с попытками применения психологических и психоаналитических методик к анализу исторических свидетельств биографического характера, придают старому жанру все бóльшую популярность.

Майкл Прествич, однако, не скрывает своего скептического отношения к этим последним тенденциям, утверждая, что «в большинстве постмодернистских дискуссий относительно простые идеи выражаются мутным и причудливым языком, что противоречит принципам историографии, призванной говорить о сложных явлениях просто и ясно» (3, с. 331). Таким образом, в отличие от постмодернистов М. Прествич считает задачей истории «объяснение, прояснение и интерпретацию прошлого» (Там же).

Не меньшее неприятие вызывают у него попытки применять психологические методы и терминологию, которые он оценивает как анахронизм. Стремление нынешних исследователей «ставить диагнозы» людям прошлого он сравнивает с моральными вердиктами историка У. Стаббса, судившего средневековых властителей с позиций этики английского джентльмена XIX в. (3, с. 335).

В качестве положительных тенденций последних десятилетий М. Прествич отмечает расширение круга «героев» биографий. К таким традиционным фигурам, как короли и ведущие политические деятели в качестве «субъектов» биографических исследований добавились епископы (для воссоздания биографий которых бесценный материал дают епископские регистры) и книжники.

На волне интереса к гендерным исследованиям появилось довольно много женских биографий, героинями которых стали Элеонора Кастильская, Элеонора Прованская, Елизавета Бургундская и др.

В качестве смелого (на взгляд М. Прествича – излишне смелого) опыта упомянута книга Джона Хатчера «Черная смерть»¹, в который анализ реальных документов, относящихся к эпидемии чумы в Англии, представлен в форме биографии практически выдуманного лица – приходского священника Мастера Джона. Эту книгу М. Прествич характеризует как «странную химеру, достойную восхищения, но не подражания» (3, с. 343).

Отдельная тема статьи – рассуждения М. Прествича о проблемах, с которыми он столкнулся при написании биографии короля Эдуарда I, и, более широко, о трудностях, с которыми сталкиваются медиевисты, обращающиеся к такого рода работе.

Первой сложностью, по мнению М. Прествича, является уже упомянутая выше и продиктованная жанром нарративность. Будучи неизбежно хронологически выстроенной и нарративной, биография, как считает автор, должна включать в себя элементы аналитического исследования и затрагивать более широкие темы, связанные с политической историей и историей государственных институтов.

В истории средневековья дополнительным препятствием является отсутствие надежных свидетельств, особенно если речь идет о таких необходимых для биографа сведениях, как характер «героя» и мотивы его поступков. Исследователь предлагает использовать в качестве источников приходно-расходные книги и другие документы, позволяющие увидеть незначительные частные эпизоды, говорящие о характере того или иного лица. (Скажем, тот факт, что в приходно-расходных книгах Эдуарда I содержится запись о выплате компенсации некоему эсквайру, с которым король подрался на свадебном пиру собственной дочери, может указывать на то, что король был человеком вспыльчивым.)

При наличии источников встает проблема их интерпретации, и здесь, отмечает М. Прествич, историка подстерегают еще две опасности: преувеличить значимость своего героя или начать отождествлять себя с ним, приписывая средневековому персонажу собственные проблемы и мысли (примером такого отождествления

¹ Hatcher J. The Black death. – Cambridge (Mass): Da Capo Press, 2008. – 318 p.

служит, по мнению М. Прествича, написанная Р. Сузерном биография Роберта Гроссетеста)¹.

Подводя итоги, Майкл Прествич указывает, что, хотя много хороших исторических монографий было написано в последние годы в форме биографий, сфера применимости этого жанра достаточно узка: 1) биографии не могут дать понимания долговременных процессов; 2) средневековые биографии в силу специфики источников затрагивают только элитные слои общества, т.е. для изучения истории государства, истории города и экономической истории биографии в большей степени бесполезны. Жанр биографии может занять свое место в современной историографии, но при этом необходимо помнить о том, что история – это не просто сумма историй мужчин и женщин (3, с. 346).

О специфических особенностях создания биографий ученых, о ее роли и месте в истории науки размышляет специалист по истории науки, профессор Гарвардского университета (США) Д. Браун в статье «Создавая Дарвина: Биография и изменение представлений о Чарльзе Дарвине» (4). На протяжении долгого времени было принято рассматривать науку как набор последовательных открытий, больших или малых. Эти открытия и были тем, что придает ценность работе ученого. Многие биографии сконцентрированы вокруг момента открытия, а их сильное нарративное воздействие дает читателю чувство соучастия с научным творчеством. Авторы подобных работ соединяют науку и человеческое воображение, «исследуют творческие процессы человеческого интеллекта, образы, стимулирующие оригинальные озарения, долгие часы, проведенные за лабораторным столом, борьбу за то, чтобы зафиксировать мысли в словах, диаграммах и цифрах» (4, с. 348). Такие биографии существенно расширяют наши представления о том, как выдающиеся ученые, мужчины и женщины, приближались к главному моменту их жизни.

Примерно с 1970-х годов науку стали рассматривать как социальный процесс, поэтому появился новый взгляд на то, как надо писать индивидуальные и коллективные биографии. Авторы стали уделять внимание сетям, объединяющим отдельных ученых в большие рабочие группы, а также журнальным и другим публикациям, освещающим их работу, циркуляции идей в перекрещивающихся сетях сотрудничества или научной корреспонденции,

¹ Southern R. W. Robert Grosseteste: The growth of an English mind in medieval Europe. – N.Y.: Oxford univ. press, 1986. – 408 p.

возникновению индивидуальной идентификации ученого. Этот подход инициировал размышления об отношениях между знанием, например в форме эксперимента, и наблюдениями и превращением знания в определенный продукт, предназначенный для широкой аудитории, которая будет его оценивать. «Когда научное творчество рассматривается как процесс, социальные, интеллектуальные и биографические характеристики людей описывают тесные взаимосвязи с профессиональным окружением, в котором они (люди – *Прим. реф.*) действуют» (4, с. 349). Такие формы научной биографии, по мнению автора, обеспечивают историографически значимое пространство, в котором исследуются институциональные нормы и социальные ожидания от науки.

Одной из форм научных биографий является изучение группы ученых или соавторов и исследовательских школ. Когда в научной биографии уделено внимание многим смежным областям, в которых работают индивиды, то появляется возможность надежного исторического анализа науки как таковой. Изучить персональные успехи или неудачи, знаменитые или забытые, – значит, исследовать консолидацию идей вокруг того, что значит быть ученым в определенный период времени, пишет Д. Браун.

Подобные исследования также вносят вклад в объяснение абстрактной природы научного знания. Одной из характерных особенностей современной науки является то, что факты и теории являются объективными и универсальными, следовательно, они могут быть отделены от людей, которые пришли к некоторому выводу или озвучили некое предположение. В биографии можно постараться объяснить это разделение и попытаться показать процесс объективизации знания.

Биографические исследования предоставляют автору определенную степень свободы, в них можно усилить индивидуальный или контекстуальный аспект. Также они могут показать, что некое дело, которое человек считал самым важным в своей жизни, совсем не то, что историки выбрали для увековечивания. Биографы могут полагать, что значимость науки не коренится исключительно в самой науке. Биография – это исключительно свободный жанр.

Далее Д. Браун на примере работ о Чарльзе Дарвине показывает, как со временем, в зависимости от исторических обстоятельств и изменений научной моды, менялся фокус изучения и интерпретации личности, а также творчества. В начале XX в. дарвинизм был глобальным явлением, центром научных споров в

международных географических и культурных кругах, объясняет свой выбор субъекта Д. Браун.

Одна из первых биографий Чарльза Дарвина была опубликована в Швеции вскоре после его смерти в 1882 г. С тех пор вышло более 70 работ. Характерной особенностью многих биографий естествоиспытателя является повышенный интерес исследователей к культурной атмосфере того времени. Многие авторы стремились объяснить путь Ч. Дарвина к творчеству через образование, личное развитие, круг чтения, внутреннюю жизнь и аналогичные элементы в широком контексте викторианской эпохи. Эти авторы задаются одними и теми же вопросами: как Дарвин стал человеком, написавшим «Происхождение видов»? Как он смог превратиться из страстного любителя природы в одного из величайших мыслителей и создателя биологической концепции?

Основным документом для изучения жизни и творчества Ч. Дарвина долгое время был трехтомник «Жизнь и письма Чарльза Дарвина» (*The life and letters of Charles Darwin*), опубликованный в 1887 г. его сыном Френсисом. Затем в 1903 г. Ф. Дарвин издал еще один сборник писем отца (*More letters of Charles Darwin*). Вскоре после этого, в 1909 г. Френсис Дарвин опубликовал ранние материалы, относящиеся к теории происхождения видов (*Foundations of the origin of species*).

В издание «Жизнь и письма» Френсис Дарвин внес личные знания, показал свои литературные возможности и научные представления. Из этого трехтомника, хотя и выдержанного в викторианском духе, можно узнать многое о частной жизни ученого, подчеркивает Д. Браун. Вводная глава книги включает отредактированный вариант существовавшей в рукописи автобиографии Ч. Дарвина, названный им «Воспоминания о развитии моего ума и характера» (*Recollections of the development of my mind and character*); в сборнике также приведено большое количество личных писем ученого, отдельная глава рассказывает об отношениях Ч. Дарвина с друзьями и детьми. Сам Френсис описал трудовую деятельность отца. Целая глава отведена откликам на работу «Происхождение видов», еще отдельная глава посвящена смерти ученого. В издании приводится список публикаций, научных званий и наград Ч. Дарвина. На фронтисписах каждого тома помещены фотографии Ч. Дарвина, тем самым закладывались основы его иконографии, полагает Д. Браун.

«Дарвин предстает как любящий отец и хороший друг, вежливый корреспондент, социально ответственный, интеллектуально

честный и скромный человек, который терпеливо переносил тяготы длительного заболевания; неустанный работник, суммировавший массу доказательств, представленных в “Происхождении видов”» (4, с. 360). Д. Браун подчеркивает, что это типичное для викторианской эпохи представление, согласно которому науку развивают заслуживающие доверия, честные люди, которые не собираются проверять ни церковные, ни политические авторитеты.

В первых биографиях, созданных в конце XIX – начале XX в., авторы подчеркивали высокие моральные качества и безграничное терпение, нежность и доброту, исключительную чистоту и правдивость Ч. Дарвина. Эти биографии «выдвинули на первый план добродетельный характер Дарвина как важный элемент, дававший ему моральное право говорить о происхождении окружающего мира, что было крайне важным для научных притязаний на открытие истины, и не имело значения, насколько это было неприятно тем, кто верил, что подобные дела относятся к области теологии. <...> К тому же в биографии, написанной его сыном, и в других викторианских биографиях, Дарвин представал как трудолюбивый человек промышленного века. Ему поклонялись как независимому и неутомимому мыслителю, посвятившему себя работе и благородно преодолевшему болезнь» (4, с. 361–362).

После Первой мировой войны возник интерес к внутренней жизни человека, к социальным и психоаналитическим проблемам. Биографы Ч. Дарвина стали задаваться вопросами: каким человеком он был? Как складывались его отношения с женой и другими людьми, например капитаном корабля «Бигль»? Исследовались его интеллектуальное развитие, источники идей об эволюции. Биографы пытались понять, что вдохновляло и мотивировало Ч. Дарвина в его исследованиях.

Вторая мировая война, испытания ядерного оружия, подчеркивает Д. Браун, изменили представления об ученых и науке, которые стали гораздо менее героическими. Некоторые биографии, особенно приуроченные к столетию с момента публикации «Происхождения видов», характеризовали Ч. Дарвина как биолога-философа-историка, прародителя всех современных биологических идей. Менее дидактические труды, ориентированные прежде всего на широкую аудиторию, описывали его путешествие на корабле «Бигль». В этих описаниях Ч. Дарвин предстает энтузиастом биологии.

Историки науки в то время постепенно стали отказываться от излишней героизации и показывали ученых как живых, про-

стых, реальных людей. Например, в одном из исследований было написано, что всю жизнь Ч. Дарвин боролся с тяжелой болезнью, ипохондрией. Что же касается дарвинизма, то теперь биографы Ч. Дарвина рассматривали его на фоне традиции эволюционного и прогрессистского мышления.

В конце XX в. исследователи творчества Ч. Дарвина обратились к изучению атмосферы, в которой он жил, к проблемам, которые он пытался решить, и источникам, к которым он обращался в поисках ответов. Они старались отойти от традиционного рассмотрения дарвиновской теории и представлений об ученом как об обособленном мыслителе, который самостоятельно разрушил викторианское мировоззрение. Как показывают современные исследования, эволюционная теория обязана своим появлением не только Ч. Дарвину, но и Г. Спенсеру, Р. Чамберсу и другим ученым. Также следует учесть такие долговременные факторы, как секуляризация, профессионализация, индустриализация, экономические и социальные изменения, развитие науки.

Д. Браун отмечает, что в последние годы возрос интерес к доступным архивным материалам того времени: письмам, частным заметкам, рабочим материалам, фотографиям и т.п. Жизнь и наследие Ч. Дарвина стали рассматривать на фоне культурного и социального контекста, больше внимания уделять его семейной жизни и окружению, изучать, как это повлияло на него и его работу. Появились работы, показывающие возможности социально-конструктивного подхода к истории науки. «Эти работы отражают современное значение акторориентированной историографии, решительно отстаивающей возможности написания социальной истории великого человека...» (4, с. 372).

Д. Браун также написала биографию Ч. Дарвина, выбрав в качестве контекста социальные взаимодействия и сети поддержки. Она показала его как человека, которого формировали и на которого оказывали влияние частично пересекающиеся круги общения: друзья, соседи, критики, корреспонденты, защитники его теории. Этот социологический подход дал автору возможность обратиться к проблемам возникновения и циркуляции знания: как сокровенные идеи со временем становятся общедоступным знанием, с помощью каких способов новые и противоречивые предположения проникают в общество.

Можно сказать, продолжает автор, что в современных биографиях моменты озарения ученого больше не являются центральным элементом в понимании научного творчества, как это было

раньше. Предпочтение отдается рассмотрению социальных условий и систем в различных культурах. Современные биографы уделяют меньше внимания деталям науки, больше – культурным особенностям, создающим ее.

Каждое поколение историков переписывает прошлое. Очевидно, хотя это сложно признать, биографы в какой-то степени формируют биографические субъекты; люди, писавшие о Ч. Дарвине, подводили итог прошлому, в какой-то мере думая о своем настоящем. У каждого из них была своя историческая память, отличная от других. Наука, так же как и человек, проверялась в этих работах. Осмысление жанра биографии в этом направлении поможет понять не только субъектов, но и тех, кто о них пишет, подводит итог Д. Браун.

В статье Л. Риал (5), профессора истории Беркбек колледжа Лондонского университета (Великобритания), специалиста по истории Италии, автора книги о Джузеппе Гарибальди, рассматривается значимость политической биографии для академических исследований. Автор ставит перед собой несколько вопросов.

1. Является ли жанр политической биографии полезным для исторического понимания?
2. Есть ли у этого жанра интеллектуальное будущее?
3. Как это будущее будет выглядеть?

Л. Риал в основном останавливается на работах, изданных в Великобритании. Золотым веком британской политической биографии был, конечно, XIX век. Вдохновляющее воздействие оказывала традиция жизнеописаний святых, а также политических деятелей. Примеры для подражания и назидательности брались из жизни, а субъектами биографий становились герои, великие люди. Задачей биографии был подбор и детальное изложение фактов жизни уже умерших представителей национальной элиты. Эти биографии создавались узкой группой той же элиты, британскими джентльменами, по-преимуществу лондонцами, членами клуба для писателей и ученых «Атенеум».

В 1918 г. вышла в свет книга Дж. Литтона Стрэчи «Выдающиеся викторианцы», обозначившая новый подход – краткость (исключается все, что избыточно, упоминается только то, что важно). Биография становится менее детальной и менее агиографичной. Авторские голоса стали слышны более ясно, и разоблачение стало нормой, замечает Л. Риал.

В 1970-е годы в Великобритании наступила гегемония новой социальной истории, свой вклад внесла школа «Анналов», чье

влияние распространилось на страны Европы и США. «Выделение исторических долговременных структур и материальной цивилизации, а не политических фактов и общественных деятелей; привилегированное положение экономической, а потом и культурной истории в сравнении с политической историей как ключей к пониманию исторических изменений; отказ от политической биографии, которая “изолирует индивидуальное” – все это вместе взятое определило парадигмальный поворот, который представил биографию старомодным, элитистским ответом на новые требования исторической профессии» (5, с. 379).

Тем не менее, признает Л. Риал, биографы соглашались с некоторыми предложениями анналистов. Но у этих подходов есть общий недостаток – фокус на мужчинах, великих или обыкновенных, взятых индивидуально или в группах. Ученые отстаивали способность исторического исследования объяснить, проанализировать или передать смысл того, что случилось в прошлом. Также они верили в кумулятивный прогресс исторического знания. В рамках новой социальной истории биография была подчинена структурным объяснениям: время теперь объясняло жизнь, но при этом признавались определенные объективные ценности.

В 1980-е годы политическая история пережила еще один кризис, вызванный постструктурализмом, новой культурной историей, гендерными исследованиями. «Жизнеописание в своих традиционных формах было почти полностью дискредитировано широкомасштабной дискуссией о категориях, ориентированных на мужчин, а также серьезными сомнениями в способности “повествования от колыбели до могилы” адекватно объяснить жизнь умерших людей» (5, с. 380). Политическая биография, рассказывающая, как правило, о жизни мужчин – политических лидеров и публичных лиц, казалась неприспособленной для описания и объяснения жизней женщин прошлого. Попытки биографов рассказать в хронологическом порядке жизнь человека, с ее логикой, целью и результатом, с единственной объективной идентичностью, теперь выглядели устаревшими.

Все же биография сумела пережить все эти перипетии, изменив методологию и способы исследования. Биографы стали заниматься не жизнью человека в целом, а ее отдельными эпизодами и фрагментами, не претендуя на объяснение и освещение всей истории. Интерес к классам и другим социальным общностям обновил трактовки индивида, исчезли понятия «достопримечательный», «почетительный». В биографиях женщин стали применяться

принципиально новые подходы, учитывающие субъективность, конструкцию идентичности, представление человека о самом себе. Ученые признали существование «множества Я» в любой индивидуальной жизни, их изменчивость в зависимости от времени, установок или определенных требований.

Такие историки, как Н. Земон Дэвис и К. Стивман обратились к истории женщин как средству исследования границ между публичным и частным. Возник новый взгляд на значимость частной и домашней жизни. Подобные исследования индивидуальной жизни, полагает Л. Риал, могут проявить гендерные ограничения и показать, как индивиды переживали их и отвечали на них. Таким образом, можно восстановить смысл жизни человека как фактора исторического процесса, что часто затемнялось в структурных объяснениях школы «Анналов».

Что касается непосредственно политической биографии, то пока этот жанр остается верен традиционным подходам. Этот аргумент Л. Риал доказывает, взяв в качестве примера популярную серию издательства «Longman/Pearson» «Профили власти» (*Profiles in Power*), в которой изданы, в частности, биографии Ф. Кастро, А. Гитлера, Д. Эйзенхауэра, Наполеона, и книги Э. Робертса и С. Себага Монтефиоре. Эти авторы – известные историки, получили образование в Кембридже, удостоены наград, их книги благожелательно оценены профессиональным историческим сообществом. Но, подчеркивает Л. Риал, коммерческий успех позволили им оставаться неуязвимыми по отношению к кризисам, самокритике и новациям исторической профессии последних двадцати лет.

Книги серии «Профили власти» написаны профессионалами и предназначены для широкой читательской аудитории. Это относительно небольшие, но тщательно выполненные, хорошо аргументированные исторические исследования. Однако подавляющее большинство этих политических биографий написаны мужчинами и о мужчинах (великих людях или антигероях). Только незначительная часть серии посвящена женщинам – Екатерине Великой, Елизавете I, королеве Изабелле. Среди авторов мало историков-женщин. «Несмотря на все свои достоинства, эти биографии все еще представляют и укрепляют историю истеблишмента – историю элиты, для элиты, написанную элитой (элита в данном случае означает мужчин)» (5, с. 383).

Л. Риал не призывает отказаться от изучения великих людей, но указывает на иную плоскость рассмотрения: вместо того чтобы искать определение и объяснение природы величия человека, надо

спросить себя, почему люди считают кого-то великим? Как репутация великого человека изменялась со временем?

Другой способ изучить жизнь великого человека – посмотреть, как создавалась его биография, пишет Л. Риал. В данном случае можно заимствовать новаторский подход историков, изучающих жизни женщин, и проверить, как индивид представлял и продвигал себя, как завоевывал поддержку других, обзаводился героической репутацией в глазах публики. Например, в биографии У. Йетса, написанной Р. Фостером, показано, как этот «деклассированный протестант» постоянно создавал и изменял собственную идентичность как ирландского писателя. Подобный подход можно применить и по отношению к политической жизни и общественной репутации великого человека. Нужно не только писать биографии этих людей, надо также уделить внимание тому, как их биографии были первоначально представлены и написаны, подчеркивает автор. Обращаясь к своему опыту работы над биографией Джузеппе Гарибальди, она пишет, что история жизни Гарибальди – это также история жизни человека, сделавшего себя народным героем. Это еще и рассказ о том, как достижения его реальной жизни были сформированы поддержкой и удовлетворением ожиданий его приверженцев.

Важным моментом в создании биографий великих людей является использование разного рода источников. Например, во время работы над книгой о Дж. Гарибальди Л. Риал использовала его воспоминания. Хотя долгое время историки обходили их стороной, называя «корыстными и неточными» (5, с. 393). Но для Л. Риал они представляли определенный интерес как доказательство намеренных усилий, предпринимаемых Дж. Гарибальди для формирования определенных представлений о самом себе, и его попыток увековечить и контролировать свое место в народной памяти. Мемуары могут дать читателю чувство близости к герою, ощущение персонального знания в соединении с восхищением перед его успехами – то, что является неотъемлемой частью современной славы.

В заключение Л. Риал возвращается к вопросам, сформулированным в начале статьи. Для тех, кто хочет работать вне традиционных рамок, политическая биография – полезная форма исторического объяснения, имеющая не только коммерческое, но и интеллектуальное будущее. В целом положение научной биографии отражает ситуацию в исторической науке, аккумулирующей множество подходов, беспрецедентное количество тем и субъек-

тов. Поэтому биография вполне может быть легитимным способом изучения индивидуальных или коллективных жизней, великих или простых людей, горничных или герцогинь.

Автор подчеркивает, что поскольку роль политического лидера является центральной, ее следует исследовать. Ведь изучение жизни политика может многое рассказать не только о его / ее личности, но и о функционировании власти и политической сферы. Основной недостаток политической биографии может стать ее основным достоинством. «Это может быть преимущество идеи “великого человека”, но это также может дать нам силу противостоять вопросам, которые, как полагает большинство либеральных историков в (номинально) демократических обществах, мы с трудом перевариваем: насколько важен индивид в процессе истории и есть ли индивиды более выдающиеся, чем другие, в этом отношении? Традиционные политические биографии отвечают на эти вопросы, но их героический подход предопределяет ответы, которые практически всегда бывают утвердительными» (5, с. 396).

Использование идеи величия как политического и социального феномена позволяет изучить в историческом ракурсе репутацию и славу, с одной стороны, и материальные достижения, с другой стороны. Следует не только понять основные условия, в которых харизматический лидер может развиваться, но также проанализировать исторический и культурный контекст, в котором индивид получает возможность стать харизматическим лидером. Исследуя концепт величия, политический биограф может открыть процессы, посредством которых величие приобретается и используется. Возможно биографу удастся найти объяснение нашей потребности в героях или по крайней мере ответить на вопрос: почему они появляются, изменяются и исчезают со временем? Даже если великий человек и его дела больше не являются основным моментом истории, как это было раньше, жизнь и слава экстраординарного человека все же могут отобразить идеи и смысл прошлых времен, подводит итог Л. Риал.

Ю.В. Дунаева, З.Ю. Метлицкая

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ:
ПРОБЛЕМЫ ЖАНРА И МЕТОДА
(Сводный реферат)**

1) **Керен М.** Биография и историография: История Давида Бен-Гуриона.

Keren M. Biography and historiography: The case of David Ben-Gurion // *Biography*. – Hawaii, 2000. – Vol. 23, N 2. – P. 332–351.

2) **Царнов Л.** Запоминание общественной жизни: Вписать политику в биографию.

Zarnow L. Remembering public life: Writing policy into biography // *J. of policy history*. – Cambridge, 2009. – Vol. 21, N 4. – P. 448–454.

3) **Ван Сантен Р., Ван Зонен Л.** Персональное в телевизионных биографиях политиков.

Van Santen R., Van Zoonen L. The personal in political television biographies // *Biography*. – Hawaii, 2010. – Vol. 33, N 1. – P. 46–67.

Политическая биография – это, можно сказать, особый раздел в биографических исследованиях. Как правило, речь идет либо о действующих политических лидерах, либо о тех, кто является частью политической истории. Субъект биографической работы выступает в данном случае как окно в мир политических событий современности или прошлых лет. В реферируемых статьях рассматриваются методологические проблемы создания политических биографий, а также намечаются контуры новых подходов и интерпретаций.

М. Керен (1) отмечает особенность израильской историографии – ее тесную связь с биографическими исследованиями Давида Бен-Гуриона. Часто даже исторические работы по новейшей истории Израиля выглядят как его жизнеописание.

Автор рассматривает взаимоотношения между биографией и историографией и предлагает типологию биографических исследований, пригодную, в частности, для анализа их основных направлений. Биографическая работа, пишет М. Керен, это важная часть исторического самосознания любого общества, поэтому и историографию можно определить как самосознание. Публикации биографий политических лидеров в определенных политических условиях выполняют важную историографическую задачу. Следовательно, биографии можно изучать в рамках существующей историографической традиции, которую они отражают, а также с точки зрения их влияния на историографию. Точная природа отношений между биографией и историографией может быть определена, конечно, только после широкого сравнительного анализа. К примеру, можно узнать, как биографии У. Черчилля, Ш. де Голля, М. Ганди, Н. Манделы, Г. Насера и других политических лидеров, издаваемые на протяжении ряда лет, отражают общее направление историографии в их родных странах и влияют на него.

Далее М. Керен предлагает типологию для классификации биографий, а также анализирует изменения в жизнеописаниях Д. Бен-Гуриона на протяжении десятилетий.

Типология основана на двух критериях: «ориентация» (определяется общим подходом биографа к субъекту); «фокус» (перспектива, которую избирает биограф в качестве контекста исследования).

Ориентация	Идентификация	Исследование	Применение
Фокус	Персональный	Контекстуальный	Мифологический

I. Критерии ориентации

1. Идентификация. Биограф может так подойти к исследованию, что рассказывая историю чей-то жизни, он отчасти подразумевает свою жизнь. Подобная идентификация не всегда дает позитивный эффект, хотя такое иногда бывает. Теоретически кто-то может идентифицировать себя с субъектом, известным своим плохим характером. Идентификация часто возникает на основе психологических или социологических мотивов. Например, если субъект биографии выполняет социальную функцию или выступает в качестве политического символа сообщества, испытывающего потребность в нем.

2. **Исследование.** Биография часто пишется в так называемой «отстраненной» манере независимо от того, является ли биография способом изучения автором самого себя или независимым исследованием. Хотя традиционно биография рассматривается как самостоятельное интеллектуальное исследование, она является частью гуманитарного и социального знания, с помощью которого мы изучаем сами себя. Подобная ориентация жизнеописания может быть осуществлена при строгом соблюдении общих исследовательских правил из других научных областей (например, относительного разделения между автором и субъектом) или при использовании методов других социальных дисциплин.

3. **Применение.** Этот критерий обосновывает то, как автор относится к субъекту, взятому как средство достижения более широких планов. Время и источники используются в жизнеописании для неких доказательств. Эти планы могут быть явными или скрытыми, а их использование может варьироваться от искусного применения до вульгарной манипуляции.

II. Фокус исследования

1. **Персональный.** Биограф фокусируется на персоне, чью жизнь он описывает, а семья, сообщество, общество, государство, культура и другие контекстуальные факторы являются фоном. Большинство биографий пишутся именно так.

2. **Контекстуальный.** В центре исследования находятся социальное, экономическое, культурное и политическое окружение, на этом фоне рассматривается субъект биографии. Уменьшая дистанцию между биографией, историей и социальными науками, этот вариант биографии усиливает индивидуальное, а не персональное и затрагивает взаимодействия между отдельной жизнью и контекстуальными факторами.

3. **Мифологический.** Концентрируясь на личности, биограф обращает внимание на нечто большее, чем жизнь. Подобные биографии фиксируют контекст, отображающий скорее воображаемое, чем реальное. К примеру, биография мифологической фигуры должна быть помещена в мессианский контекст, вне реального времени и пространства. Хотя сложно оперировать границами между реальным и воображаемым, этот вариант имеет большую теоретическую значимость, потому что различает реальное и мифическое в жизнеописании.

Далее, основываясь на предложенных им категориях, М. Керен кратко характеризует девять возможных типов биографий: 1) идентификационно-персональная (биограф обращается к жизни другого человека, как правило, восхищается им, что является частью персональных поисков идентичности); 2) идентификационно-контекстуальная (биограф интересуется или испытывает эмоции и симпатию к окружению или среде проживания своего субъекта); 3) идентификационно-мифологическая (идентификация ориентирована на изображение субъекта или контекста, превращаемого в миф); 4) исследовательски-персональная (биограф исследует субъект потому, что у него существует научный или интеллектуальный интерес к персоне или к человеческому поведению в целом); 5) исследовательски-контекстуальная (биографии этой категории похожи на проекты других социальных наук относительно анализом социальных, экономических, политических или культурных факторов, освещающих историю жизни); 6) исследовательски-мифологическая (биограф по преимуществу исследует мифологические фигуры или ситуации, пытаясь развенчать эти мифы); 7) применительно-персональная (эта категория относится в основном к психоаналитическим работам, в которых проверяются профессиональные теории); 8) применительно-контекстуальная (цель этих биографий – подтверждение мнения, распространенного в общественном дискурсе, при этом социальное и политическое выдвинуто на первый план, чтобы подчеркнуть деяния или неудачи субъекта биографии в общественной жизни); 9) применительно-мифологическая (явная манипуляция мифами идеологически ориентированными биографами, понимающими, что мифы, распространяемые в любой политической игре, являются важной составляющей в рекрутировании массовой поддержки) (1, с. 333–336).

	Идентификация	Исследование	Применение
Персональная	1	4	7
Контекстуальная	2	5	8
Мифологическая	3	6	9

Конечно, признает М. Керен, любое биографическое исследование более сложно, чем аналитические категории. Поэтому следует помнить, что одно исследование будет подходить под несколько категорий. К тому же раз биографии имеют дело с индивидами, то все аллюзии на концептуальное и мифологическое могут быть более тонкими, чем это представлено в схеме. Более того,

любые направления в жизнеописании будут иметь исключения, так как индивидуальные предпочтения биографов превалируют над общими историческими детерминантами.

Автор рассматривает предполагаемые варианты развития биографического жанра в разных странах в зависимости от разных факторов. Предложенная им типология биографий основана на допущении, согласно которому направления историографии имеют тенденцию использовать историю жизни как часть современных политических проблем. Поэтому развитие жизнеописания от мифического к немифическому характерно не только для израильской историографии, но и для любой другой. Можно предположить, рассуждает М. Керен, что биографические исследования, подходящие под категории 3–6–5 могут появиться в других странах, особенно в недавно образовавшихся, например, в странах Азии и Африки, получивших независимость после Второй мировой войны. В этих странах мифологические лидеры играли важную роль и в борьбе за независимость, и в мобилизации последующей поддержки политических режимов. У биографов всегда были эффективные методы увековечивания подобных мифов. Во многих из этих стран «первый день независимости» вел к подобной саморефлексии, часто сопровождавшейся отказом от старых мифов. Строительство государства, там где оно преуспело, шло, ассоциируясь не только с такими фигурами, как Г. Насер, Д. Неру, Ф. Кастро, но и с их социальным и политическим окружением. В результате, серьезные биографические исследования, написанные в такой обстановке, могут разоблачать и мифологию о политическом лидере, и о его окружении.

Подобного рода политизация, продолжает автор, характерна и для западных стран, в которых ведущую роль играют интеллектуалы-постмодернисты. Степень политизации будет зависеть от того, окажется ли постмодернизм мимолетным или устойчивым компонентом нашего исторического сознания. Как бы то ни было, возможны взаимодействия между категориями пять и восемь, т.е. между биографиями, написанными с намерениями исследовать политические фигуры в их контексте и биографиями, имеющими дело только с политической реабилитацией.

Биографии, подходящие под категорию 8 (применительно-контекстуальные), возможно, будут распространены не только в академической среде. Растущее внимание со стороны общества и СМИ к политическим биографиям измеряется частотой их упоминаний в книжных обозрениях. В свою очередь, от биографов тре-

буют содействия доминирующим темам политического дискурса. «Дни, когда биографы, чьей главной заботой был только рассказ о жизни, представленный в категориях 1–4, вероятно, закончились по крайней мере в наше время» (1, с. 349).

Еще одним значимым трендом автор считает развитие в направлении от категории 9 к категориям 4–5–6. Подобные исследования характерны для бывших тоталитарных стран Восточной Европы, переходящих к демократии. «Тоталитарные страны явно манипулируют мифами; с падением тоталитаризма началась эра исследований, сфокусированных на соответствующих персонах и контекстах или на самих мифах, а также на процессах, использованных для их конструирования и распространения» (1, там же). Интересно изучить биографии, написанные в этом духе, не только как политическую мифологию, но и как способы управления ей. Впоследствии это может дать нам ключ к пониманию того, как страны переходят к свободе. Систематическое изучение жанра биографии, подводит итог автор, может улучшить наше понимание политической истории.

Л. Царнов (2) анализирует некоторые проблемы, связанные с написанием биографий политиков. Во время работы над биографией члена конгресса США Беллы Абцуг, автор столкнулась с тем, что наследие ее недавно умершей героини тщательно охраняется родственниками, друзьями и коллегами. Сама Б. Абцуг тоже заботилась о сохранении и поддержании своего имиджа иконы. В частности, в интервью, данном специалистам по устной истории Колумбийского университета, она была очень осторожна в ответах и стремилась соответствовать той политической биографии, которую часто рассказывала репортерам. Эти и подобные им явления заставили Л. Царнов задуматься над тем, как же добраться до сущности этих «более чем публичных фигур», как прочесть прославляющие их истории, составленные восторженными родственниками и коллегами? (2, с. 449). Автор предлагает рассматривать субъекты биографии как некую среду, через которую можно изучить развитие законодательства, изменения в политике и политической культуре.

Л. Царнов, используя опыт коллеги, историка и биографа Джейн Де Харт, автора книги о судьбе Верховного суда США Руфи Гинзбург, ищет ответы на ряд вопросов.

1. Что привносит биография в политическую историю и историю правовой мысли?

2. Что представляет собой новая политическая биография?

3. Какие аспекты должны приниматься в расчет политическими историками, когда они используют биографию как одну из форм микроистории?

Л. Царнов согласна с историками, считающими биографию важным средством развития новой политической истории, соединяющей социокультурную политическую историю с новым институционализмом: «Эта новая политическая история исследует сложную институциональную среду, в рамках которой действуют политические элиты, расширяет исследование, включая в себя помимо президента бюрократию, законодателей, рядовых сотрудников, экспертов и политиков. В соединении с этим институциональным фокусом новое научное направление также рассматривает политических деятелей за пределами Вашингтона, изучая влияние неэлитных групп и политических диссидентов на формирование американской демократии» (2, с. 450).

Конечно, сложно понять, как эти акторы действуют в рамках институциональной системы, к тому же следует учитывать воздействие на них неформальных и внешних политических сил. Биография, продолжает Л. Царнов, как миниатюрная форма микроистории позволяет исследователю проанализировать и мельчайшие детали развития законодательной власти, и серьезные политические изменения. Жизнь политического деятеля больше, чем законодательная сессия или президентский срок, именно это обстоятельство позволяет историкам глубже понять истоки развития законодательной власти. А поскольку субъект биографии действует внутри и за пределами политических институтов, то, применяя этот метод изучения политической истории исследователь, принимает во внимание общественное мнение, экономические интересы и культурную среду. Изучая изменения юридической системы или политического процесса через личность, историки могут лучше понять, что «закон – это политика» (2, с. 450).

Прослеживая деятельность субъекта на нескольких политических направлениях, историки могут анализировать взаимодействия между разными ветвями власти и конкурирующими движениями гражданских судебных процессов и законодательства, пишет автор. Это положение Л. Царнов иллюстрирует на примере своей книги о Белле Абцуг. В данном случае жизнь и профессиональная деятельность героини биографии выступают как связующая нить политических событий 1970-х годов и периода маккартизма. Автор на примере законотворческой деятельности Б. Абцуг, направленной на разработку норм о защите частной жизни, опре-

делении границ правительственной ответственности, отстаивании конституционных прав, показывает ее участие в событиях той эпохи. Таким образом, «долговременный» политический процесс 1970-х годов раскрывается через историю жизни конгрессвумен: «Ее наиболее известные законодательные акты <...> отражают жизненный опыт сопротивления длительным антикоммунистическим атакам, подтолкнувшим юриста участвовать в судебных процессах в защиту гражданских прав и свобод, труда и мира в начале “холодной войны”» (2, с. 451).

Л. Царнов признается, что она не стремилась написать биографию, а использовала свою героиню «как компас, чтобы управлять нарративом» (2, там же). Историки, продолжает Л. Царнов, все еще колеблются, обозначая свои проекты как биографии, поскольку сталкиваются с традицией вести повествование в рамках хронологических нарративов «жизнь-смерть» или «жизнь и время».

Обновление политической исторической биографии, полагает Л. Царнов, требует пересмотра отношения к источникам. Необходимо вдумчиво и критически относиться к имеющимся источникам, особенно к интервью, автобиографиям, а также к информации, полученной от родственников и друзей. «Историк должен балансировать, внимательно прислушиваясь и скептически приглядываясь, когда работает с ныне живущими или очень популярными субъектами» (2, с. 452). Не менее важным она считает пересмотр отношения к письменным источникам: «Мы должны думать о возможности проникнуть в суть того, чего можно достичь, читая воспоминания не как простые и незаконченные записи о прошлом, но используя их как инструмент для чтения, раскрывающего перипетию процесса жизни. Точно также мы должны рассматривать этот процесс как исключительное разъясняющее средство изучения сложностей политических и законодательных процессов» (2, с. 453). Биография, полагает Л. Царнов, может стать той дискуссионной площадкой, где профессиональные политические историки могут встретиться с читающей аудиторией и привлечь ее внимание к политике.

В статье Р. Ван Сантен и Л. Ван Зонен (3) рассматривается, как на протяжении последних 40 лет изменился характер, содержание, темы и стили персональных нарративов политических деятелей.

Авторы указывают на то, что изучение личной и частной информации довольно проблематично, так как существуют определенные сложности в разграничении частного и публичного. Согласно одной из компромиссных точек зрения «хорошая» биография или

автобиография не делает различий между частным и общественным в жизни индивида, а рассматривает их как единое целое. Но что такое «хорошая» биография, когда и как обстоятельства частной жизни обесценивают или обогащают политическую биографию, зависит от определенного ситуационного контекста и политической культуры, и определить это довольно сложно.

Проблемы между частным и публичным возникают не только в ходе создания биографии, но и тогда, когда информация становится доступной для широкой аудитории. «Политики и публичные персоны продолжают разделять публичную и частную сферу, но снова и снова возникают разногласия о темах и стилях персональных нарративов, соответствующих политическим идеалам и дискуссиям, а также из-за поиска виновных в том, что история оказалась слишком персональной или интимной, или эмоциональной» (3, с. 47).

В профессиональной среде обсуждается вопрос о том, является ли информация о личности политика и его частной жизни стратегическим средством завоевать новых последователей. Р. Ван Сантен и Л. Ван Зонен ссылаются на А. Левассера предупреждавшего, что такой популярный жанр, как политический документальный фильм, следует рассматривать с учетом доступа или контроля субъекта над аудиовизуальным материалом и текстом. Также необходимо учитывать расстановку сил между продюсерами и героем фильма. Традиционно биографический документальный фильм представляет собой хронологию жизни с использованием фотографий, кино- или телесюжетов, высказываниями современников или экспертов в сопровождении голоса за кадром. Если фильм посвящен современному политику, то он появляется на экране. А. Левассер подчеркивает, что на содержание фильма может влиять как сам субъект, так и режиссер, использующий свой авторитет, чтобы сделать фильм более конкурентоспособным.

Далее Р. Ван Сантен и Л. Ван Зонен анализируют телепередачи, выполненные в жанре «портрет политика» как биографический источник, потому что они доминируют на телевидении и затрагивают общественную и частную сферы. Этот жанр возник одновременно с началом телевидения, он достаточно информативен и вполне может рассматриваться с учетом исторического развития. Он дает возможность политику представить свою персональную историю и идентичность, а также обсудить политические проблемы. Авторы проанализировали телевизионные портреты политиков, показанные по телевидению Нидерландов в период с 1960-х годов (начало телевидения) до 2006 г., уделяя особое

внимание трем основным элементам: 1) индивидуальное – рассказ о личности политика и его профессиональной компетенции; 2) частное – рассказ о его / ее частной жизни, 3) эмоциональное – мнение политика о том, уместно ли проявлять эмоции в политической деятельности.

Основным методом исследования стал качественный контент-анализ 23 передач. Среди множества передач были отобраны именно те, которые ставили целью показать «портрет политика» или шоу с его участием. Из-за обширности имеющегося материала исследователи ограничились телепортретами лидеров национального и международного уровней, а также представителей различных политических партий, политиков, неоднократно дававших интервью различным СМИ.

Контент-анализ материала включал несколько стадий. На первой стадии были описаны и закодированы разговоры, движение камеры, элементы программы, аудиовизуальные характеристики. Затем эти коды были идентифицированы по темам, предметам обсуждения и техническим характеристикам, потом они были проанализированы при помощи специальных программ контент-анализа. На второй стадии полученные коды были соотнесены с обозначенными выше элементами – индивидуальное, частное, эмоциональное. Например, анализ телепередачи с участием лидера социал-демократов показывает, что главной темой беседы была война в Ираке, индивидуальное здесь заключалось в способности политика противостоять давлению (он выступал против военных действий). Так же отмечены движения телевизионной камеры, показывающей сначала общую панораму студии, потом поочередно ведущего и отвечающего на его вопросы политика. Подобным образом были проанализированы остальные материалы. В ходе исследования Р. Ван Сантен и Л. Ван Зонен удалось установить, что с самого начала существования жанра телевизионного портрета всегда присутствовали элементы индивидуального, частного и эмоционального.

Интересным фактом является то, что в 1960–1970-е годы телевидение предпочитало показывать второстепенных политических или партийных деятелей или политиков в отставке. Эти телепортреты выдержаны в жанре воспоминаний о карьере, так как это делают в традиционных авто- и биографиях. Это выглядело так, словно личность стала известна публике после того, как политик исчез из глаз общественности и только тогда обрел соответствующую политическую репутацию.

В 1990-е годы на телевидении Нидерландов появились частные каналы. В студии стали приглашать действующих политиков: министров, парламентариев, кандидатов избирательных кампаний. В беседах стали соединять частное и общественное, затрагивать идеологические вопросы, просить высказаться о конкретных политических проблемах. Ведущие могли расспросить политика о том, что он чувствует по поводу какой-то политической ситуации или предвыборной кампании. «Подобные беседы в студии давали конкурирующим политикам возможность представить себя как привлекательную персону, соединяющую в себе соответствующие политические идеалы и компетентное поведение с личными комментариями, объяснить свою политическую позицию, а также давали возможность появиться перед электоратом, который они хотели мобилизовать» (3, с. 54).

Изменился и видеоряд телевизионного портрета. В начале 1960-х годов это было черно-белое изображение, интервью один на один в студии. Программа была статичной и выглядела как «радио с изображением». В 2000-е годы телевизионный портрет политика включает в себя изображение различных мест, значимых для политической биографии, а интервью может браться на ходу. Визуальный ряд должен помочь пониманию личности политика или его политических взглядов, поэтому уделяется особое внимание социальному и географическому пространству, связанному с ним или его политической идеологией. Изменяется место и роль ведущего, теперь он чаще выступает как собеседник, задает больше вопросов и даже иногда прерывает гостя. Таким образом, передача становится больше похожа на доверительную беседу, чем на формальное интервью или развлекательное шоу. У ведущего и его гостя появляется возможность озвучить личные размышления. Со временем манера вести интервью становится все более неформальной: хозяин и гость шутят, иногда смеются, ведут себя непринужденно. Появились и новшества, ведущие стали позволять себе ремарки о том, как выглядит их гость, обращать внимание на стиль его одежды или обсуждать манеру поведения. Но, вопреки ожиданиям авторов, неизменными остались главные темы дискуссий – политические партии и политические альянсы, особенно в период выборов. Также остался устойчивым интерес к религиозным взглядам политика.

Как показывает проведенный анализ, жанр телевизионного портрета политика претерпел существенные изменения. Во-первых, с 1960-х годов индивидуальные, эмоциональные и частные исто-

рии присутствовали в телепортретах, но их субъектами были политики в отставке, признанные авторитеты. Интервью с ними – это воспоминания о прошлом, о карьере и жизни. Активные политические деятели, ставшие героями телепередач в последние десятилетия, стремятся выглядеть как привлекательные компетентные политики и личности. Во-вторых, телевизионный портрет стал развиваться как жанр: показывают разные важные для биографии политика места, используют фотографии и видеоматериалы. Хотя в телепередаче теперь присутствует элемент развлекательности, ее центром остается по-прежнему политик и его персональная история. В-третьих, изменилась роль ведущего, а стиль беседы стал более неформальным. В сравнении с ранними примерами современные передачи более непринужденные и демократичные. Также во время интервью приветствуются размышления политика о собственной позиции, поведении и личности.

Далее Р. Ван Сантен и Л. Ван Зонен более детально рассматривают, как изменилось содержание основных элементов (индивидуальное, частное и эмоциональное) в политических телепортретах. Индивидуальное – в данном случае внимание уделяется не только личным качествам, но и профессиональной компетенции политика: подчеркивается его красноречие и популярность, упоминается жизненный опыт, искренность, честность, способность к самоконтролю. Именно эти качества рассматриваются как важные составляющие индивидуальной компетентности. «Наш анализ индивидуальных персональных нарративов политиков показывает, что компетентность является главной особенностью, охватывающей красноречие, опыт и честность. Отсутствие компетентности редко обсуждается в подобных передачах, а если это случается, то в основном в виде дополнений со стороны внешних комментаторов» (3, с. 60). Заметно, что политики все чаще выдвигают на первый план свою собственную компетентность по стратегическим, политическим причинам, а не как отражение своих личных качеств.

Частное – это любимая тема для разговора, обычно она затрагивает воспоминания о детстве, об отношениях с родителями, а также рассказ о семейной жизни, отношениях с детьми, иногда политик говорит о своем хобби. Р. Ван Сантен и Л. Ван Зонен отмечают, что вопросы, задаваемые политику, касаются следующих тем: влияние родителей и воспитания, проблемы сочетания политической карьеры и личной жизни, особенно в том, что относится к общению и воспитанию собственных детей. Беседы на эти темы, пишут авторы, позволяют мужчинам-политикам лучше показать

свои человеческие качества, а женщинам объяснить свой профессиональный выбор.

Эмоциональность – довольно редко фигурирует в интервью, но заметно, что в последнее время к ней возрос интерес. Как правило, политикам задают такие вопросы.

1. Нравится ли Вам быть популярным?

2. Что, по Вашему мнению, является самым приятным в деятельности министра?

Постоянно обсуждается проблема проявления эмоций в политике. Одним из наиболее часто обсуждаемых вопросов, является вопрос о том, как контролируют эмоции мужчины и женщины, а также вопрос о законности проявления эмоций в политических дебатах.

Подводя итоги исследованию, авторы отмечают, что в телевизионных биографических портретах политиков персональный нарратив присутствовал с момента возникновения жанра и поэтому его нельзя рассматривать только как продукт современной коммерческой телевизионной культуры. Обязательными элементами телепортрета является рассказы о личности политика и об особенностях его частной жизни. Больше внимания стали уделять эмоциям политиков и в политике.

Ю.В. Дунаева

**БИОГРАФИЯ ПРОСТОГО ЧЕЛОВЕКА
В ИСТОРИИ ТРУДА
(Сводный реферат)**

1) **Хирн М., Ноулс Г.** Борьба за признание: Интерпретации индивида в истории труда.

Hearn M., Knowles H. Struggling for recognition: Reading the individual in labour history // Labour history. – Canberra, 2004. – Vol. 87. – P. 1–11.

[Электронный ресурс]: Mode of access: <http://www.historyco-operative.org/journals/lab/87/hearn1.html> Дата посещения: 15.01.2011.

2) **Сальваторе Н.** Биография и социальная история: Внутренние взаимосвязи.

Salvatore N. Biography and social history: An intimate relationship // Ibid. – P. 187–193.

[Электронный ресурс]: Mode of access: <http://www.historyco-operative.org/journals/lab/87/salvatore.html> Дата посещения: 15.01.2011.

В реферируемых статьях обсуждаются проблемы биографических исследований в социальной истории и в labour history, которая в данном случае подразумевает историю труда и профсоюзного движения. Субъектами биографии являются рабочие, их представители в парламенте, радикальные активисты, профсоюзные деятели, люди, частично занятые на производстве, наемные сельскохозяйственные рабочие, безработные и т.п. Каким образом историки могут изучить и объяснить их политическую и профессиональную активность и обстоятельства жизни? Этот вопрос задают себе М. Хирн и Г. Ноулс (1).

Авторы обращают внимание на то, что при изучении жизни представителей рабочего класса историки часто сталкиваются с недостатком личных источников. Тогда они добывают информа-

цию из опосредованных доступных документов: политических речей, докладов, статей, книг, имеющих отношение к субъекту их изучения. В данном случае уместно использование нарративной истории: «Нарратив предоставляет возможность для изучения этих документов так, чтобы осветить идентичность и убеждения субъекта. Нарративная идентичность определяется как процесс, при помощи которого индивиды конструируют персональную идентичность и взаимоотношения с собственной культурой...» (1).

М. Хирн и Г. Ноулс подчеркивают, что подавляющее большинство биографий в истории труда посвящено лидерам, политическим или производственным. В то же время благодаря влиянию нового поколения социальных историков, обратившихся к изучению жизни простых людей, специалисты по истории труда стали больше внимания уделять исследованиям обстоятельств жизни, работы, политической активности рабочих, крестьян, служащих. Однако, признаются М. Хирн и Г. Ноулс, историки-биографы не очень охотно перенимают эти новшества.

Авторы на материале австралийской историографии дают краткую характеристику состоянию биографических исследований в истории труда. Историки по-прежнему предпочитают создавать стандартные биографии, посвященные известным персонам или представителям высших административных слоев. В подобных исследованиях личность – простое дополнение к изучению организаций, институтов или к анализу социальных феноменов. Примером тому могут служить работы по истории тред-юнионизма. Удивительно, но среди них есть и такие, в которых практически не упоминаются люди, будь то лидеры или рядовые члены. Но даже если о лидерах и упоминают, то их деятельность редко используется для объяснения формирования, развития и функционирования профсоюза или профсоюзного движения. «Зачастую историки не могут объяснить, как поведение или руководство лидеров тред-юнионов формировало или влияло на культуру и развитие этого института» (1). Биографы достигли заметных успехов только в изучении жизни и деятельности ведущих профсоюзных деятелей, а также лидеров Лейбористской партии Австралии.

Тем не менее есть и обнадеживающие моменты в развитии жанра биографии, пишут авторы. Например, историк К. Тикстон разработал методологию сравнительных биографий. По его мнению, сравнительная биография обладает значительным потенциалом не только для истории, но и для политологии. К. Тикстон провел девять биографических сравнительных исследований высших

чиновников Британской гражданской службы. В результате «он продемонстрировал, что есть различные пути достижения лидерства в институтах и что (такой метод исследований. – *Прим. реф.*) подходит для анализа возможностей и ограничений, поощряемых или налагаемых внутренней структурой организации и внешней политической обстановкой» (1).

Нарративная история, изучение жизни не только лидеров, но и простых людей, а также новые методы исследований могут помочь преодолеть барьер между историей индивида и историей общества, раскрыть причины и условия борьбы людей за социальные и персональные права, заключают М. Хирн и Г. Ноулс.

Н. Сальваторе (2) положительно оценивает возрождение интереса к биографическим исследованиям в социальной истории, поскольку таким образом создаются новые возможности для масштабного понимания взаимодействий между индивидуальными и социальными силами. Однако, замечает он, написание социальной биографии требует определенных исследовательских и дисциплинарных усилий по отношению к субъекту и контексту.

Н. Сальваторе обращает внимание на то, что часть историков крайне негативно оценивает биографию как научный проект и приводит следующий пример: в середине 1970-х годов, когда он приступил к работе над диссертацией о жизни и деятельности американского профсоюзного деятеля и социалиста Юджина Дебса (1855–1926) и работал с архивными материалами, один из работников архива сказал, что биография не может быть предметом диссертации: «Диссертация – ваш входной билет в сообщество историков, а биография – это не история, потому что вопрос о периодизации фиксирован, так как биография ограничена рождением и смертью субъекта» (2), но это не оттолкнуло Н. Сальваторе от жанра биографии.

Н. Сальваторе пишет, что рождение и смерть субъекта определяют параметры книги вне зависимости от широких преобразований в обществе и культуре, которые предшествовали жизни человека или которые он пережил. Концептуальная задача истории – это установление временных рамок развития главных идей и событий, и именно это помогает определить длительные и эпохальные (или неэпохальные) события, отражающие изменчивость человеческого понимания мира.

В профессиональном историческом сообществе до сих пор распространено заблуждение, что биография имеет дело только с великими людьми и их деяниями, продолжает автор. Он не раз

сталкивался с подобным отношением к биографии со стороны коллег. Что касается ограничения биографии датами жизни ее субъекта, то это имеет отношение только к параметрам книги, а не к общественному и культурному контексту. Взгляд биографа должен охватывать как предшествующие, так и последующие события.

Н. Сальваторе поставил перед собой цель написать социальную биографию Ю. Дебса, т.е. не только изучить его жизнь, но и охватить широкий социальный контекст. В своем исследовании Н. Сальваторе пытался понять и объяснить, каким образом человек делает свой выбор, как он может изменить свою жизнь и социальную среду. В частности, Н. Сальваторе описал «модели выбора, которое он (Ю. Дебс – *Прим. реф.*) предпочел из возможностей, которые он предвидел» (2). В этой книге автор большое внимание уделил социальным условиям жизни простых американцев на рубеже XX в., когда в стране создавалось индустриальное общество.

Другое исследование Н. Сальваторе посвящено Кларенсу Франклину – афроамериканскому музыканту, баптистскому священнику и борцу за гражданские права. В этой биографии автор затронул проблемы расовой идентичности, религии, социального и политического активизма афроамериканцев XX в., показал несоответствия между обещаниями американской демократии и повседневной действительностью афроамериканцев. Помимо этого его интересовало то, как изменялись представления о типично мужских качествах в разных социальных контекстах.

По мнению Н. Сальваторе, задача биографии состоит не в том, чтобы просто представить жизнь какого-либо субъекта, а в том, чтобы помочь углубиться в изучение отдельной человеческой жизни. Поэтому недостаточно, пишет он, просто соединить традиционную социальную или институциональную историю с жизнеописанием. Необходимо брать индивидуальность во всех ее проявлениях, стараться осветить все аспекты жизни человека. Например, биограф решил написать биографию простого рабочего, активиста местного профсоюза. Для этого историку необходимо изучить не только этот, но и связанные с ним профсоюзы, различные профсоюзные издания и газеты того времени, архивные документы политиков, промышленников, профсоюзных лидеров. Следует выйти также за пределы профсоюзной и политической культуры и обратиться к другим измерениям жизни субъекта: условиям работы, быту, ближайшему окружению, друзьям, семье и домашним. Нужно помнить о местных особенностях. Н. Сальваторе приводит пример: в Детройте, Кливленде, Чикаго белые

рабочие требовали от профсоюзов выполнить свои демократические обещания, но одновременно боролись (в том числе и физически) против увеличения числа афроамериканцев в своей среде. Часто на общественные и частные аспекты жизни влияет членство в каком-либо сообществе, например принадлежность к определенной церковной общине. Какую веру субъект исследования исповедует, какую церковь посещает, как конфессия вовлечена в политическую и социальную жизнь – все это имеет решающее значение для понимания жизни человека. Также необходимо учитывать влияние мировых событий – войн, экономических реформ, политических беспорядков и т.п.

Биография – это форма историописания, включает Н. Сальваторе. Чтобы понять прошлое, историку нужна интеллектуальная и дисциплинарная твердость, гибкость и точность анализа и, конечно, симпатия к тем, кого он изучает.

Ю.В. Дунаева

НАПИСАНИЕ БИОГРАФИЙ: ИСТОРИКИ И ИХ МАСТЕРСТВО

**Writing biography: Historians and their craft / Ed. by
Ambrosius L.E. – Lincoln: Univ. of Nebraska press,
2004. – xiii, 166 p.
(Реферат)**

В основу сборника легли материалы симпозиума «Биография и исторический анализ», прошедшего в 2000 г. в Университете Небраска-Линкольн, США. Представители разных исторических направлений и школ рассказывали о своем понимании биографии как формы исторического исследования.

Материалы сборника уравновешены по гендерному принципу. Три статьи написаны историками-женщинами и посвящены: жене американского военнослужащего времен Войны за независимость, королевам Англии, афроамериканской рабыне, боровшейся за права женщин и отмену рабства. Историки-мужчины выбрали в качестве объектов исследований китайского революционера и партийного деятеля, двух американских политиков, немецкого философа. Также авторы высказались относительно теоретических проблем биографического жанра: отношениях между биографией и автобиографией, между объективностью и субъективностью, между биографом и субъектом исследования, между исследователем и его обществом и культурой.

Во вступлении редактор сборника Л. Амброзиус, профессор истории Университета Небраска-Линкольн (США), подчеркивает неразрывность биографии и истории. Жанр биографии – это один из способов изучить важнейшие исторические проблемы. Биографы должны применять разные исторические методологии, использовать все возможные первичные источники и творчески интерпретировать их.

Биографическое исследование заставляет историка искать ответы на следующие вопросы.

1. Как определить роль индивида в широком историческом контексте?

2. Каким образом биографические исследования связаны с другими формами истории?

3. Должны ли историки использовать различные подходы к биографии в зависимости от особенностей общественного и культурного окружения субъекта биографии?

4. Какие первичные источники и методологии следует использовать историку-биографу?

Сборник открывается статьей профессора Ш. Леки, специалиста по истории США и гендерной истории (Университета Центральной Флориды, США), «Сущность биографии: Почему историки нуждаются в профессиональных биографиях больше, чем прежде». Ш. Леки подчеркивает важность биографии как формы исторического анализа, ее способность преодолевать границы времени и пространства.

Хорошо написанная биография, основанная на фактах, а не на вымыслах, позволяет узнать не только об условиях жизни разных людей, но и то, как разные факторы, например, гендер и раса, образование и социальное окружение, определяли выбор человека и его формирование, пишет Ш. Леки. Биограф должен стремиться преподнести жизнь своего героя так, чтобы выявить личные свойства и особенности характера, определяющие именно этого человека. Хорошая биография дает ощущение, будто «живой человек прогуливается по страницам» (с. 3).

По мнению Ш. Леки, изучая биографию, необходимо уделять внимание частному и публичному. Иногда детали личной, повседневной жизни помогают понять особенности общественной, политической или профессиональной деятельности. Этот тезис автор объясняет на примере собственной работы. В начале своей карьеры она собирала материалы для семейной биографии героя Войны за независимость полковника Бенжамена Грирсона. Он командовал конным подразделением в диверсионном рейде через реку Миссисипи, когда генерал Улисс Грант атаковал г. Виксберг. После войны Б. Грирсон возглавил подразделение в пограничных войсках. Смерть трех из семи его детей, маниакально-депрессивные психозы двух других детей сказались на обстановке в семье. Кочевая жизнь военного часто разлучала его с женой и детьми и усиливала трудности семейной жизни, а необходимость улажи-

вания эмоциональных и финансовых проблем семьи осложняла карьерный рост.

Согласно традиционным взглядам семейные пары среднего класса четко разделяли «мужскую» и «женскую» сферы и в жизни, и на работе. Но чтение частной переписки полковника и его жены открыло для Ш. Леки совсем другую картину. Их отношения отличались от общепринятых тем, что фактически Эллис Грирсон была не формальным, а реальным адъютантом своего мужа. В частных письмах она не только информировала его о ходе военных действий, но и об условиях жизни и поведении солдат.

Среди множества сложностей, с которыми неизбежно сталкивается любой биограф, – это он сам, его позиция и отношение к изучаемому предмету. Ш. Леки согласна с мнением, что биограф должен быть «участником-наблюдателем», т.е. играть противоположные роли. «Как участник он должен стремиться видеть мир так, как видит его “герой”. В то же время он должен оставаться “наблюдателем”, потому что только так можно сохранить беспристрастность, необходимую для того, чтобы различать факт и вымысел» (с. 9). Не менее важно умение биографа отделить события реальной жизни человека от мифов о его жизни, раскрыть его подлинное «я», спрятанное за различными масками, замечает автор.

Что касается отношения биографии и истории, то в данном случае Ш. Леки согласна с мнением историка и писательницы Г. Лернер: история дает «чувство направления в жизни» (с. 13). В большинстве стран мира, в аграрных и сельских обществах, пишет Г. Лернер, религии соединяли разные поколения и помогали людям обрести смысл жизни. Теперь, когда большинство людей проживает в городах, история приобретает особое значение. В подтверждение Ш. Леки приводит еще одно высказывание Г. Лернер: «В мире, в котором персональные контакты различных поколений прерваны, история может связать людей с прошлыми поколениями и укоренить их в длительности человеческого бытия» (с. 14).

Ш. Леки признает, что между профессиональными историками и обществом существует пропасть, постоянно увеличивающаяся в последние десятилетия. По ее мнению, это произошло из-за изменения фокуса исторических исследований. Часть историков, отказавшись от традиционных европоцентричных и этноцентричных нарративов, стала писать другую историю, рассматривая расы, гендер, этничность и классы как социальные конструкты, зависящие от времени, пространства и идеологических изменений. Эта новая история с трудом воспринимается читателями. Ш. Леки счи-

тает, что необходимо писать ясные и понятные исторические работы, применяющие новые подходы. Следует также создавать биографии тех людей, кому традиционные историки уделяют мало внимания из-за их расы, гендерного или социального статуса. Подобные исследования, продолжает Ш. Леки, должны быть написаны хорошим литературным языком, чтобы быть понятными широкой аудитории.

В заключение она замечает, что сегодня профессиональные историки нуждаются в биографических исследованиях, чтобы уменьшить пропасть между ними и читающей публикой. В современном мире с разнообразными коммуникациями, биографии стали средством, соединяющим разные истории в единый национальный контекст.

В материале сотрудника Колледжа Лойолы (США) Р. Скоппа «Культура и контекст в биографических исследованиях: Ситуация в Китае» сравниваются западный и восточный подходы к биографии с точки зрения социальной структуры общества и места индивида в нем.

Культурная среда и контекст, в котором создается биография, так же как культурная среда и контекст ее субъекта, серьезно влияют на характер интерпретаций, считает К. Скоппа. В китайской традиции взаимоотношения между личностью и группой существенно отличаются от западных. Если на Западе индивиды формируют группы, то в Китае группа формирует индивида. Поскольку группа довлеет над индивидом, значит, ее сохранность первична. Группа конструирует индивидов, следовательно, им не позволено формулировать какие-либо «индивидуальные» цели, угрожающие целостности группы. Поэтому индивид в Китае не является свободно действующим актором, как на Западе.

В Китае человек связан множеством невидимых нитей с людьми из своей и других групп. Работая над биографией, необходимо уделять внимание не только субъекту исследования, но и людям из различных окружающих его групп. Также, продолжает Р. Скоппа, отличается индивидуально-групповая динамика. В китайском обществе базовая социальная идентичность зависит не только от семьи и ее статуса, но и от социальных связей и сетей, которые создаются и развиваются разными способами: дружбой, поддержанием отношений с одноклассниками или земляками и т.п. Установление, поддержание и развитие подобных социальных отношений важно в любом обществе, признает Р. Скоппа, но в

Китае они всегда играли исключительную роль, будь то традиционное или посткоммунистическое общество.

Социальные сети могут охватывать много людей, но основаны на взаимоотношениях между двумя людьми, затем еще между двумя и так далее. Естественно, что различается значимость отношений между индивидами в пределах одной сети и между индивидами, членами разных социальных сетей. Поэтому, продолжает автор, различаются этические стандарты. В обществе нет единых этических норм и правил, применимых ко всем людям и всем ситуациям. Этика в Китае традиционно определяется социальными связями, различными для каждого человека и ситуации. Биограф должен учитывать эту особенность, когда он интерпретирует действия субъекта.

Подобные социальные реалии и взаимосвязи придают китайской социальной системе определенную зыбкость, что, в свою очередь, создает сложности для исследователя. Социальная идентичность личности и ее место в обществе зависят от того, с кем человек связан: «В конечном счете, если кто-то, с кем человек в течение ряда лет устанавливал и культивировал отношения, лишился власти, потерял работу, стал нетрудоспособным или умер, тогда тот человек попытается заново установить свою социальную позицию» (с. 33).

Характер сведений, фиксируемых в китайских исторических источниках, также отличается от западных, продолжает Р. Скоппа. Естественно, что в источниках фиксируется то, что важно и значимо, но отбор ведется с учетом культурных интересов и ценностей. Поэтому отношения отец-сын (первичные социальные отношения, согласно конфуцианству) обязательно будут представлены в исторических материалах, чего нельзя сказать об отношениях мать-сын или жена-муж. Хотя в источниках можно найти информацию о женах и наложницах, но, по существу, мы ничего не знаем о динамике отношений между ними, замечает автор. «В традиционном патриархальном обществе женщины, будь то жены, наложницы, сестры или любовницы фактически невидимы. Поэтому если на Западе в биографиях обязательно освещаются и даже являются ключевыми отношения мать-сын, мать-отец-сын, муж-жена, любовник-любовница, то (в Китае – *Прим. ред.*) они не отмечаются и не записываются» (с. 36).

Р. Скоппа, используя источники, которые до недавнего времени были закрытыми, реконструирует некоторые моменты из жизни одного из членов Гоминьдана среднего звена Шен Диньи

(Shen Dingyi). Родившийся в семье богатого землевладельца, он примкнул к революционному движению 1910–1920-х годов. Шен Диньи был спикером местного парламента в Ханчжоу, столице провинции Чжэцзян. Позже, не выходя из Гоминьдана, вступил в Коммунистическую партию Китая. Он был не только партийным деятелем, но и интеллектуалом, издателем прогрессивного журнала, автором эссе и поэтических произведений, прославляющих национализм, социализм, феминизм, образованность. Во время борьбы Чан Кайши с коммунистами Шен Диньи отправили в отставку. В родной провинции он пытался реформировать сельское хозяйство. Но в 1928 г. при до сих пор невыясненных обстоятельствах Шен Диньи был убит.

Р. Скоппа отмечает, что Шен Диньи был членом нескольких социальных сетей: многочисленной семьи, земляков из родного города и провинции, местных органов управления, провинциального Гоминьдана и партийной фракции, шанхайских интеллектуалов, выпускников Первой нормальной школы (First Normal School) г. Ханчжоу, которых он потом приглашал преподавать в организованную им школу. Помимо этого он общался и с другими людьми. Его идентичность менялась вместе со взлетами и падениями революции и всего Китая. Интересно, что когда в 1993 г. (спустя 65 лет после его убийства) Р. Скоппа, собирая материал для биографии, посетил его могилу, то местный чиновник сказал: «Мы до сих пор не знаем, был ли он хорошим человеком или плохим» (с. 41). Автор связывает это высказывание с противоречивостью личности Шен Диньи, сына землевладельца, члена реакционной политической фракции и одновременно радикального мыслителя и реформатора. Его убили, потому что Шен был слишком большим радикалом и реакционером для одной и той же партии, уверен Р. Скоппа.

Возвращаясь к особенностям западного и восточного подхода к биографии, Р. Скоппа еще раз напоминает о необходимости учитывать воздействия культуры и окружения. Биограф должен изучать свой субъект как индивидуальную персону в определенной культуре и среде, воздействующих на него в разных обстоятельствах и ситуациях.

Биография и гендерная история – предмет статьи «Реформирование Тюдоровских биографий: Анна Болейн и Анна Клевская» профессора истории Университета штата Аризона (США) Р. Уорник. Изучение истории женщин в период Средних веков и Нового времени представляет определенные трудности, пишет автор. Прежде всего, речь идет о недостаточности источников. В основном со-

хранились официальные документы, судебные записи, приходские книги. Иногда, примерно с конца XVI в., можно найти женские дневники и журналы, но следует помнить о том, что большинство женщин того времени были неграмотными.

Историки, занимающиеся гендерными исследованиями, подчеркивают доминирование мужчин над женщинами. Невзирая на социальное положение в иерархическом обществе у всех женщин было нечто общее, так как фундаментальные структуры общества: политическая, экономическая, социальная и культурная были основаны с учетом четкого деления между полами. «Предполагалось, что женщины более подчинены зову секса, более развратны от природы, чем мужчины, и поэтому считалось необходимым подчинить их патриархальному авторитету: отцу, мужу, брату или мужчине-опекуну» (с. 53–54). Даже правящая королева Елизавета I находилась под сильным влиянием мужчин – советников или членов парламента.

Р. Уорвик кратко характеризует ситуацию с историко-биографическими исследованиям в Англии. К концу XIX в. сформировалась историческая наука с явным «мужским характером»: «Английская историческая наука становилась профессиональной, превращаясь из любительского времяпрепровождения в мужские научно ориентированные академические штудии, исключительно ценившие архивные изыскания, освещавшие прошлое в юридических, дипломатических и экономических нарративах. <...> Так же как и культура (викторианская. – *Прим. реф.*) маргинализировала женщин, так и историки редко принимали во внимание гендерную тенденциозность, присутствующую и в архивных материалах, и во вторичных источниках, они преуменьшали важность женских жизней, зачастую просто игнорировали их» (с. 54–55). Примерно такое же отношение было и к биографии, ее рассматривали как второстепенную вспомогательную дисциплину. Исключение составляли жизнеописания монархов, например, Генриха VIII и Елизаветы I.

Р. Уорвик полагает необходимым пересмотреть сложившуюся традицию английского историописания, долгое время находившегося под влиянием протестантизма. Историки-протестанты предлагали свое детерминистское видение истории, согласно которому протестантизм был неизбежен и представлял собой более прогрессивное религиозное движение, чем английский католицизм. Автор призывает историков отказаться от предрассудков, пересмотреть свои собственные позиции, признать имеющиеся

ошибки и неправильные интерпретации, по-новому взглянуть на архивные документы и прочитать их непредвзято.

Далее Р. Уорвик на примере своих исследований об Анне Болейн и Анне Клевской объясняет, как и почему она выбрала тот или иной фокус, контекст и методы исследования. Жизнь Анны Болейн рассматривается на фоне ее широких семейных связей и патронатных отношений при дворе. Подобный подход не только дал возможность более глубокого понимания ее личности, но и показал скрытые и явные аспекты политических процессов при дворе Тюдоров, поскольку королева была важным участником в политике своей семьи и королевского двора.

В биографии Анны Клевской выделен матримониальный аспект, потому что ее жизнь – это микрокосм историй невест Нового времени, вынужденных приехать в другую, иногда враждебно настроенную страну, не знающих языка, не понимающих обычаев и традиций своей новой родины, поясняет Р. Уорвик. Подобный взгляд на этих двух женщин-королев позволил автору преодолеть границы прежних подходов и переосмыслить их жизнь и роль в политической структуре королевского двора и общества.

Дж. Купер-младший, профессор Американского института Университета Висконсин-Медисон (США), специалист по истории США XIX–XX вв. в статье «Концепция, беседа и сравнение: Мой опыт биографа» рассказывает о своих взглядах на политическую биографию. Дж. Купер-младший – автор нескольких биографий политиков, в том числе Уолтера Пейджа, Теодора Рузвельта и Вудро Вильсона.

Как следует из названия статьи, автор выделяет три важных элемента в работе биографа. Первый – это **концепция**, т.е. речь идет о формировании замысла биографии, о том, как биограф выбирает субъект исследования. Основным критерием является роль субъекта в истории, его участие в важных событиях своего времени. Не менее важно наличие источников и документов (писем, дневников и других частных бумаг), по которым можно проверить обстоятельства жизни. Известны случаи, когда историки, столкнувшись с отсутствием или недостатком документов, отказывались от написания биографии. Но известны и несколько авторов, которым удалось преодолеть эту проблему и создать удачные биографии, используя вторичные и опосредованные источники: документы и материалы, относящиеся к родственникам и современникам субъектов биографии, печатные материалы, например газеты. Если речь

идет о недавнем прошлом, не следует забывать о методах устной истории, интервью и беседах.

Второй момент – **беседа**, которую историк ведет, работая с источниками. В том или ином смысле все биографы «разговаривают» со своими героями, читая письменные документы, слушая записи их голосов или просматривая видеозаписи. Большинство этих бесед, но не все, состоят в том, чтобы прислушаться к субъекту биографии, расспросить о его действиях, мотивах и размышлениях. В то же время беседа может пониматься в прямом смысле слова, когда историк разговаривает с тем, о ком пишет, или с людьми, которые его помнят.

Третий элемент – **сравнение**. Конечно, каждый биограф сравнивает своего героя с другими людьми. Но в данном случае Дж. Купер-младший говорит о жанре сравнительной биографии. Он поясняет это на примере своих исследований о президентах США Т. Рузвельте и В. Вильсоне: «Я следовал за ними по параллелям их жизнью. Я рассказал историю каждого из них, глядя глазами другого. В начале их жизни были далеки одна от другой и шли в прямом смысле параллельно. Но в кризисный момент линии их жизней пересеклись одна с другой и больше никогда не разделились» (с. 95).

В годы Испано-Американской войны Т. Рузвельт и В. Вильсон стояли на позициях империализма и утверждали, что завоевание заморской империи позволит Америке превратиться в одну из великих мировых держав. Подобное отношение к войне объясняется их уверенностью в том, что изменившаяся ситуация на международной арене окажется благоприятным стимулом для внутренней политики США.

Но между Т. Рузвельтом и В. Вильсоном было и много различий прежде всего в экономическом и социальном происхождении и окружении. Т. Рузвельт – выходец из богатой и аристократической семьи, а В. Вильсон родился в глубинке, его предки – представители социальной и интеллектуальной элиты, пресвитерианского духовенства. «В. Вильсон был из тех, кого сегодня мы называем “меритократами”, пример и образец торжества таланта, исключительно интеллектуального таланта» (с. 97). Но самые весомые и значительные различия проявились в политических взглядах этих лидеров: «Они фундаментально расходились в рекомендациях по созданию приемлемого общественного устройства и в представлениях о человеческой природе, лежащих в основе этих рекомендаций» (с. 98).

Несмотря на значительные преимущества и обнадеживающие перспективы сравнительной биографии, Дж. Купер признает и ее ограниченные возможности, поскольку не так много исторических деятелей можно сравнивать друг с другом: «Чтобы этот подход оказался пригодным для работы историка-биографа субъекты должны быть по меньшей мере хотя бы современниками и взаимодействовать друг с другом» (с. 99). Для написания сравнительных биографий автор предлагает следующие пары: А. Линкольна и С. Дугласа, Д. Эйзенхауэра и Д. Макарура, Дж. Кеннеди и Р. Никсона.

Н. Пейнтер, профессор американской истории Принстонского университета (США), в статье «*Ut pictura poesis*¹, или Сестринские отношения вербального и визуального искусств» показывает возможности использования визуальных источников (фотографий, открыток, шаржей, рекламных объявлений) в биографических исследованиях. Она подчеркивает, что визуальные источники недостаточно ценятся и используются историками и биографами, хотя они могут помочь в создании биографий людей, не оставивших после себя каких-либо письменных свидетельств: «Но даже если субъект умел читать и писать и оставил биографам письменные свидетельства, визуальные материалы открывают новые аспекты амбивалентного отношения субъекта к своей культуре» (с. 105)

Особый интерес у автора вызвала жизнь Соджорнер Трут – рабыни, после освобождения начавшей борьбу за права женщин и отмену рабства, не только из-за ее необычной судьбы, но и потому, что на примере ее фотографий хорошо иллюстрируется значимость визуальной информации для биографических исследований.

Соджорнер Трут была неграмотной, после нее остались только опосредованные письменные источники: написанные другими людьми под ее диктовку размышления и статьи. Также остались ее фотографии, которые она продавала ради заработка. Именно эти фотографии Н. Пейнтер и использовала, чтобы лучше понять ее личность. Но эти изображения несут еще и символическое значение, ведь С. Трут была представителем определенной социальной группы в определенную историческую эпоху: она была черной женщиной в расистской сексистской культуре.

Фотографии, опубликованные в книге, вышедшей под диктовку С. Трут, представляют нам хорошо и тщательно одетую женщину, с вязанием в руках, выглядящую как горожанка, рядом с ней, на маленьком столе лежит книга, стоят стакан и ваза с цвет-

¹ «Поэзия – та же живопись» (Гораций). – *Прим. реф.*

ком. Ее поза, одежда и окружающие предметы указывают на сформировавшуюся и интеллигентную представительницу буржуазии. Н. Пейнтер подчеркивает важный элемент, у С. Трут открыты только кисти рук и лицо. Дело в том, что в 1850 г., когда книга С. Трут вышла в свет, один исследователь опубликовал типичные фотографии рабынь с плантаций: черные женщины, обнаженные по пояс, смотрят прямо в камеру. Практика подобных фото продолжалась на протяжении долгого времени, это были изображения безымянных людей, обычно иностранцев и почти всегда цветных. В данном случае люди обезличивались, выступая как типы, словно экспонаты в музее естественной истории, подчеркивает Н. Пейнтер. С. Трут никогда не представала на фотографиях в подобном виде. Ее изображения – это не только источник информации о ней, но и подтверждение ее гражданской позиции.

Завершает сборник статья Р. Ричардса, профессора истории, философии и психологии в Чикагском университете (США) «Имеет ли значение, убил ли Фридрих Шеллинг Августу Бёмер или нет? Необходимость биографии для истории философии».

Р. Ричардс пишет, что изучение биографической информации чрезвычайно важно для понимания философии и истории философии. Обстоятельства жизни философов могут оказывать существенное влияние на формирование их мировоззрения. Идеи не существуют и развиваются сами по себе, вне связи с учеными или поэтами, хотя подобное впечатление иногда возникает при традиционном взгляде на историю философии. Свое мнение Р. Ричардс иллюстрирует на примере впечатляющих событий из жизни Ф. Шеллинга, в результате которых он радикально пересмотрел свои философские взгляды.

Ф. Шеллинг начал свой философский путь как страстный и последовательный приверженец философии И. Фихте. Но к 1801 г. он отказался от субъективного идеализма И. Фихте и создал концепцию объективного идеализма. Р. Ричардс связывает это с глубоким потрясением в жизни философа.

Ф. Шеллинг был глубоко влюблен в замужнюю женщину – Каролину Бёмер-Шлегель, имевшую дочь Августу. Каролина была старше философа на 12 лет, это была красивая, живая, творчески одаренная и умная женщина. Их связывали многолетние глубокие и прочные любовные отношения. У Ф. Шеллинга и К. Бёмер-Шлегель было много общих друзей среди выдающихся людей той эпохи.

Летом 1800 г. врач посоветовал К. Бёмер-Шлегель и ее 15-летней дочери Августе поправить здоровье на баварском ку-

рорте Бад-Боклет. Ф. Шеллинг ненадолго покинул их и поехал проведать родителей. Когда он вернулся, оказалось, что состояние здоровья Каролины улучшилось, а Августа заболела, судя по всему, брюшным тифом. Местный доктор прописал ей стандартное по тем временам лечение: настойку опиума, гуммиарабик и настойку ревеня. По его мнению, это гарантировало быстрое выздоровление, но девочка скорострительно скончалась. Ее мать и Ф. Шеллинг были безутешны. Друзья опасались, что молодой философ покончит с собой. Дело в том, продолжает Р. Ричардс, что Ф. Шеллинг, ознакомившись с назначениями врача, решил не давать девочке гуммиарабик и ремень, опасаясь сильного обезвоживания организма, а опиум давал в меньших дозах, чем было назначено. В чем-то его решение было правильным, полагает Р. Ричардс, но девочка умерла. Ф. Шеллинг признался своему другу Ф. Шлегелю, что он испытывает сильное чувство вины. Окружение Ф. Шеллинга осуждало его и говорили, что он и Каролина не позвали хорошего врача и к тому же неточно выполняли предписанное лечение. Вскоре после смерти дочери Каролина начала бракоразводный процесс, а в 1803 г. они с Ф. Шеллингом поженились.

Столкнувшись с проявлениями глубокой любви и ужаса смерти, философ отказался от прежних воззрений. Только отказ от эгоизма философии И. Фихте и выстраивание новой концепции – строгого и детерминистского абсолюта могли смягчить его чувство ответственности за любовь и смерть, заключает Р. Ричардс.

Ю.В. Дунаева

И.Р. Купер

**СОБСТВЕННАЯ КОМНАТА: МЕТОДЫ И ПРАКТИКИ
СОВРЕМЕННЫХ ФЕМИНИСТСКИХ
ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(Аналитический обзор)**

Заголовок данного обзора взят из эссе Вирджинии Вульф «Собственная комната» (14), впервые опубликованного в 1929 г. В этом эссе британская писательница и критик размышляет о судьбе женщин-писателей и женских персонажей в литературе. Один из центральных вопросов эссе – могла ли история преподнести миру Шекспира в женском обличье? Вряд ли, отвечает В. Вульф, потому что для женщин до недавнего времени было закрыто множество путей. Женщина могла быть так же талантлива и целеустремленна, как и мужчина, но ее роль в обществе была ограничена ролями жены, матери, домохозяйки. Не имея возможности получить образование и лишённая общественной поддержки, женщина не могла развить свой талант и сделать значительный вклад в литературную и общественную жизнь. Для того чтобы творить, женщине нужна финансовая независимость и личная свобода. Ей нужна «собственная комната».

Несмотря на бурные события XX–XXI вв., значительно повлиявшие на положение женщины в обществе, феминистская проблематика, затронутая в эссе В. Вульф и развитая в работах множества других ученых, писателей, активистов, остается в фокусе гуманитарных наук. Острыми остаются как вопросы современности, так и вопросы историко-биографической перспективы. Что делали женщины в те или иные эпохи? Достаточно ли мы знаем о выдающихся и обычных женщинах в разные исторические периоды? Как влияет отсутствие или наличие женских образцов для подражания на формирование нравов, традиций, стереотипов и законов?

Эти и другие вопросы поднимаются в феминистских историко-биографических исследованиях.

Феминистская перспектива вносит свои особенности в жанр историко-биографического исследования. Помимо описаний событий прошлого и жизни личности или группы людей, авторы привносят в свои исследования идеи о равноправии женщин и опираются на критическое направление современной социальной теоретической мысли. Как жанр, совмещающий в себе академическое и политическое, феминистская биография не вписывается в простые определения дисциплин, научных направлений и школ. Нарушение и разрушение канонов является одной из ключевых ориентаций феминистского подхода. Задача данного обзора – на примере публикаций последних лет рассмотреть проблемы методологии и практики феминистских историко-биографических исследований. Внимание к деталям и малоизученному – одно из ключевых правил феминистского подхода. Опустить детали и пройти широкими мазками по методам, практикам и определениям означало бы пойти против буквы и духа феминистской истории. Поэтому в обзоре упоминается множество имен и обстоятельств, которые не удостоивались широкого внимания историков.

Сборник статей «Трудности феминистской биографии: Описывая жизнь современных американских женщин» (11) под редакцией четырех женщин-историков, специализирующихся в разных отраслях общей и национальной истории, составлен на материалах семинара в рамках первой Южной конференции по женской истории в Спартанбурге (штат Южная Калифорния, США) в июне 1988 г. В ходе семинара будущие редакторы сборника обнаружили, что в своих историко-биографических исследованиях женских судеб каждая из них сталкивалась с похожими проблемами: их не устраивал традиционный формат биографии, они встречали непонимание со стороны коллег и друзей, их интересовал вопрос взаимоотношений между историей и биографией, в особенности между историей женщин и женской биографией. Как отмечают редакторы во вступлении, этот сборник состоит из «захватывающих историй» о провалах и открытиях в поисках документов, о мучительных ре-интерпретациях, о сложных взаимоотношениях с коллегами и родственниками (11, с. 2).

Большинство авторов сборника отмечают, что начинали свои биографические исследования не под влиянием феминизма, а из интереса к жанру биографии и возможности совместить личное и историческое. В процессе изучения источников и выработки ин-

терпретаций все они стали идентифицировать себя с феминизмом и так называемым «женским вопросом». Авторы едины в том, что личное и историческое в жизни женщин неизбежно переплетается с политическим и идеологическим. В результате разные голоса, субъекты, эпохи и страны в работах авторов этого сборника объединяются под знаком критического анализа существующих подходов к женской биографии и истории.

Феминистская биография существует в непростом интеллектуальном пространстве, что объясняется рядом причин. Во-первых, это относительно новый академический жанр, который начал развиваться только во второй половине XX в. Во-вторых, биографы, которые признают важность феминистских подходов, находятся в меньшинстве. В-третьих, историки зачастую смотрят на жанр биографии свысока и не считают публикацию биографии большим достижением. Обращение историка-биографа к субъектам современной эпохи еще больше дискредитирует его или ее работу и сам жанр. В-четвертых, в силу разных исторических, социальных и политических причин выбор женщины как субъекта истории и биографии вызывает подозрения и у историков, и у биографов.

Эссе автора и редактора сборника Э.И. Перри называется «Критическое путешествие: От Бель Московиц к женской истории». Э. Перри подробно описывает свои взаимоотношения с Бель Московиц – своей бабушкой по отцовской линии. Э. Перри задумала написать не семейную историю, а изучить жизнь супругов Московиц как социальных реформаторов 1890–1920-х годов.

Бель Московиц (1877–1933) была менеджером избирательной кампании кандидата в президенты США в 1928 г. Альфреда Смита. Внимательный взгляд Э. Перри под углом феминистской истории раскрывает перед читателями личность, которая активно участвовала в политической и социальной жизни своего времени, писала статьи, принимала участие в реформах по улучшению жизни женщин и, конечно, выполняла традиционные роли жены и матери. Каждый документ, найденный Э. Перри, добавлял новый штрих к портрету Бель Московиц.

Э. Перри работала с разными источниками: от небольшой статьи в энциклопедии до газетных и журнальных публикаций, музейных и архивных коллекций и документов организаций, с которыми Московиц могла быть связана по профессиональной части. Скрупулезность и стратегия расширенного поиска дали свой результат – Э. Перри удалось обнаружить неизвестную ранее переписку Московиц с разными политическими деятелями.

На примере биографии Бель Москович автору удалось показать то, что уже в начале XX в. были женщины, обладавшие политическим влиянием и вносившие существенный вклад в общественную жизнь. По словам Э. Перри, Бель Москович начала со скромной работы добровольца в небольшой еврейской организации в Нью-Йорке, затем работала над улучшением законодательства в области досуга для женщин и, наконец, стала одной из самых влиятельных женщин в американской демократической партии. Примененные ею знания и суждения способствовали трехкратному переизбранию А. Смита в качестве губернатора Нью-Йорка и выдвижению его кандидатуры на выборах президента США.

Каждое эссе сборника – это один небольшой кусочек в огромной мозаике женских судеб XX века. Формат обзора не позволяет рассказать о каждой героине и авторе ее биографии, поэтому ограничимся упоминанием нескольких имен: Флоренс Келли (1859–1932) – активистка рабочего движения, борец за установление минимальной оплаты труда, восьмичасового рабочего дня и отмены детского труда; Эмма Голдман (1869–1940) – политик-анархист, сыгравшая видную роль в развитии анархизма в Америке и Европе; Мэри Хитон Ворс (1874–1966) – журналистка, пацифистка и активистка рабочего движения, выступавшая за права женщин и детей; Люси Спраг Митчелл (1878–1967) – педагог, новатор в области детского воспитания и образования; Джесси Дэниел Эймс (1883–1972) – суфражистка, известная своей борьбой против судов Линча.

Разные по стилю и деталям эссе сборника демонстрируют ряд характерных особенностей феминистской биографии: повествование от первого лица, совмещение исторического контекста и подробностей личной жизни героинь, намеренное пересечение личного и исторического опыта и активное стремление вывести своих героинь на передние планы истории.

Принимая новшества феминистской биографии как необходимое развитие исторической профессии, С. Вэр (13) задается вопросом: может ли биография быть хорошей исторической работой, и в особенности хорошей работой по истории женщин США? Ее статья представляет собой обзор женской и феминистской биографии как областей гуманитарного знания, а также размышления о личном пути автора как биографа и историка с активной феминистской позицией.

Биографические исследования и женская история, пишет С. Вэр, оказали влияние друг на друга и способствовали формиро-

ванию жанра феминистской биографии. Поскольку жизнь женщин отличается от жизни мужчин по множеству параметров, биографы стали искать новые способы описания истории жизни, прорабатывать новые сюжеты. Необходимость совместить личное и политическое и описать подробности личной жизни наряду с общественными достижениями потребовали иной формы повествования – диалога с героинями и открыто субъективной интерпретации их поступков.

В то же самое время, отмечает С. Вэр, именно биографические работы стимулировали интерес к женской истории и жизни женщин. Фактически биографические эссе были способом создания истории женщин. Начало современной женской биографии относится к 1970-м годам, когда был опубликован ряд работ об известных в разной степени женщинах, таких как Зельда Скотт Фитцджералд, Мэри Элен Мередит, Вирджиния Вульф и Эмили Дикинсон. Также в 1970-е годы был опубликован биографический словарь «Выдающиеся женщины США» (6), содержащий около 1500 статей и убедительно указывающий на необходимость восполнить пробелы в истории и должным образом зафиксировать вклад женщин в развитие американского общества.

Биография в 1980–1990-е годы продолжала быть одним из основных жанров женской истории, но острее вставал вопрос о том, как писать биографию женщины, а именно, как совместить биографию с критическим анализом существующих неравномерностей и несправедливостей в развитии общества? Общественная жизнь женщины зачастую сопровождается трудностями в получении образования, нахождении работы и совмещении общественной и личной жизни. Феминистская биография, пишет С. Вэр, считает традиционный сюжет (рождение–образование–карьера–слава) неудачным для отражения всех этих трудностей, поскольку внимание к взаимосвязи между элементами личной и общественной жизни должно стать частью женской биографии. Ведь каждая женщина принимает решение – совмещать личное и общественное и пытаться добиться в жизни всего сразу или выбрать одно в пользу другого.

С. Вэр приводит в пример две биографии Элеанор Рузвельт, одна из которых написана Б.В. Кук, другая – Дж. Лэшем. Факты в большинстве своем совпадают, однако Б. Кук, писавшая с феминистской позиции, обращает внимание читателя на то, что Э. Рузвельт проявляла признаки независимости еще в начале политической карьеры своего мужа. Как женщина своего времени, считает Б. Кук, Элеанор не могла проявлять политические амбиции, по-

этому они преподносились общественности как помощь мужу. Таким образом, феминистская интерпретация позволяет взглянуть по-другому на жизнь человека, женщины или мужчины. Через такую интерпретацию историки пытаются переосмыслить значение политической активности и показать, что она может принимать разные формы в зависимости от условий, в которых находятся субъекты истории. Политическая история при таком подходе соприкасается с историей культуры и социальных реформ.

Б. Кук сама стала героиней исследования другого историка, Д. Шульц (10). По мнению Д. Шульц, два ранних эссе Б. Кук о женской взаимопомощи и о женских гомосексуальных отношениях произвели революцию в женской истории. В них Б. Кук бросила вызов всей исторической дисциплине, и если в прошлом историки игнорировали роль дружеских и любовных взаимоотношений в жизни женщин-политиков, то из работ Б. Кук стало видно, что даже самые героические и бесстрашные женщины полагались на поддержку других женщин в своей общественной жизни.

Б. Кук также писала об Александре Коллонтай, о том, как ее вытеснили с политической арены из-за того, что она считала сексуальное освобождение женщины частью социалистической программы. Б. Кук, пишет Д. Шульц, настаивала на том, что вопреки устремлениям и действиям А. Коллонтай, насильственная эмансипация женщин в Советском Союзе привела не к освобождению женщин, а к удвоению их нагрузки в традиционном духе патриархата – полный рабочий день плюс все домашние обязанности.

Дж. Зинсер в статье «Феминистская биография: Противоречие в терминах?» (15) характеризует отношения между традиционными и феминистскими подходами к историко-биографическим исследованиям как конфликт. Феминистский подход, по ее мнению, формирует новое понимание истории и роли личности в истории. Дж. Зинсер возвращается к теме выбора субъекта биографии и рассматривает работы по истории и биографии XVIII в., которые намеренно отошли от связного повествования в биографии и в которых подчеркивается, что прошлое может быть представлено в настоящем разными способами.

Помимо особ королевских кровей, владелиц салонов и покровительниц наук, пишет Дж. Зинсер, исследователи XVIII в. заговорили о женщинах-реформаторах, таких как Флоренс Найтингейл, Джозефина Батлер или Джейн Адамс, а также об акушерках, предпринимательницах, художницах и монахинях, которые жили в рамках мужских законов, но поступали по-своему, по-женски.

В задачи историков и биографов входило показать женскую историю как историю сосуществования активности и пассивности, силы и бессилия в рамках одной жизни.

Дж. Зинсер описывает методы феминистской биографии как символическую реконструкцию разрозненных фактов и гипотез, а не как описание последовательности действий героев. Один из примеров, приведенных автором, – это биография Джейн Харрисон, написанная Мэри Бирд, которая воспринимает любую последовательную биографию как миф. Поэтому, соглашается Дж. Зинсер с М. Бирд, цель биографии – это в каком-то смысле «изобретение» героини заново. Личность, согласно феминистскому подходу, подвижна и открыта для множества интерпретаций со стороны текста и читателя. Авторитет биографа эфемерен, он или она работают с источниками, которые не имеют одного раз и навсегда зафиксированного смысла. Поэтому в лучшем случае биографам отводится скромная роль посредников между людьми прошлого и людьми настоящего, а не роль вещателей истины.

Практические подходы к феминистской биографии обсуждались в рамках круглого стола на страницах журнала «Journal of women's history» (9). Здесь авторы эссе совмещают описание своих исследований и взаимоотношений с героинями с обобщающими комментариями методологического и теоретического характера.

Н. Ачебе (2) пишет об африканской женщине-короле (female king) Ахеби Угбабе, которая родилась в городе Огурте штата Энугу, Нигерия. Не желая быть принесенной в жертву религиозным божествам за преступления своего отца, она убежала в другую часть страны, где занималась проституцией, много путешествовала и изучала африканские языки и местный диалект английского языка. Связи с британскими управляющими Нигерии позволили ей впоследствии вернуться в свой штат и стать местным лидером, а затем и женщиной-королем.

Н. Ачебе пишет, что в идеале феминистская биография должна писаться совместно с субъектом биографии, с участниками истории. Но с такими личностями, как Ахеби Угбабе, которая умерла в 1948 г., это уже невозможно. Другая трудность заключается в том, что бы сделать подобные биографические работы доступными не только для профессионалов. Научное окружение требует, чтобы биография была написана для академической аудитории. А феминистская позиция настаивает, что историко-биографические исследования должны быть понятны и доступны неспециалистам. В данном случае автор подразумевает народы Нигерии,

поскольку жизнь и деятельность этой женщины-короля является частью нигерийской и африканской истории. На вопрос, как совместить цели карьеры и гражданскую позицию, автор ответа не дает.

Лин Хадсон (4) обращается к истории рабства в США во второй половине XIX в. Ее героиня – Мэри Эллен Плезант (1814–1904), афроамериканская предпринимательница и аболиционистка. Помимо сведений о том, что Плезант финансировала одно из восстаний рабов (они пытались захватить оружие в Харперс Ферри (Западная Вирджиния) в 1859 г.), сведений о ней практически нет. Многочисленные слухи связывают ее и с колдовством Вуду, и с финансовыми махинациями, и даже с убийством.

Восторженное, подчас религиозное отношение к М. Плезант вынудило автора работать на стыке двух методов – агиографии и критической феминистской биографии. Л. Хадсон приходилось сортировать множество рассказов о практиках колдовства в африканских культурах и использовании знаний светского, материального мира в жизни героини.

Как отмечает Л. Хадсон, в реконструкции роли афроамериканских женщин в американской истории важна не столько последовательность событий, сколько возвращение женщинам голоса и активного начала. Подрыв канонов и традиционных биографических конструкций является одним из методов критического анализа вопросов рабства и гражданских свобод. И в таком случае, по мнению автора, «менее научные» версии истории, такие как фольклор, слухи, заметки, романы, имеют столько же веса, сколько и научные.

В статье Карен Пасторелло (7) рассказывается о жизни Бэсси Абрамовиц Хилман (1889–1970), которая была лидером забастовки изготовителей мужской одежды в 1910 г., приведшей к созданию профсоюза «Объединение изготовителей одежды Америки». Ее муж стал президентом этого профсоюза. Как и во многих остальных случаях, сведений о Бэсси Хилман было не очень много, что значительно затруднило работу над ее биографией. К. Пасторелло сравнивает свою работу с документами с работой следователя.

Активная роль Б. Хилман в движении за права рабочих Америки позволила автору частично переосмыслить историю рабочего движения того времени. Б. Хилман тесно сотрудничала со множеством людей, стремившихся улучшить положение работающих женщин. Посредством феминистской биографии автору удалось показать, что движение рабочих-феминисток процветало в Америке в первой половине XX в. и сделало многое для улучшения условий работы, здравоохранения и ухода за детьми.

Эссе Рустема Ертуга Алтинэя (3) посвящено Латифе Ушаки, родившейся в Измире (Турция) в 1898 г. Получив хорошее образование в Европе, она вернулась в Турцию и встретила там Ататюрка, лидера и впоследствии президента Турецкой Республики. Они поженились в 1923 г., и Латифа стала первой леди Турции. После развода в 1925 г. Латифа провела оставшуюся жизнь под домашним арестом и умерла в 1975 г.

Работая с материалами о жизни своей героини, автор столкнулся с трудностями политического характера: доступ к архивам Латифы Ушаки закрыт. После смерти Латифы они были переданы в Институт турецкой истории, находившимся под патронатом Ататюрка, и несколько попыток открыть их не принесли успеха. Главный аргумент отказа – раскрытие архивов Латифы, где может быть множество подробностей личного характера о ее супружеской жизни, будет оскорблением памяти Ататюрка. Эти события иллюстрируют, что любые попытки изучения жизни Латифы рассматриваются властями страны как угроза разрушения существующего мифа о жизни лидера Турции.

Как отмечает автор, история Латифы Ушаки может интерпретироваться как минимум в двух направлениях. С одной стороны, Латифа – образованная женщина, которая может служить примером независимости и личной силы для турецких женщин. С другой – ее часто представляют как избалованную и агрессивную женщину, которая не смогла выполнить миссию жены вождя. Задача критической феминистской биографии в данном случае состоит не в том, чтобы выбрать ту или иную интерпретацию, а показать, что, хотя Латифа была женой Ататюрка в течение двух лет, ее жизнь не теряет индивидуальной ценности. Но, констатирует автор, в условиях закрытых архивов и идеологизированной истории, удел Латифы и ей подобных – оставаться на краю героической мифологизации жизни мужчин.

Другая историческая тема, неразрывно связанная с политической и идеологией, затрагивает положение женщин в годы Второй мировой войны. В исследовании Андреа Пето (8) рассказывается, в частности, о судьбе венгерской журналистки Эрзебет Ратц, находившейся в Италии во время войны и писавшей домой восторженные письма об итальянском фашизме. После освобождения Венгрии Красной армией ее назвали фашистским журналистом и приговорили к восьми годам тюрьмы. В обвинении говорилось, что Ратц занималась политической журналистикой, делом, не подходящим для женщины. В 1994 г. Ратц использовала этот же аргу-

мент в петиции о своей реабилитации. Она настаивала на том, что как женщина не могла иметь своего мнения и повторяла лишь то, что говорили другие. Впоследствии послевоенные обвинения Ратц были представлены как следствие коммунистического режима, а сама Ратц – как его жертва.

А. Пето пишет, что в контексте Второй мировой войны в Восточной Европе коммунистическая и фашистская идеологии пересеклись с гендерной политикой, и это пересечение стало основой неприятия политически активных женщин. Женщины, которые были деятельными участницами любого из политических движений того времени, будь то фашизм, антисемитизм, коммунизм или что-то еще, считались неадекватными, «ужасными» (ugly). Биографии «ужасных» женщин представляют собой очень трудную тему для историков, потому что жизни таких женщин не вписываются ни в традиционные, ни в феминистские каноны. К тому же, отмечает автор, поскольку эти женщины не были женами или любовницами видных политиков, а были сами по себе, их жизни практически не документированы. Однако, несмотря на трудности, пишет А. Пето, сам факт массового участия женщин в правых политических движениях делает изучение роли женщин в этих движениях не только научной задачей, но и политической необходимостью.

Героиня биографии Г. Уолд (12) – Розетта Тарп, афроамериканская гитаристка и исполнительница госпелов 1930–1960-х годов. Первоначальные исследования автора показали, что в истории и антологиях американской музыки практически нет сведений о Розетте Тарп. И это несмотря на то, что в свое время она была одним из самых известных музыкантов, записывающих пластинки. Рассуждая о биографии как серьезном академическом жанре, автор задается вопросом: что изменилось бы, если Розетта Тарп стала частью музыкальной истории? Можно ли с помощью биографии заставить читателей воспринять афроамериканскую женщину средних лет как виртуозного музыканта?

Сотни интервью, поиск людей, знавших Тарп, длительная работа в архивах и с документами СМИ позволили автору воссоздать жизнь Р. Тарп. Она родилась на ферме в Арканзасе в 1915 г., провела жизнь в разъездах и, несмотря на свою славу, была захоронена в неизвестной могиле в Филадельфии. В процессе работы Г. Уолд пришла к выводу, что биография женщин должна включать критический и феминистский аспекты. Биография может освещать жизнь женщин и в то же время критиковать условия, ис-

ключившие их из истории. Учитывая, что «забывание» – это социальный процесс, а не просто естественный результат течения времени, биография для Г. Уолд стала средством «раз-забывания» (un-forgetting), т.е. возвращения человека из забвения и сопротивления процессам превращения людей в невидимых и призрачных.

Теодор Чжун Ю затрагивает тему гендерной политики в колониальной Корее в своих исследованиях жизни Чьо Йонг-сук (1905–1932), первой корейской женщины, получившей высшее образование (5). Получив образование за границей, Чьо Йонг-сук работала в Корее разносчицей овощей и трагически погибла в возрасте 27 лет. Рассказывая о трудностях изучения жизни образованной женщины в Корее периода японской колонизации 1910–1945 гг., Чжун Ю отмечает наличие конкурирующих сюжетов других авторов, каждый из которых описывает подробности личной жизни Чьо, ее путешествия, любовные связи, трагичность судьбы, но дает событиям разные, подчас противоречивые интерпретации. Для одних Чьо – авантюристка, уехавшая за границу в поисках приключений и нарушившая все приличия своей связью с мужчиной индийского происхождения. Для других – их межрасовый союз явил собой современную, космополитичную историю любви, в которой Чьо отказалась от любви к родине ради любви к мужчине.

В силу уже привычного для женских историй отсутствия документов, многие утверждения из этих историй нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Поэтому Чжун Ю предлагает феминистское прочтение жизни своей героини как истории конфликта между современностью и традицией. Образованная прогрессивная Чьо вышла за пределы отведенной ей роли корейской женщины, позволив себе путешествовать, вступать во взаимоотношения с другими людьми и искать работу в родной стране. Корейское общество тех времен не было готово принять все эти новшества. Чьо, по словам автора, является воплощением новой женщины, новых женских идеалов и амбиций, желания выразить себя и одновременно невозможности реализации этого всего во времена колониальной Кореи.

На основе рассмотренных в обзоре работ можно сформулировать основные признаки феминистских историко-биографических исследований.

1. Критика существующего перекаса в освещении роли мужчин и женщин в истории и намерение восстановить гендерный баланс в истории.

2. Работа в условиях ограниченного и недостаточного количества документов; борьба со стереотипом, что только жизнь выдающихся женщин требует исторического осмысления.

3. Интерес к бытовым, повседневным подробностям жизни как особенности женской истории и стремление легитимизировать данный подход.

4. Стремление подорвать жанры связного повествования.

5. Признание неоднозначности и подвижности субъекта истории, открытости его жизни для различных интерпретаций.

6. Стремление автора отказаться от формулирования однозначных выводов и заключений.

7. Выход за пределы гендера и работа на стыке проблем пола, расы, сексуальности, гражданских прав и др., а также преодоление национальных ограничений.

Подводя итоги данному обзору, следует отметить, что основой феминистских подходов к историко-биографическим исследованиям является критическое отношение к существующим правилам и устоям общества и подходам к истории. Возвращаясь к теме собственной комнаты, можно сказать, что историки-феминистки продолжают отстаивать права на независимость и уважение в методологически теоретическом, профессиональном и личном планах. Они подвергают критике и сомнению то, как общество относится к женщинам и другим группам населения, как наука относится к их методам, как их героини взаимодействуют с окружающими. Вместе с тем феминистский подход – это не разрушительная критика всего подряд и без разбора. Это конструктивный анализ существующих несправедливостей и противоречий, основанный на рациональном скептицизме и стремлении объединить науку и практику и внести вклад в то, чтобы люди получали доступ к ресурсам и благам жизни независимо от пола, цвета кожи или сексуальной ориентации.

Список литературы

1. Дикинсон Э. Безумий шквал... / В пер. Д. Альтермана. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2009/09/19/6205> (Дата посещения: 25.05.2011).
2. Achebe N. The day I «met» Ahebi Ugbabe, female king of Enugu-Ezike, Nigeria // J. of women's history. – Baltimore, MD, 2009. – Vol. 21, N 4. – P. 134–137.
3. Altinay R.E. Fear and loathing in the republic: the mystery around Latife Hanım's archives // J. of women's history. – Baltimore, MD, 2009. – Vol. 21, N 4. – P. 144–146.

4. Hudson L.M. Lies, secrets, and silences: Writing African American women's biography // J. of women's history. – Baltimore, MD, 2009. – Vol. 21, N 4. – P. 138–140.
5. Jun Yoo T. The biography of Ch'oe Yŏng-suk and the politics of gender in colonial Korea // J. of women's history. – Baltimore, MD, 2009. – Vol. 21, N 4. – P. 161–163.
6. Notable American women: A biographical dictionary. – Cambridge, MA: Belknap Press., 1971. – Vol. 1–3: 1607–1950. – 3152 p.
7. Pastorello K. From chronicling a life to illuminating a movement: Bessie Abramowitz Hillman's labor feminism // J. of women's history. – Baltimore, MD, 2009. – Vol. 21, N 4. – P. 141–143.
8. Petx A. Who is afraid of the «ugly women»? Problems of writing biographies of Nazi and Fascist women in countries of the former Soviet block // J. of women's history. – Baltimore, MD, 2009. – Vol. 21, N 4. – P. 147–151.
9. Roundtable: Thinking with feminist biography // J. of women's history. – Baltimore, MD, 2009. – Vol. 21, N 4. – P. 134–166.
10. Schultz D. Supporting activist women: Blanche Wiesen Cook and feminist biography // Meridians – Bloomington, IN, 2010. – Vol. 10, N 2. – P. 76–80.
11. The challenge of feminist biography: Writing the lives of modern American women // Ed. by Alpern S., Antler J., Perry E.I., Scobie I.W. – Urbana: Univ. of Illinois press, 1992. – 210 p.
12. Wald G. Rosetta Tharpe and feminist «un-forgetting» // J. of women's history. – Baltimore, MD, 2009. – Vol. 21, N 4. – P. 157–160.
13. Ware S. Writing women's lives: One historian's perspective // J. of interdisciplinary history. – Cambridge, MA, 2010. – Vol. 40, N 3. – P. 413–435.
14. Woolf V. Selected works of Virginia Woolf: Jacob's room, Mrs. Dalloway, To the lighthouse, Orlando, A room of one's own, The waves, Three guineas, & Between the acts. – Ware, Hertfordshire: Wordsworth Editions Ltd., 2007. – 1019 p. (Электронная версия эссе см. <http://ebooks.adelaide.edu.au/w/woolf/virginia/w91r/index.html>).
15. Zinsser J.P. Feminist biography: A contradiction in terms? // The eighteenth century. – College Park, MD, 2010. – Vol. 50, N 1. – P. 43–50.

БИОГРАФИИ: ЛЮДИ, ГОРОДА, ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ: БИОГРАФИЯ И ТЕКСТУАЛЬНОСТЬ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В АНГЛИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

**Writing lives: Biography and textuality, identity and
representation in Early Modern England / Ed. by K. Sharpe,
S.N. Zwicker. – Oxford: Oxford univ. press, 2008. – 370 p.**

(Реферат)

Основу сборника составили материалы конференции, проведенной в 2006 г. Школой английского языка, литературы и драматического искусства и Центром по обработке жизнеописаний и писем при Лондонском университете. Среди авторов не только профессиональные биографы и историки, но и литературоведы и культурологи. В книге рассматривается процесс возникновения и становления жанра биографии в Англии XVI–XVII вв., когда средневековое жизнеописание превратилось в биографию в привычном смысле этого слова.

Сборник открывает обширное вступление, своего рода программная статья инициаторов этого проекта и специалистов по раннему Новому времени К. Шарпа, директора Центра изучения эпохи Возрождения в колледже Квин-Мэри Лондонского университета (Великобритания) и С. Цвикера, профессора Университета Вашингтона в Сент-Луисе (США). Они утверждают, что наши взгляды на биографию, сформировавшуюся как форма и жанр к XVIII в., искажены так же, как и наши представления о жизни людей позднего Средневековья и начала Нового времени.

К. Шарп и С. Цвикер предложили «исследовать многообразие и связи всех форм жизнеописания раннего Нового времени» (с. 4), переосмыслить сложившиеся представления об этом жанре. Средневековые жизнеописания, в отличие от биографий, ставили

целью изобразить жизнь как образец, пример для подражания. Речь идет о так называемых «*exempla*»¹, наследии античной и средневековой агиографии. Жизнеописания представителей ученого сословия, святых и выдающихся граждан использовались как поучающие тексты, совет и руководство, пример для ума и духа. Эти произведения были больше, чем дидактический текст или этический пример, они играли важную идеологическую и политическую роль, утверждают К. Шарп и С. Цвикер. Жизнеописания создавались в практических целях, что отличает их от биографий последующих эпох. С Нового времени биография – это повествование об индивиде и его духовном мире как по форме, так и по субъекту исследования.

К. Шарп и С. Цвикер полагают, что для обновления наших представлений о биографии раннего Нового времени следует обратить внимание на некоторые аспекты. Изучая внутреннюю жизнь человека, следует рассматривать не только духовное, но и аффективное, сексуальное и психологическое. Секс и сексуальность занимают важное место в биографиях и не только по коммерческим причинам. В постфрейдистскую эпоху не может быть иначе: все, кто читал З. Фрейда, знают о сексуальности как определяющем условии формирования собственного «я». Современные историки подчеркивают, что при изучении раннего Нового времени надо больше внимания уделять идиомам, связанным с сексуальностью и различными телесными проявлениями. «Мы можем пойти дальше и сказать, что поскольку дискурсы тела были повсеместно публичными и политическими, их восстановление в биографических проектах создает значимую и плавную связь между тем, что считалось частным, и тем, что считалось публичным. В середине XVII в. тело и аппетит были делом не только политики, но и политической теории и философии» (с. 11–12).

Тему сексуальности К. Шарп и С. Цвикер связывают с гендерным направлением в истории. В данном случае встают следующие вопросы: в чем особенность жизни женщины в раннее Новое время? Как истории женщин были представлены и написаны? Каким образом современные ученые могут узнать об этих историях?

Образцы женских добродетелей описывались редко и ограничивались личной набожностью и хозяйственностью, молчаливостью и невинностью. Историки восстанавливают обстоятельства

¹ Средневековый жанр с ярко выраженной дидактической функцией, герои которого выступали в качестве примера для подражания. – *Прим. реф.*

жизни женщин по руководствам хороших манер, религиозным трактатам, книгам записей о домашнем хозяйстве. Мы мало что знаем о женской жизни вне семьи и дома. Но ведь были женщины, занимавшиеся профессиональной деятельностью или ремеслом. Даже в жизнеописаниях женщин-монархов, женщин – религиозных и гражданских лидеров есть неисследованные моменты, пишут К. Шарп и С. Цвикер.

Следующий важный элемент биографии – детство. В Новое время изменилось отношение к детству, была пересмотрена его роль в становлении и формировании личности. «Если в начале Нового времени практически не уделялось внимания психологии развития и эмоциональной динамике раннего детства, то культура Ренессанса была глубоко обеспокоена жизнью, обучением, формированием и наставлением молодежи. Гуманистическая педагогика была направлена не только на обучение, но и на определение духовных, моральных и гражданских аспектов жизни» (с. 15).

Религия и религиозная жизнь в разных ее проявлениях – еще один аспект, оказывающий влияние на биографию. Помимо духовного контекста религиозной жизни следует помнить о ее светском государственном проявлении. Речь идет о биографиях и историях монархов, которые были одновременно главами государства и Церкви. К. Шарп и С. Цвикер ссылаются на работу Э. Канторовича о «двух телах» короля¹. Монархи привлекали внимание к себе, своим материальным и нематериальным телам в официальных выступлениях, поэмах, изображениях и молитвах. Поэтому, полагают авторы, мы можем заново осмыслить эти произведения как тексты интенсивной персональной духовности, психологии комплексов и надломленной индивидуальности.

В заключение К. Шарп и С. Цвикер пишут, что в Новое время изменилось само содержание биографии. Если средневековые жизнеописания представляли собой образцы «поучительности», то в Новое время центром биографии стала сама жизнь. Биография перестала быть только литературным жанром, ее «можно предста-

¹ В этом исследовании по «средневековой политической теологии» Э. Канторович пишет о том, что средневековые короли обладали двумя телами – «телом естественным» (как личность) и «телом политическим» (как представитель высшей власти). Подробнее см: Луцицкая С.И. Два тела короля. Очерк политической теологии Средневековья: Реферат // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М., 1996. – С. 142–154. – *Прим. реф.*

вить как часть экономической и социальной истории – аристократического патронажа и клиентелизма, распространения грамотности, коммерциализации печати, развития городов и городской жизни» (с. 24).

Первая часть книги, «Жизни и границы», состоит из двух материалов. В небольшой статье «Биография и Модерность: Некоторые размышления о происхождении» С. Тильярд, приглашенный старший научный сотрудник Центра по обработке жизнеописаний и писем Лондонского университета (Великобритания), размышляет о влиянии религии, католицизма и протестантизма на характер людей, способах проявления ими эмоций, отношении к смерти, разнице в понимании частного и публичного. Для сравнения историк берет Англию и Италию. По ее мнению, именно различия в мировоззрении и традициях повлияли на характер и структуру биографических исследований.

В протестантской культуре, утверждает С. Тильярд, частная жизнь мужчин и женщин проявляется через их общественные дела, тем самым поощряется создание нарративов о нравственных изменениях и правильно прожитых жизнях. Британская биографическая традиция возникла на основе подобных назидательных рассказов, в которых фигурировали не только святые, но и разбойники, пираты и куртизанки. Все эти нарративы, связанные с понятием характера, развились в Англии к концу XVI в. В пьесе У. Шекспира «Генрих IV» проводится мысль, что происхождение человека и его настоящий характер, в данном случае принца Уэльского, обнаруживают себя в его поступках, потому что они показывают скрытую правду о человеке. Подобные представления далеки от католической культуры, замечает С. Тильярд.

С конца XVII в. в английских биографиях стали обращать внимание на условия рождения, происхождение и воспитание человека. Значимость начального жизненного опыта в становлении и развитии личности была подтверждена впоследствии З. Фрейдом, подчеркивает С. Тильярд. К началу XVIII в. биографы стали описывать манеры, привычки, обстоятельства домашней и частной жизни. По мнению автора, биография стала самостоятельным и узнаваемым жанром, обратившись к новым историческим акторам, т.е. к тем, кто формировал социальные изменения, городскую и имперскую жизнь, иными словами, Модерность. Ведь Модерность прежде всего была и есть состояние ума, а не что-то еще. Способ, при помощи которого в начале XVIII в. можно было рассказать о жизни разбойника или куртизанки, торговца или писателя – порожд-

дение Модерна. Может поэтому биография стала отделяться от истории: хотя последняя и обладает аллегорической силой, она не предназначена для описания современности. Большой интерес к истории жизни недавно умершего или еще живущего человека наводит на мысль, что ее воспринимают как своего рода отражение современности, полагает С. Тильярд.

Модерность, которую описывали эти биографии, определялась, во-первых, чувством отчуждения, изолированности человека, во-вторых, верой в то, что эта изолированность присуща городской жизни и прежде всего Лондону, в котором проживала десятая часть всего населения страны. Новая форма фиксирования человеческих жизней – биография – обобщала и описывала новый образ жизни.

Статья Л. Жардин, специалиста по интеллектуальной истории эпохи Возрождения «Нестандартная жизнь: Не биография Константайна Гейгенса» рассказывает об известном нидерландском дипломате, писателе и политике К. Гейгенсе.

Л. Жардин пишет, что жизнь К. Гейгенса можно рассмотреть как предмет культурной истории, ведь он обладал действительно выдающимися способностями и был удивительно разносторонним человеком. Сэр Константайн Гейгенс был не только дипломатом, но и музыкантом, игравшим на многих инструментах, признанным поэтом, писавшим стихи на пяти языках. Английский король предложил ему участвовать в разработке проекта надписи к мемориалу в память о спасении Лондона от пожара 1666 г.

Уже в молодости у К. Гейгенса были неформальные отношения с английской королевской семьей. Из его эпистолярного наследия видно, что он принимал активное участие в развитии англо-нидерландских отношений, способствовал установлению тесных персональных связей между окружением Вильгельма Оранского и домом Стюартов. Его дипломатические усилия были высоко оценены британскими монархами, К. Гейгенс был удостоен рыцарского звания. «Приставка “сэр” к его имени отмечала этого выдающегося представителя якобы демократической и тяготеющей к республиканизму нации, одного из новых Оранских аристократов» (с. 45).

Речь идет о человеке двух наций, географически разделенных проливом, имевшим определенный авторитет в делах политических и культурных. У себя на родине К. Гейгенс пользовался известностью не только как дипломат, но и как культурный эксперт королевского дома. Он был неоспоримым арбитром хорошего вкуса во всех сферах, от музыки до поэзии, от живописи до архитектуры.

Сэр К. Гейгенс – образец человека, чья биография выходит за пределы национальных границ. Можно сказать, что у него были две отдельные жизни, в зависимости от того, с какой стороны пролива (английской или европейской) на него посмотреть. Его жизнь неразрывно связана с исключительно важными культурными и политическими событиями. Это целая история о достижениях нескольких наций, связанных воедино трудноразличимыми узами. Поэтому чтобы описать этого выдающегося человека европейской культуры, необходимо отказаться от традиционных исторических или литературных подходов и использовать новые стратегии, заключает Л. Жардин.

Во второй части книги, «Литература и жизни», авторы анализируют такие источники биографических исследований, как мемуары, сплетни, литературные произведения. В статье «Секреты и ложь: Жизнь Эдмунда Спенсера» Э. Хедфилд, профессор университета Сассекса (Великобритания), пишет, что о жизни Э. Спенсера осталось мало прямых документальных свидетельств, есть только опосредованная информация. Например, письма, написанные им во время работы на гражданской службе в Ирландии, различные официальные документы и издания. Известно также когда и где Э. Спенсер пошел в школу, а потом в университет, как звали его жену и детей, немного известно о его собственности, о судебных процессах, в которых он принимал участие. Известно где, но неизвестно как он умер. Мы практически ничего не знаем о его родителях и жизни в семье, о взаимоотношениях поэта с его друзьями, покровителями и социальным окружением. Более того, до наших дней не дошли письма или рукописи, написанные его рукой, за исключением юридических документов и секретарских бумаг.

Э. Хедфилд предлагает прочитать произведения Э. Спенсера и сопутствующие им тексты (вступления, опубликованные письма, посвящения и комментарии) как биографические источники. Он уверен, что поэт сознательно описывал свою жизнь в сочинениях и намеревался использовать прессу, чтобы представить себя читающей публике.

Анализ текстов показывает, что вначале Э. Спенсер – «нахальный и самоуверенный юноша, с удовольствием информировавший всех, что он – будущее английской поэзии. С возрастом он предстает одиноким и ожесточенным человеком, по-прежнему уверяющим читателя, что он должен был быть будущим английской поэзии» (с. 66). В произведениях поэт описывал себя то как

политического мудреца («Letter to Raleigh»), то как счастливого мужа и любовника («Amoretti»).

В статье профессора Т. Корнса (Бангорский университет, Великобритания) «Молодой Джон Мильтон» анализируются несколько исследований жизни поэта, вышедших в XVII в. Эти жизнеописания рассказывают о Дж. Мильтоне, немного о его отце и детстве. Авторы по-разному относятся к своему герою, но обязательно упоминают некоторые моменты его личной жизни: скандальный брак 34-летнего Мильтона с 17-летней девушкой и скорый развод с ней; отставку из Кембриджа из-за гомосексуальной связи (слух, инспирированный роялистами, подчеркивает Т. Корнс); занятия поэтом проституцией во время путешествия по Италии (опять-таки по слухам); отношения ослепшего Дж. Мильтона с друзьями и окружением.

В этих источниках есть уникальная информация, например, о друзьях Дж. Мильтона или о круге помощников, сформировавшимся вокруг ослепшего поэта. Но, продолжает Т. Корнс, если рассматривать их как источники, то заметно, что авторы недостаточно хорошо знакомы с его творчеством, в их работах отсутствуют попытки критического анализа. Хотя, признает он, в то время критический анализ был еще недостаточно развит.

Совершенно иной источник биографических сведений рассматривается Г. Лавом, профессором Университета Монаш (Австралия). Речь идет о слухах и сплетнях как факторе формирования общественного мнения. В XVII в. сплетня была неотъемлемой частью новостей, циркулировавших по стране. Первым вопросом, который задавали встречному на дороге или приезжему в городе или деревне был: «Что новенького?». Важную роль в распространении новостей играл определенный сорт путешественников: профессиональные курьеры, бродячие торговцы, коробейники, разносчики, бродяги или бедные женщины, ходившие от города к городу. В Лондоне информацию и слухи о делах в стране и за рубежом разносили зрители театров и лодочники на Темзе. «Центрами новостей в стране были ярмарки, рынки, гостиницы, особенно расположенные на оживленных дорогах, церкви и тайные религиозные собрания нонконформистов в дни проповедей» (с. 92). Хотя слухи были частью новостной информации, индивид становился объектом сплетни в том случае, если его поведение отличалось от общепринятых норм.

Переходя непосредственно к роли сплетни в биографии, Г. Лав отмечает, что в нравоучительных жизнеописаниях XVII в. обстоятельства частной жизни не принимались во внимание, а в биографиях XVIII в. сплетня обретает свое место. Например,

Дж. Свифт был героем целой серии биографий главным образом из-за хорошо сохранившегося обширного эпистолярного наследия, включая «Дневник для Стеллы». К тому же потенциальные читатели интересовались им как частным лицом и подробностями его частной жизни. В случае с Дж. Свифтом, пишет Г. Лав, печатные источники и корреспонденция использовались для поиска ответов на вопросы, основанных на сплетнях об отношениях писателя с двумя любимыми женщинами. Кстати, подчеркивает в заключение автор, современных читателей тоже интересуют сплетни в биографии.

Статья С. Цвикера «Размышление об античности: Драйден и применение биографии» рассказывает о Д. Драйдене (1631–1700) – теоретике биографического жанра, поэте и драматурге, авторе более 20 пьес, множества од, элегий, сатир, работ по литературной истории, биографий Полибия, Плутарха, Лукиана, небольших очерков о жизни Овидия, Горация, Ювенала и Вергилия.

Д. Драйден повествовал не только о политических и литературных взглядах тех, о ком он писал, но и высказывал свои собственные суждения. Он старался связать биографии людей античности с реалиями современной ему жизни, уделяя внимание сложным отношениям между автором, обществом и политикой, пишет С. Цвикер. «Драйден знал, что биография при помощи аллюзий и косвенных намеков может дать читателю повод к размышлениям над настоящим, а биографу предоставить возможность открыть себя в изображениях прошлого» (с. 115).

Следующий раздел книги «Нарисованные жизни» состоит из двух биографических материалов, основным источником для которых стали произведения живописи. В статье «Ничто, но иллюзия? Бекингом рисует себя» А. Беллани, адъюнкт-профессор Университета Ратгерса (США) на примере портретной живописи реконструирует то, как герцог Бекингом создавал свой образ.

А. Беллани объясняет свой выбор тем, что жизнь герцога отмечена множеством политизированных перформансов различных сторон его «Я», предназначенных для разной аудитории, в том числе и для него самого. Портретная живопись была основным средством для подобных представлений и формирования образов герцогского «Я». Портреты Бекингема, пишет А. Беллани, отображали происхождение и легитимность его политической власти, помогали укрепить политический и социальный авторитет человека, не обладавшего наследственным аристократизмом. «Эти зрительные образы были вписаны в политический контекст, соответствуя меняющимся обстоятельствам, соперничеству и борьбе придвор-

ных групп и, более широко, политической культуре общественных споров и инакомыслия, в которой образы Бекингема играли ключевую роль» (с. 130). Изображения герцога выполняли определенную функцию, иногда скрытую, в борьбе с его противниками, тайно распространявшими клеветнические трактаты и стихи.

Далее автор анализирует несколько портретов герцога Бекингема, написанных П. Рубенсом, А. Ван Дейком, Г. Ван Хонтхорстом, отображающих его разные образы: военачальника, военного героя, мужа и отца. А. Беллани обращает внимание на разницу стилей и манер письма и раскрывает заложенный в них аллегорический смысл. На одной из картин П. Рубенса Бекингем изображен как изысканный рыцарь, способный усидеть на вставшей на дыбы лошади, в данном случае олицетворяющей непокорных людей и необузданные страсти. Так художник подчеркивает аристократизм героя, его способность владеть своим телом и волей, своими страстями. Вместе с тем умение владеть собой дает Бекингеми право и моральный авторитет управлять другими, пишет А. Беллани. На других полотнах П. Рубенс выделил иные аспекты: герцог изображен как конный командир, слуга своего короля, придворный, аристократ.

На семейном портрете кисти Г. Ван Хонтхорста Бекингем предстает не только государственным деятелем, но и мужем и отцом. «Поразительно, как детская игривость уравновешена спокойной и элегантною позой Бекингема-отца, изображенного в частном / интимном и общественном / официальном стиле – на его плечах мантия с эмблемой ордена Подвязки – символ рыцарского служения Бекингема короне, в правой руке он держит письмо, показывающее другую сторону его общественного служения – королевского советника. Он сидит в спокойной, но строгой позе – аристократа и военного...» (с. 151–152).

В то же время по стране ходили нелегальные брошюры и стихотворные пасквили, тиражировавшие крайне отрицательный образ герцога. В них Бекингем предстал не героем и государственным деятелем, а порочной личностью. В одной из поэм его живописали как «ревнивого и похотливого тирана, жестокого, буйного, мстительного, амбициозного и кровожадного; главу ведьм и сомнительных клириков, сына папистской ведьмы» (с. 155).

Возвращаясь к отношениям между традиционными биографиями и представлениями о личности, А. Беллани, ссылаясь на недавние исторические исследования, подчеркивает, что герцог Бекингем в какой-то степени оказался заложником своих изображений, своего образа. После унижительного поражения на острове

Ре он фактически был вынужден продолжать военный конфликт с Францией не ради того, чтобы наказать гугенотов, а потому что его подталкивал к этому «пиар», созданный им самим образ, включает А. Беллани.

Дж. Александер, помощник директора по выставкам и публикациям Йельского Центра британского искусства (США) в статье «Нарисованная жизнь: Случай с Барбарой Вильерс, герцогиней Кливлендской» анализирует портреты Барбары Вильерс (1641–1709) – одной из примечательных личностей эпохи Реставрации, влиятельной фаворитки английского короля Карла II. Свой выбор субъекта исследования Дж. Александер объясняет тем, что герцогиня Кливлендская была женщиной наиболее часто представленной на портретах первой половины периода Реставрации (1660-е годы), важно также и то, что большинство ее портретов были созданы придворным художником сэром Питером Лели.

Портреты Барбары Вильерс отражают специфические отношения художник-натурщица, их артистические, политические и персональные амбиции. Взятые в комплексе они представляют собой, с одной стороны, свидетельства о стремлениях П. Лели заявить о себе как о художнике, которому доверено рисовать одну из самых красивых и влиятельных женщин королевского двора, которая к тому же покровительствовала ему. С другой стороны, герцогиня, преследуя свои цели, создавала образ, утверждая себя как подлинная супруга короля, пишет Дж. Александер.

Автор подробно разбирает, как при помощи живописных и композиционных приемов фиксировались изменения образа и представлений о Б. Вильерс. Первый портрет, написанный П. Лели, подтверждает взаимоотношения между королем Карлом II и его фавориткой, а также ее попытки предстать публичной персоной. Поводом для написания этого портрета стало дарование Барбаре Вильерс титула графини Кастлмен, что повышало ее статус при королевском дворе.

Устойчивая и длительная связь с королем, рождение от него детей, укрепление положения герцогини при дворе и рост ее влияния сказались на характере ее последующих изображений, среди которых есть прямые аллюзии на образ Богородицы с младенцем. Вместе с тем не все в обществе и при дворе положительно воспринимали эту связь. Многочисленные пасквилы комментировали и расписывали смачные подробности частной жизни графини и ее сексуальных утех. Поэтому, полагает Дж. Александер, портреты, на которых она предстает в виде мифологической или историчес-

кой фигуры (кающаяся Магдалина, Мадонна), – это попытки герцогини и живописца создать ее позитивный облик. Или, иными словами, это инструмент сознательного формирования и презентации образа. Дж. Александер отмечает, что она не ставила задачу написать биографию реальной герцогини Кливлендской или ее образа, интерпретируя портреты. Скорее она пыталась показать, что сам позирующий / субъект может рассматриваться как активный участник в конструировании и манипулировании своим образом, воспринимаемым современниками как многоликий и разнообразный.

В четвертой части книги «Источники и монархи» пересматриваются такие биографические источники, как частные документы и литературные произведения, созданные английскими королями и королевами. П. Кевс, преподаватель английской литературы Оксфордского университета (Великобритания) в материале «Две королевы, один итог: Жизни Марии и Елизаветы Тюдор», используя источники XVI в., показывает, каким образом и при помощи каких риторических приемов боролись друг с другом протестантские и католические авторы, сторонники Елизаветы Тюдор и королевы Марии. Католики и протестанты активно использовали библейские сравнения, превознося свою королеву (Елизавету или Марию) или проклиная ее оппонента. Елизавета прославлялась как богоспасаемый монарх, ее спасение от преследований со стороны Марии и обретение трона было доказательством воли Бога и знаком его заботы о своих людях, т.е. протестантах. Ее сравнивали с такими библейскими персонажами, как Дебора, Юдифь и даже Давид. Королева Мария представляла тираном, сродни Иезавели, Калигуле или Нерону. Стремление авторов уподобить молодую Елизавету библейским персонажам – это далеко идущая сознательная попытка по-своему преобразовать, опровергнуть, уравновесить восхваления католички Марии Тюдор, пишет автор.

Жизнь и деяния королевы Марии прославлялась в проповедях священников и парламентских речах, панегириках и религиозной полемике, политических памфлетах и письменных историях, частных письмах, песнях, балладах, пьесах. Некоторые истории передавались устно, другие – в рукописном или печатном виде, в стране и за ее пределами. «Однако разнообразие их непосредственных целей полностью сводится к общему знаменателю, все они изображают Марию как полновластную королеву, которой небеса даровали свое расположение» (с. 196). Сторонники превозносили образованность Марии, ее благочестие, героическое противостояние ударам судьбы. П. Кевс подчеркивает, что сторонники Марии,

так же как и защитники Елизаветы, описывали свою королеву так, будто она становилась святой, в муках обретая корону.

Л. Маркус, профессор Университета Вандербилта (США) в статье «Елизавета об Елизавете: Непроверенные эпизоды сверхпроверенной жизни» обращается к рукописному наследию королевы Елизаветы I, чтобы пересмотреть некоторые эпизоды ее жизни. Хотя о Елизавете написано множество исследований, мало кто из авторов использовал ее рукописи как источник биографических и исторических сведений. А ведь Елизавета была писателем, автором поэм, религиозных текстов, публичных выступлений и речей. В 15 лет она перевела известнейшее произведение Маргариты Наваррской «Гептамерон».

Л. Маркус анализирует следующие источники: частные письма Елизаветы к Екатерине Парр¹ и ее последнему мужу лорду-адмиралу Томасу Сеймуру; опубликованные молитвенные тексты, например молитву, сочиненную Елизаветой по случаю ее избавления от тяжелой болезни; парламентские речи, небольшую поэму, написанную в честь победы над Армадой в 1588 г. В этой поэме сочетается радость монарха, одержавшего выдающуюся военно-морскую победу и печаль женщины, утратившей близкого друга (речь идет о внезапной смерти графа Лестера, бывшего ее фаворитом). Пережив глубокий кризис после его смерти, королева пришла к выводу, что граф стал жертвой, принесенной Богу за эту победу. Потеряв его, она пожертвовала своим личным счастьем ради нации. В этом произведении ясно проявилось соединение личного и общественного в жизни королевы: «Она почтила память свой личной потери, упоминая ее в публичном стихотворении благодарности и возвышенной похвалы (Богу. – *Прим. реф.*)» (с. 230).

К. Шарп в статье «В любом случае это чья-то жизнь? Написание жизней монархов раннего Нового времени и “Жизнь” Якова II» подчеркивает, что предмет биографии – жизнь, а способы ее описания менялись с течением времени. К. Шарп предлагает взять в качестве источников тексты, которые обычно игнорируются традиционными биографами: созданные королями и королевами библейские комментарии, переводы, песни и поэмы, письма и тексты их выступлений и заново прочесть их. Ведь жизнь монарха не прекращается с его смертью, он продолжает жить дальше во множестве текстов, памятников и воспоминаний, которые возрождают под-

¹ Екатерина Парр – королева, шестая и последняя жена Генриха VIII. – *Прим. реф.*

робности царствования и власти. Критическое прочтение различного рода текстов, имеющих отношение к королям, по мнению К. Шарпа, может помочь написать принципиально новые биографии Тюдоров и Стюартов, а возможно, и новую историю Англии.

Свои теоретические предложения К. Шарп иллюстрирует на примере литературного творчества короля Якова II. Король оставил богатое рукописное наследство: письма, речи, молитвы, наставления сыну, девять томов мемуаров. Яков II заботился о том, как его воспринимают современники и будут оценивать потомки. Используя разные средства и жанры своего времени, он заботился, говоря современным языком, о своем имидже личности, короля, Стюарта. С другой стороны, его жизнь и история в основном была написана его врагами, подчеркивает К. Шарп.

К. Шарп исследует военные мемуары Якова II, которые король писал на протяжении ряда лет, даже после того как утратил трон. Это – текст, написанный солдатом, принцем, сыном короля. Яков II характеризует себя «как великого воина и добродетельного принца» (с. 248). Он пишет о своих обязанностях избранного Богом короля перед страной; благодарит Бога за реставрацию династии Стюартов и защиту, за унаследование титула; молится, чтобы его сын стал достойным преемником (с. 247, 248). Король не забывает, что он католик, благочестивый христианин, вооруженный добродетелью, жизненным опытом и благочестием для царствования, которое Бог даровал Стюартам (с. 251).

Яков II как никто другой из монархов представил свою жизнь в виде текстов, по которым мы можем восстановить события его жизни, понять человека и монарха и больше узнать о полемике между тори и вигами, заключает К. Шарп.

Пятую часть книги «Духовные личности» открывает статья А. Паттерсона, почетного профессора Йельского университета (США) «Душа этой девушки настроена против Кальвина: Прочитать жизнь, выслушать голоса», рассказывающая о жизни и биографии Элизабет Кери, Леди Фолкланд (1585–1639).

Элизабет Кери была одной из выдающихся женщин своего времени, аристократка и новообращенная католичка, признанный в Европе ученый и лингвист. Одна из ее дочерей, ставшая монахиней-бенедиктинкой, написала биографию матери, выдержанную в католическом духе. Дочь не была свидетелем многих событий необычной жизни своей матери, поэтому она использовала устные рассказы Э. Кери. Устная автобиография в качестве источника, вещь довольно специфическая, отмечает А. Паттерсон.

Дочь представила свою мать как ученого, писателя, переводчица и поэта. Она описала ее конфликты с окружающими, вызванные независимой личной позицией и верой. После ее публичного признания об обращении в католицизм отец лишил Элизабет наследства, а муж покинул ее. Э. Кери перенесла не только материальные и семейные трудности, но и религиозные преследования. В 1630 г. она перевела полемику кардинала Перрона и Якова I, но по приказу церковных властей книга была запрещена, и часть копий сожгли. Но даже после этого Э. Кери описала жизни нескольких католических женщин-святых, причем часть из них – в стихах.

В биографии Э. Кери ее дочь подчеркнула драматичность реальной жизни, конфликт между ролью матери и жены и стремлением к интеллектуальной деятельности, противоборство между католиками и протестантами.

Материал Ф. Харрис, заведующей Отделом исторических рукописей Нового времени Британской библиотеки (Великобритания) озаглавлен «Алхимия и чудовищная любовь: Сэр Роберт Морей и репрезентации жизни раннего Нового времени». Он представляет читателю то, что автор назвала эмоциональной биографией, и показывает роль «метафизики любви» в жизни сэра Роберта Морейя – солдата, роялистского агента, философа-герменевтика, франкмасона, придворного в период Реставрации, одного из основателей Лондонского Королевского общества развития знаний о природе, ведущего политического деятеля постреставрационного правительства Шотландии.

Р. Морей женился в 1650 г. на леди Софии Линдсей, но она умерла родами. Больше он никогда не женился, но через несколько лет у него возникла дружба с леди Маргарет Кеннеди. Ее отец был одним из самых убежденных пресвитериан своего времени, а дочь разделяла его убеждения. Леди Кеннеди была высокообразованной женщиной, начитанной, прекрасно владела несколькими языками, хорошо знала историю и разбиралась в политических сложностях своего времени. В письмах к друзьям леди Кеннеди и Р. Морей называли друг друга мужем и женой, подчеркивали неземной, религиозный и даже сакральный характер своих отношений.

Несколько позже подобная серафическая любовь возникла у Р. Морейя с его родственницей по линии жены, Софией Балкарес, что вызвало негодование общества. Юная девушка переехала вместе с немолодым мужчиной из Шотландии в Лондон и помогала ему в лабораторных опытах. Р. Морей был членом правительства Шотландии, естественно, шотландцы хотели, чтобы он вернулся к ис-

полнению своих прямых обязанностей, но король интересовался его химическими и алхимическими опытами и не принуждал своего фаворита вернуться на родину.

Но какие отношения связывали С. Балкарес и Р. Морейя? По мнению Ф. Харрис, следует учесть их алхимические занятия. Некоторые опыты должны проводиться близкими, возможно, даже интимно близкими людьми, во всяком случае единомышленниками. Вероятно, пожилого ученого и молодую девушку связывали научные интересы и духовное сотрудничество. Возможно, для них обоих «опыт трансцендентальной человеческой любви был фактором для трансмутации ятрохимической¹ медицины или металлургических экспериментов в область герменевтической философии» (с. 289).

П. Лейк, профессор истории Принстонского университета (США), в статье «Прочтение “Жизнеописаний” С. Кларка в политическом и полемическом контекстах» анализирует религиозные антологии, составленные Самюэлем Кларком как биографические и исторические источники.

Несколько поколений историков использовали «Жизнеописания» С. Кларка как источник по истории пуританства и биографических сведений о пуританах. Но никто из них не пытался рассмотреть политические условия и полемическую обстановку во время их создания. П. Лейк намечает возможные направления подобного исследования. Во-первых, следует определиться с жанром «Жизнеописаний». Вероятно, это часть более масштабных проектов – мартирологов, или церковной истории. Эти жизнеописания задумывались таким образом, чтобы их прочитали как «нарратив, протянувшейся через всю историю церкви, от Ветхого завета или ранних церквей до времени их создания» (с. 293). Во-вторых, следует учитывать политическую и религиозную ситуацию в годы создания этих произведений.

П. Лейк подчеркивает, что С. Кларк не писал, а собирал, систематизировал, публиковал религиозные жизнеописания, созданные другими людьми. Различные жизнеописания сводились воедино в зависимости от обстоятельств и оформлялись разными

¹ Ятрохимия (иатрохимия) – направление в медицине XVI–XVIII вв., представители которого рассматривали процессы, происходящие в организме как химические явления, а болезни – как результат нарушения химического равновесия и ставили задачу поиска химических средств их лечения. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/342146>. Дата посещения 20.11.2010.

дополнительными материалами: назидательными посланиями, выступлениями и письмами к читателям.

П. Лейк описывает и анализирует одну из версий текстов, приложенных к «A general martyrology». В этой компиляции перечислены ужасы религиозных войн во Франции, мятежа в Голландии, Тридцатилетней войны и особенно Ирландского восстания 1642 г., которое С. Кларк рассматривал не как мятеж, а как еще одно преследование протестантов со стороны католиков. «Целью этого нарратива было охарактеризовать истинную церковь через гонения на нее» (с. 294). В этом списке гонителями был дьявол, Антихрист, сторонники Папы.

Но помимо истории гонений С. Кларк намеревался разработать особую версию пуританской традиции: умеренную, научную, respectable, пресвитерианскую, пишет П. Лейк. В 1651 и в 1652 г. С. Кларк опубликовал два мартиролога. Первый описывал преследования протестантских церквей в разных странах, второй – гонения в Англии. Оба издания сопровождалось описанием жизней протестантских святых. Причем в разных изданиях, в связи с изменениями пуританской традиции, которую формировал С. Кларк, менялся и набор святых, подчеркивает П. Лейк. Эти и другие издания С. Кларка и его последователей дают представления о жизни пуритан и пуританизма в целом.

А. Уолкден, адъюнкт-профессор Городского университета Нью-Йорка (США), в статье «Слуга и грабитель могил: “Жизнеописания” Уолтона в Англии времен Реставрации» рассказывает о работах сэра Айзека (Исаака) Уолтона: биографиях поэта и настоятеля собора Святого Петра – Джона Донна, дипломата и ректора Итона Г. Уоттона, апологета королевы Елизаветы Р. Хукера, якобитского министра и поэта Дж. Герберта, епископа Р. Сандерсона.

По мнению А. Уолкден, произведения А. Уолтона «демонстрируют не только вклад биографических нарративов в общественный дискурс Реставрации, но и тот факт, что они бросали вызов современным им историографическим традициям и политическим реалиям» (с. 320).

Наиболее показательной А. Уолкден считает биографию англиканского епископа и министра Роберта Сандерсона, опубликованную в 1678 г. А. Уолтон и Р. Сандерсон были друзьями, их также связывало то, что они оба были изоляционистами, хотели оставаться в покое в провинции, но в этом им обоим постоянно мешали. Кстати, подчеркивает А. Уолкден, ни сам Уолтон, ни его герой не хотели писать биографию.

Рассказывая о жизни друга, А. Уолтон использовал метод диалога двух голосов, молодого человека, лично наблюдавшего ужасы времен Реставрации, и пожилого человека, вспоминающего их. При помощи этой нарративной техники, пишет А. Уолкен, А. Уолтон показывает связь между религиозной ситуацией в стране в 1650–1670-е годы. А. Уолкен называет эту биографию «тщательно взвешенной попыткой разбудить национальную историческую память...» (с. 327).

Завершается реферируемый сборник материалом «Биография, беллетристика и возникновение “идентичности” в Британии XVIII в.» М. МакКеона, профессора, члена совета управляющих Университета Ратгерса (США). Он рассматривает жанровые изменения биографии XVIII в. на примере литературных произведений.

В начале Нового времени жизнеописания были наполнены конкретными назидательными примерами, подтверждающими абстрактные принципы, пишет М. МакКеон. Подобная риторика была убедительной, поскольку примеры брались из жизни выдающихся мужчин и женщин. В конце XVII – начале XVIII в. биографическая назидательность претерпела существенные изменения. Ее фокус сдвинулся от великих, героических людей к знаменитостям или обыкновенным людям, возник интерес к частному и приватному.

Появился новый литературный жанр, повлиявший на характер биографических писаний. Речь идет о романах, главными действующими лицами, героями которых являются простые люди. Д. Дефо, Дж. Свифт, С. Ричардсон утверждали, что их произведения исторические, ведь в них рассказывается о событиях, якобы действительно случившихся, и рассказ ведется от первого или третьего лица, что ассоциируется с биографическим или автобиографическим жанром. «Как говорилось в заглавии этих книг, они рассказывали о частной жизни простого человека и утверждали, что она может быть нравоучительной» (с. 344–345). К тому же в то время изменились границы частного и общественного. То, что раньше было частным, личным, интимным, теперь стало общественным, открытым, публичным. Постепенно к концу XVII в. биография отходит от примеров социального или политического величия и обращается к обыденному и простым людям. Именно их судьбы стали предметом и биографий и романов. Именно простым человеком стали интересоваться читатели. В результате происходит постепенное оформление биографии как привычного нам сегодня жанра.

Ю.В. Дунаева

АДМИРАЛ ЛОРД НЕЛЬСОН: КОНТЕКСТ И НАСЛЕДИЕ

Admiral Lord Nelson: Context and legacy / Ed. by D. Cannadine. – Basingstoke; N. Y.: Palgrave Macmillan, 2005. – XIV, 201 p.: ill.

(Реферат)

Адмирал Горацио Нельсон (1758–1805), безусловно, один из наиболее почитаемых персонажей британской истории. По результатам опроса, организованного Би-би-си в 2002 г., он оказался единственным военным в первой десятке «великих британцев» (с. 1), а 200-летие Трафальгарской битвы в 2005 г. отмечалось с ничуть не меньшим размахом, нежели ее столетний юбилей в 1905 г. Нельсону посвящено бесчисленное множество биографических исследований. Сборник задумывался как попытка собрать воедино накопленный учеными материал, характеризующий различные аспекты биографии адмирала. Редактор сборника Дэвид Кэнедейн (Институт исторических исследований Лондонского университета) отмечает во введении, что в научной литературе и массовом сознании к настоящему времени сосуществуют уже довольно много «Нельсонов», и это делает по-настоящему комплексный анализ феномена Нельсона особенно актуальным и необходимым (с. 1–2). Основой для сборника послужили лекции, прочитанные в октябре 2004 г. в Лондонском университете.

Книга состоит из двух частей: «Контекст» и «Наследие». Первая часть открывается работой Никласа А. М. Роджера (Экстерский университет, Великобритания) «Нельсон и британский флот: Мореплавание, лидерство, оригинальность». Описывая вкратце карьеру Нельсона, автор отмечает, что многие стороны его биографии были вполне типичными для того времени. Сын сельского священника, он происходил «из того самого широкого слоя от мелких джентри до средних классов, который дал Королевскому флоту так много офицеров» (с. 7). Подобно многим своим сверст-

никам, Нельсон окончил школу в 12 или 13 лет; в этом отношении его поколение уже отличалось от предшествующего (ранее многие адмиралы были неграмотными). Как и многим другим морским офицерам, Нельсону на первых этапах его карьеры помогла хорошая протекция. В 38 лет (1797) он уже стал адмиралом, что, впрочем, по тем временам тоже не было чем-то экстраординарным.

Любопытно, что искусством мореплавания Нельсон, по некоторым данным, владел заметно хуже, чем полагалось по стандартам его времени; при преследовании французского флота в 1798 г. это едва не привело к серьезным неприятностям, но допущенные промахи компенсировала блестящая победа над французами в битве на Ниле 1 августа того же года. Из-за пробелов в образовании он оказался не только плохим дипломатом (в конце 1798 г. результатом его внешнеполитических просчетов стал захват Неаполя французами), но и посредственным стратегом. Это особенно отчетливо проявилось в 1799 г., когда Нельсон, вопреки приказам вышестоящего командования и не без влияния эвакуированного в Сицилию неаполитанского двора, несколько раз отказывался выходить со своей эскадрой на соединение с главными силами флота, хотя с точки зрения обстановки на Средиземном море в целом его решение было крайне неразумным, поскольку французы получали возможность разбить английский флот по частям. Летом 1800 г. Нельсон был отозван в Англию и до мая 1801 г. оставался на вторых ролях. Восстановить доверие Адмиралтейства ему удалось только после успешных действий при Копенгагене 1 апреля 1801 г.

В определенном смысле Нельсону повезло вовремя родиться: именно на его поколение в последней четверти XVIII – начале XIX в. пришлось американская Война за независимость и войны с революционной Францией. Это дало ему возможность состояться как флотоводцу и проявить свои незаурядные способности, которые позволили ему успешно продвигаться по службе, несмотря на отдельные ошибки и неудачи. Нельсон отличался отчаянной храбростью, не боялся лично участвовать в abordaже, а дисциплину и высокий боевой дух на своих кораблях старался поддерживать не административными средствами, а личным примером. Он отличался исключительным вниманием к нуждам своих подчиненных, что поддерживало высокую боеспособность экипажей даже в тех случаях, когда его эскадра вынуждена была в течение многих месяцев непрерывно находиться в море, как это было, например в 1803–1805 гг. Наконец, с самого начала своей службы на флоте он зарекомендовал себя как инициативный командир и блестящий

тактик, умеющий принимать нестандартные решения, в наибольшей степени отвечавшие обстановке и часто неожиданные для противника. Легкость и доступность в общении позволяли ему легко достигать единства взглядов среди подчиненных, что давало ему возможность добиваться успеха даже в исключительно сложной обстановке. Показательно, что Трафальгарское сражение 21 октября 1805 г. было выиграно англичанами фактически при отсутствии единого командования: Нельсон был смертельно ранен уже около 13:15 (умер в 16:30), тогда как бой, начавшийся в полдень, продолжался до пяти вечера.

Статья Мартина Доунера (Великобритания) «Нельсон и его «братья по оружию»: Дружба, масонство, братство» посвящена дружбе Нельсона с его агентом, крупным английским предпринимателем Александром Дэвисоном (1750–1829). На примере их отношений М. Доунер рассматривает представления адмирала о ценностях дружбы, о дружеском круге как о братстве равных. Известно, что командиров кораблей, принимавших участие в битве на Ниле, Нельсон называл своими «братьями по оружию» (Band of Brothers). Эта явная отсылка к Шекспиру («Генрих V», акт IV, сцена 3), по-видимому, была выбрана им неслучайно и действительно отражала ценностные установки адмирала, а также ту модель отношений, которую он старался выстраивать со своими ближайшими друзьями и сослуживцами. На формирование этих взглядов могли оказать свое влияние и масонские ценности равенства и братства. Хотя принадлежность самого Нельсона к масонству документально не подтверждается, известно, что масонскими идеями он интересовался. Масоном был и А. Дэвисон. Описывая историю их дружбы, М. Доунер особо отмечает исключительную преданность А. Дэвисона Нельсону.

Кэтлин Вильсон (Университет штата Нью-Йорк в Стоуни-Брук) в статье «Нельсон и народ» анализирует прижизненный образ адмирала в массовом сознании и его культурный контекст. Автор подробно прослеживает формирование культа Нельсона в конце 1790-х годов, разбирает высказывания о нем его поклонников и недоброжелателей, а также его портреты разных лет – прижизненные и первые посмертные – как визуализацию его образа в соответствии с определенными культурными кодами. Как показано в статье, культ Нельсона во многом стал продолжением традиций XVIII в., с характерным для них особым понятием о мужественности, маскулинности, культом грубой силы и жестокости по отношению к врагу, восторженным почитанием героев войн и весьма

болезненным переживанием собственных военных неудач, бросавших тень, по представлениям тех лет, на «мужские качества» британской нации. В то же время именно Нельсон в немалой степени способствовал начавшемуся преодолению этих стереотипов, став своеобразным символом наступающей модерности с ее новыми ценностями и представлениями о личности и ее месте в обществе. Широкою известность получила его инициативность, наиболее яркими проявлениями которой стали его самовольный маневр в сражении у мыса Сен-Винсент в 1797 г., имевший решающее значение для разгрома испанского флота, и особенно его поведение при Копенгагене в 1801 г., когда он проигнорировал сигнал командующего эскадрой Х. Паркера о выходе из боя, демонстративно приложив подзорную трубу к слепому глазу. Нельсоновский стиль командования, основанный на сотрудничестве с подчиненными и допускавший такого рода инициативу, шел вразрез с порядками XVIII в. с их жесткой иерархией и, как правило, сопровождавшимися довольно пренебрежительным отношением командира к своим подчиненным. Став национальным героем, Нельсон тем не менее уже мог позволить себе не скрывать свою любовную связь с леди Э. Гамильтон, что было трудно представимо в предшествующий период и вызывало осуждение даже среди его друзей. Реалистическое изображение адмирала – не отличавшегося богатырским сложением и к тому же искалеченного в боях – на некоторых портретах тоже можно рассматривать как отступление от традиций XVIII в. с их упрощенными представлениями о мужественности.

Завершает первую часть статья Кейт Вильямс (Великобритания) «Нельсон и женщины», посвященная эволюции образа адмирала в произведениях массовой культуры конца XVIII – второй половины XX в., предназначенных для женщин. Автор исходит из того, что производители такого рода продукции всегда очень чутко реагируют на настроения своих потенциальных покупателей, так что их произведения составляют довольно ценный исторический источник, по которому можно реконструировать эти настроения. В первом разделе статьи речь идет в основном о разнообразных сувенирах и предметах роскоши, связанных с Нельсоном; во втором разделе автор анализирует его образ в женских романах, написанных в начале XIX в.; в третьем разделе рассматривается репрезентация адмирала в культуре XIX и XX в. В произведениях конца XVIII – начала XIX в. образ Нельсона был сильно романтизирован и эротизирован. К. Вильямс связывает это с тем, что читательницы женских романов в тот период испытывали двойственную потреб-

ность в герое, образ которого создавал бы у них чувство защищенности и в то же время ощущение того, что в них нуждаются. Кроме того, многим писательницам и читательницам того времени импортировал образ флотоводца, преданного своей возлюбленной леди Гамильтон и таким образом придающего своей личной жизни не меньшее значение, нежели службе. Ситуация стала меняться уже в 1810-е годы. Отношение в обществе к леди Гамильтон резко ухудшилось после публикации в 1814 г. адресованных ей интимных писем адмирала (по ее собственным утверждениям, украденных у нее), а читатели викторианской эпохи предпочитали Нельсону фельдмаршала А.У. Веллингтона, героя Ватерлоо, как человека, ценившего, по их представлениям, свой долг превыше всего, в том числе и превыше личной жизни. Во второй половине XX в. Нельсон практически исчезает из женской массовой культуры. По мнению К. Вильямс, это было связано с развитием феминизма и изменением отношения в обществе к войне. «Похоже, – заключает автор, – Нельсон был героем для предшествующей эпохи» (с. 85).

Вторая часть книги начинается со статьи Колина Уайта (Королевский военно-морской музей, Портсмут) «Нельсон обожевленный: Создание легенды о Нельсоне». Автор подробно рассматривает формирование официального образа Нельсона и его закрепление в массовом сознании с помощью авторитетных документально-биографических публикаций, многочисленных памятников, а также описаний ежегодных официальных торжеств в годовщину Трафальгарской битвы – в Лондоне на Трафальгарской площади и в Портсмуте на линкоре «Виктория», флагмане Нельсона. К. Уайт, в частности, дает подробную источниковедческую характеристику наиболее известным документально-биографическим публикациям, посвященным Нельсону: двухтомной «Жизни адмирала лорда Нельсона»¹ и семитомному сборнику «Донесения и письма лорда Нельсона», изданному Н.Х. Николасом². В статье также описывается участие самого Нельсона в создании будущей легенды о себе.

Хольгер Хук (Великобритания) в своей статье «Нельсон погребенный» описывает историю пантеона героев прошлого, созданного в первой половине XIX в. в лондонском соборе Св. Павла, и место в нем могилы Нельсона. Хоронить национальных героев

¹ Clarke J.S., Mr Arthur J. The life of the Admiral Lord Nelson: In 2 vol. – L., 1809.

² Nicolas N.H. The dispatches and letters of Lord Nelson. – L., 1844–1846. – Vol. 1–7.

в соборе начали после того, как в Вестминстерском аббатстве не осталось свободного места для могил, однако, в отличие от последнего, захоронения в соборе осуществлялись в заранее продуманном порядке, на государственные деньги. С самого начала ставилась цель создать пантеон, который прославлял бы наиболее достойных представителей британской нации. В статье показана также эволюция изобразительных традиций, влияние которых проявилось в надгробии Нельсону, созданном Джоном Флэксменом в 1808–1818 гг. Дизайн памятника отражает начавшееся преодоление прежних канонов классицизма: образ адмирала до известной степени идеализирован (увеличенный масштаб, торжественная поза, оба глаза здоровые и т.д.), но в то же время довольно реалистичен (Нельсон одет в морскую форму своей эпохи, без стилизации под античную скульптуру, у него отсутствует правая рука и т.д.).

Статья Джона М. Мак-Кензи (Ланкастерский университет) «Нельсон становится всемирным» посвящена культу адмирала в XIX – начале XX в. за пределами Англии. Нельсон быстро стал символом британского господства на море, а значит, и защиты торговых путей, а также заморских владений Великобритании и проживавших там английских поселенцев. Это обусловило его большую популярность не только собственно в Англии, но и в Шотландии, Ирландии и в колониях; этот культ Нельсона сохранился и на рубеже XIX–XX вв., в том числе и во вновь образованных доминионах. Довольно значительной была популярность Нельсона и за пределами Британской империи. Любопытно, что среди его почитателей был в числе прочих японский адмирал Того, который перед началом Цусимского сражения 27 мая 1905 г. подал со своего флагмана «Микаса» сигнал «Япония ожидает, что каждый исполнит свой долг», повторяющий знаменитый сигнал Нельсона перед началом Трафальгарской битвы (до ее столетнего юбилея тогда оставалось меньше полугода). За пределами Японии после войны с Россией Того также сравнивали с Нельсоном, что подчеркивало образ «Страны восходящего солнца» как нарождающейся новой морской державы.

Завершает сборник статья Джона Б. Хатендорфа (Военно-морской колледж, Ньюпорт, Род-Айленд, США) «Нельсон на плаву: Герой среди военно-морских флотов мира», посвященная отношению к Нельсону военных моряков разных стран в XIX–XX вв. Повышенный интерес к наследию адмирала характерен не только для британского флота и военно-морских сил бывших английских колоний, но и для флотов многих других государств. Автор связывает

это с тем, что Нельсон быстро стал и до сих пор остается для военных моряков символом высочайшего профессионализма и примером для подражания. Кроме того, на протяжении XIX – начала XX в. дополнительный интерес к его наследию был обусловлен тем, что вплоть до 1914 г. в мире не происходило морских войн глобального масштаба, подобных англо-французскому противоборству на рубеже XVIII–XIX вв. Как следствие, военно-морская мысль продолжала обращаться к опыту тех лет даже в эпоху парового флота, поскольку опыта позднейших войн было недостаточно для теоретических разработок и прогнозирования в области морской стратегии. Первый раздел статьи посвящен восприятию Нельсона в американском флоте до конца Гражданской войны. Впоследствии интерес к наследию адмирала в США заметно снизился из-за больших перемен в судостроении и в морском деле. Во втором разделе статьи анализируются посвященные Нельсону работы первых профессиональных историков флота (главным образом американских и немецких), появившиеся в конце XIX в., а в третьем разделе – некоторые работы, вышедшие в XX в.

М.М. Минц

И.Е. Эман

**ГЕРОИ И УЧАСТНИКИ РИСОРДЖИМЕНТО:
ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ (2000–2010)**

(Аналитический обзор)

Историческая биография – это не только биография исторического персонажа. Она представляет собой определенный жанр исторического исследования, когда события истории раскрываются через историческую личность. Современным биографическим исследованиям периода Рисорджименто – борьбы за независимость и единство Италии – как особому разделу (как итальянской, так и отечественной) исторической науки присущ общий вектор развития. Историки исследуют жизнь и деятельность отдельного исторического персонажа, показывая личность во всем ее внутреннем многообразии и в тесной взаимосвязи с эпохой. Ученые ставят и решают (весьма успешно, как это будет показано на конкретных биографических исследованиях) не только общие вопросы «макроистории», но и истории повседневности, микроистории, истории как части жизни людей. При этом современные историки-биографы не в последнюю очередь стремятся и эмоционально воздействовать на читателя, заставить его сопереживать и поэтому в какой-то мере сделать участником исследуемых исторических событий.

После выхода в свет фундаментальной биографии выдающегося итальянского политического мыслителя и революционера Джузеппе Мадзини (1805–1872), написанной известным итальянским историком Ф. Делла Перутой (5), итальянские и российские историки выбирают для исследования более частные, но отнюдь не менее важные вопросы, связанные с пониманием личности Дж. Мадзини и его деятельности.

Удачным примером нового подхода к работе над биографическим исследованием является монография отечественного историка И.Е. Андропова (1), посвященная молодым годам великого генуэзца. Автор останавливается на наименее изученном вопросе – творческом наследии Дж. Мадзини, относящемся к периоду до 1831 г.

Благодаря аккуратной и скрупулезной работе нескольких поколений итальянских историков, отмечает И.Е. Андронов, нам доступно все относящееся к 1827–1830 гг. творческое наследие Джузеппе Мадзини, вплоть до мельчайших фрагментов (1, с. 26). Это прежде всего статьи, опубликованные в трех изданиях – «Indicatore Genovese», «Indicatore Livornese» и «Antologia» (1828–1830). Небольшое число литературно-критических статей существуют также и в русском переводе. Но неожиданно (и в этом большая заслуга автора) документы раскрываются для читателя совершенно по-новому. И.Е. Андронову удалось восстановить генезис основных понятий и категорий политического учения Дж. Мадзини, показать самый ранний этап становления личности выдающегося политического мыслителя, одной из крупнейших фигур в этой области в Европе XIX в. В результате исследования содержания, стиля и языка литературных и журналистских опусов молодого Дж. Мадзини автор приходит к заключению, что переход от литературы и журналистики к политике безусловно закономерен. В эстетических воззрениях Дж. Мадзини превалировало политическое содержание, главное внимание в своих статьях он уделял вопросам национальной общности итальянцев, сущности, генезису, воспитанию у граждан национального элемента сознания. Несомненная одаренность Дж. Мадзини, его таланты, которые дали возможность заниматься литературной критикой, его полемичность являлись, по сути, талантами политическими. На взгляд И.Е. Андропова, в литературной критике Дж. Мадзини было мало собственно литературного. Эта сфера деятельности стала для молодого писателя своеобразным полигоном, на котором оттачивались общественно-политические взгляды, зарождалась терминология будущего учения.

В 1831 г., находясь в Марселе, Дж. Мадзини вступает в карбонарскую венту¹. Однако, отмечает автор, к концу исследуемого периода Дж. Мадзини полностью разочаровывается в возмож-

¹ Вента – структурная организация карбонариев, членов тайной революционной организации, существовавшей в Италии в первой половине XIX в. – *Прим. реф.*

ностях карбонарского движения и осознанно отказывается от идеологии карбонариев. Дж. Мадзини «провозгласил опору на массы, необходимость их воспитания (чего карбонарии не делали), сплочение итальянцев из различных государств Апеннинского полуострова (о чем карбонарии и не задумывались), наконец, открыто заговорил о республике, выдвинул идеи создания городского ополчения, массовой национальной армии, использование не оккультных, а вполне осязаемых национальных символов...» (1, с. 306).

Особо И.Е. Андронов затрагивает вопрос о переломе, который произошел в политическом сознании Дж. Мадзини под влиянием революции 1830 г. во Франции. Автор оспаривает тезис о том, что определяющую роль при выборе пути молодого генуэзца сыграл политический опыт Июльской революции. «Громкое и многократное эхо» революции обеспечило Дж. Мадзини широкую аудиторию и явилось фактором, объясняющим его успех. Именно успех, подчеркивает автор, но не причины и не обстоятельства возникновения учения. «Уникальность Мадзини и его интеллектуального опыта на фоне других молодых генуэзцев его круга – свидетельство особого пути, по которому он сознательно последовал» (1, с. 311).

И.Е. Андронов разделяет точку зрения английского историка Б. Кинга, утверждавшего, что к 1832–1833 гг. Дж. Мадзини уже сформулировал и высказал все элементы своей политической теории. Автор отмечает, что в интеллектуальном развитии Дж. Мадзини после 1831 г. отсутствуют явно вычленяемые этапы. Однако минусы в идеологическом наследии Дж. Мадзини, отмеченные многими историками: отсутствие жесткой логики, определенности в выборе понятийного аппарата, стали, на взгляд И.Е. Андропова, залогом исключительного успеха Дж. Мадзини в области политики, превратились в сильные стороны политического дискурса. «Здесь играли роль другие факторы: исключительная цельность, концентрация усилий на небольшом количестве простых тезисов, слишком натянутые, но броские и понятные обобщения вкупе с моральной чистотой» (1, с. 314).

Джузеппе Мадзини для итальянской историографии является фигурой, традиционно привлекавшей и привлекающей устойчивый интерес историков. Его биография, вышедшая из-под пера Бруно Гатты (4), выделяется из числа работ итальянских историков, посвященных генуэзскому республиканцу. Взяв за основу два интересных источника, известных как итальянским, так и российским специалистам, – «Биографические воспоминания» и письма Джу-

зеппе Мадзини, Б. Гатта дает возможность услышать голос самого Дж. Мадзини, говорящего с читателем со страниц книги. Поэтому хорошо известные факты биографии Дж. Мадзини – литератора, публициста, заговорщика, философа, автора «социальной религии», главы Римской республики 1849 г. – наполняются эмоциональным содержанием, отражая его мечты, надежды и разочарования. Письма Дж. Мадзини в которых он обращается к своей матери, друзьям и политическим собеседникам (Дж. Ламберти, Дж. Э. Бенца, К. Фенцы, Ф. Де Бони и др.), дают возможность современному читателю погрузиться в круг тех реалий, которые были присущи общественной жизни и формировали политическую культуру XIX в. Выбор источников определяет предпочтительное внимание автора к таким эпизодам в биографии Дж. Мадзини, как Савойская экспедиция, Римская республика, миланские события 1853 г.

Над подготовкой Савойской экспедиции – вторжения в Сардинское королевство вооруженного отряда итальянских, немецких, польских и французских эмигрантов – Дж. Мадзини работал летом 1833 г. Одновременно предполагалось поднять восстание в Генуе. Дж. Мадзини организовал закупку оружия и его контрабандную переправку в Италию, призвал богатых эмигрантов из Ломбардии жертвовать деньги на цели восстания. План экспедиции в Савойю был поддержан руководством «Молодой Италии». Было сформировано будущее Временное революционное правительство Савойи, которое возглавил Дж. Мадзини. Документы, приведенные в книге, свидетельствуют о том, что ему приходилось сглаживать острые углы, устранять разногласия между эмигрантами, прибывавшими в Швейцарию, откуда было намечено выступление. Дж. Мадзини подыскивал жилье для волонтеров, распределял деньги между неимущими эмигрантами. Письма Дж. Мадзини отражают состояние тревожного нетерпения перед началом выступления, беспокойство по поводу постоянного перенесения его сроков, тщетного ожидания отряда лионских ткачей, который должен был прибыть из Франции.

Документы раскрывают, что началось выступление 1 февраля 1834 г. отрядов из города Каруш, однако кантональные власти Женевы и Во разоружили колонну польских и немецких эмигрантов. Генерал Дж. Раморино, не застав на месте сбора достаточного числа волонтеров, 3 февраля с согласия Временного правительства распустил отряд. Дж. Мадзини принял участие в этом походе, хотя был болен и обессилен от долгих бессонных ночей подготовки выступления.

Специфика источников определяет и решение автором достаточно спорного для итальянской историографии вопроса о возникновении организации «Молодая Италия». Б. Гатта рассматривает этот вопрос с позиций самого Дж. Мадзини, не обращаясь к другим точкам зрения.

Современные итальянские исследователи Рисорджименто, пишущие также и в жанре исторической биографии, идут по пути поиска и изучения новых источников, кропотливых архивных изысканий. Примером являются труды одного из крупнейших специалистов по Рисорджименто – профессора Сальво Мастеллоне (8, 9), посвященные Джузеппе Мадзини, которые в определенной степени закрывают некоторые лакуны в биографии великого генуэзца, в частности в лондонский период его жизни. Первая работа посвящена событиям 1837–1848 гг. В ней автор анализирует основной труд Дж. Мадзини, опубликованный в лондонском еженедельнике «People's journal» в 1846–1847 гг. – «Размышления о демократии в Европе». С. Мастеллоне оценивает этот труд как «самый продуманный и самый членораздельный ответ прогрессивной демократии, сформулированный итальянским политическим писателем первой половины XIX в.» (8, с. X).

В лондонский период «политические идеи Мадзини находят свое новое словесное выражение, адекватное английской социальной и политической действительности» (8, с. 178). Лондон 30–40-х годов XIX в. стал прибежищем для политических эмигрантов из всех европейских стран. Сюда после парижских выступлений 1839 г. съезжаются многочисленные французские изгнанники, здесь разворачивается широкая дискуссия между демократами различных национальностей и различных политических ориентаций. Эмигранты основывают в Лондоне рабочие и политические общества, живо обсуждают национальные и социальные аспекты революции, которая, по их мнению, вскоре должна разразиться в Европе.

«В Лондоне, – пишет С. Мастеллоне, – политическая мысль Мадзини приобретает по-настоящему европейскую перспективу» (8, там же). Автор анализирует текст «Размышлений» вместе с изучением материалов парламентских дебатов, лондонской печати, высказываний Дж. Мадзини в адрес лондонских демократических обществ (ассоциаций) и, в частности, в адрес общества «Fraternal democrats». Основное содержание «Размышлений», по мнению автора, заключается в том, что «демократия, если ее оценивать в комплексе социальных проблем и изучать во всем многообразии

политических решений, должна иметь этическую целесообразность, чтобы улучшить условия жизни человека» (8, с. 105).

Подобные убеждения Дж. Мадзини находят как своих сторонников, так и противников. Последним он ответил двумя статьями, опубликованными в «People's journal» в мае–июне 1847 г. Особо критически к его концепции отнеслись коммунисты, поскольку он резко высказался против коммунистических теорий, основанных на идеях материализма, отмены частной собственности и на неизбежной, с его точки зрения, диктатуре бюрократического меньшинства над народным большинством. С. Мастеллоне проводит текстуальный анализ «Манифеста» 1848 г. К. Маркса и Ф. Энгельса и приходит к выводу, что в нем содержится реакция на критические высказывания Дж. Мадзини.

В лондонский период, включает С. Мастеллоне, Дж. Мадзини смог более четко сформулировать свои политические убеждения, выработать свое понимание концепции государства. В Лондоне произошел переход Дж. Мадзини от общереспубликанской идеологии к глубокому принятию и теоретической защите представительной демократии.

В следующей работе (9) С. Мастеллоне доводит свое исследование пребывания Дж. Мадзини в Лондоне до 1853 г. Автор рассматривает этот период не только в контексте его деятельности как лидера итальянского движения за независимость и единство. Для С. Мастеллоне большой интерес представляют инициативы Дж. Мадзини по созданию обществ взаимопомощи итальянским рабочим или обществ по обучению детей бедняков, что составляет, и на это обращает внимание автор, этико-социальную основу политической деятельности Дж. Мадзини. В марте 1841 г. в Лондоне при английской конгрегации «Молодой Италии» возник Союз итальянских рабочих, в задачи которого входило воспитание национальной гордости и патриотизма. Осенью 1841 г. открывается бесплатная начальная школа для итальянских рабочих. По замыслу Дж. Мадзини школы для рабочих должны были помочь взаимопониманию различных социальных слоев.

Источниковую базу монографии составляет обширная корреспонденция Дж. Мадзини (прежде всего связанная с экспедицией братьев Аттилио и Эмилио Бандьера), а также протоколы дебатов английского парламента и материалы тех английских периодических изданий, которые, как отмечает автор, до настоящего времени не стали предметом исследования итальянских историков: «Democratic Review», «The Red Republican», «The English Republic».

Дж. Мадзини, как пишет автор, был хорошо известен в лондонских культурных кругах, был знаком с Томасом Карлейлем, Джоном Стюартом Миллем, Чарльзом Диккенсом, Джоном Расселом и др. Анализируя работы Дж. Милля и Т. Карлейля, С. Мастеллоне показывает, что идеи, высказываемые Дж. Мадзини, весьма интересовали как философа и экономиста, так и публициста и историка. В сентябрьском номере за 1843 г. в «Westminster Review» вышла статья более чем на 12 страницах под заголовком «Кто есть Джозеф Мадзини?». Дж. Мадзини становится другом руководителей чартистского движения, в частности Джорджа Фарная, директора газеты «Northern Star». Данное издание уделяло большое внимание изложению идей и инициатив Дж. Мадзини.

С 1846 г. политические дебаты в эмигрантских кругах, отмечает С. Мастеллоне, становятся особенно интенсивными и интересными главным образом начиная с того момента, когда в «Northern Star» выходит «Манифест Кракова», представлявший собой проект социальной и политической революции по образцу Французской революции, имевшей целью создание антидворянской демократии. Вскоре Дж. Мадзини представил собственный проект Европейского комитета, содержащий предложение по формированию в Европе национальных демократий. В Италии он предлагал создать условия для появления свободной и независимой итальянской нации на основе всеобщего избирательного права, представительного правления, заинтересованного как в прогрессивном развитии итальянской нации, так и в объединении европейских наций.

Особый интерес для итальянских историков в последние годы представляют фигуры «второго плана» как периода Рисорджименто, так и предреволюционной эпохи, т.е. те люди, без которых общая картина борьбы за независимость и единства Италии была бы неполной. Показательным для характеристики данного направления итальянской историографии является сборник работ известного итальянского специалиста по истории XIX в. Франко Делла Перуты (6), появившихся в разное время в различных печатных изданиях, но объединенных основной идеей – представить современному читателю как известных деятелей конца XVIII–XIX вв. (например, Джован Пьетро Вьессё), так и малоизвестных или практически неизвестных. К таковым относится Инноченче Уго Брунетти, офицер наполеоновской армии, друг выдающегося итальянского поэта и пламенного патриота Уго Фосколо. И. Брунетти, как показывает Ф. Делла Перута, вел активную политическую деятельность в

итальянской армии. Автор рассказывает также о Джакомо Джованнетти, представителе умеренно-либерального направления Рисорджименто, о его сотрудничестве в журнале «Annali», издававшемся с 1824 по 1848 г. в Милане.

Крупный издатель и журналист Джован Пьетро Вьессе жил и работал во Флоренции. Благодаря его организаторским способностям и упорной деятельности по сплочению культурных сил всей Италии Флоренция превратилась в центр, объединивший итальянскую интеллигенцию. В январе 1821 г. Д. Вьессе основывает журнал «Antologia», который становится ведущим журналом Италии вплоть до его закрытия тосканским правительством в 1833 г.

К работе в журнале Д. Вьессе привлек маркиза Джино Каппони, человека, исповедовавшего идеи Просвещения, организатора, живо интересовавшегося вопросами политики и экономики, сельского хозяйства. Постоянными редакторами «Antologia» стали Джузеппе Монтани и Никколо Томмазо (журналист, историк, политический мыслитель, в дальнейшем один из лидеров революции 1848–1849 гг.). С журналом сотрудничали Козимо Ридольфи – известный политический деятель и Раффаэлло Ламбускини – священник, выступавший за церковную реформу в либеральном духе. В «Antologia» публиковались статьи не только по вопросам литературы, но и экономике, статистике, естественным наукам, народному просвещению, праву, истории, философии, даже описания путешествий. На страницах журнала обсуждались проблемы различных областей знаний, содействия гражданскому прогрессу общества. Редакция журнала, подчеркивает Ф. Делла Перута, ставила перед собой и политические задачи по подготовке почвы для политических преобразований не только в Тоскане, но и в Италии в целом.

Ф. Делла Перута описывает жизнь Монфредо Камперо, известного путешественника, посетившего Австралию, Малайзию, Цейлон и Индию, писателя, политического деятеля, участника движения за национальное единство, непосредственного участника антиавстрийских выступлений 1847–1848 гг. в Ломбардо-Венецианском королевстве, в частности в Милане. В январе 1848 г. М. Камперо вместе с такими видными деятелями освободительного движения, как Даниэле Манин и Никколо Томмазо, был арестован. Позже, в 1874 г. как признанный политический деятель он был избран депутатом в Итальянский парламент, однако вскоре оставил парламентскую деятельность и занялся руководством географического журнала.

Другим частным вариантом биографических исследований являются издания, появляющиеся в связи с юбилейными событиями. При их изучении важно отметить, какие сюжеты раскрывают юбилейные издания, на каких методологических основах составляются подобные сборники и монографии. Вышедшая в свет в связи со столетием со дня смерти Джузеппе Верди (1813–1901) работа Ф. Делла Перуты, М. Бенедетти, Ч. Силитти (7) представляет жизнь великого итальянского композитора в свете событий и проблем Рисорджименто. Следует отметить, что при составлении этой биографии Дж. Верди были использованы характерные для исторической науки исследовательские подходы: работа с документальным источником, анализ действия и взаимодействия общественных сил, изучение места героя в эпохе. Высоко оценивая революционную, мобилизующую силу музыки Дж. Верди, авторы сосредоточивают внимание на его общественно-политической деятельности. Композитор был свидетелем Парижского восстания 1748 г. и свержения Луи Филиппа. «Теперь наш черед», написал Верди Лучано Монара незадолго до революционных событий в Италии, когда во всех государствах полуострова развернулась борьба за конституцию (7, с. 34).

В августе 1859 г. муниципалитет города Буссето выбирает Дж. Верди своим представителем на ассамблее пармских провинций, которая должна была провести плебисцит по вопросу о присоединении Пармского герцогства к Пьемонту. 15 сентября 1859 г. Дж. Верди вручает Виктору Эммануилу, королю Пьемонта и будущему королю объединенной Италии, результаты плебисцита, проведенного в провинции Реджо Эмилии. Турин оказывает Дж. Верди почести, достойные триумфатора, избирает его почетным гражданином города.

Авторы подчеркивают, что любое великое историческое событие имеет свой культурный аспект. Так, творчество Джузеппе Верди отвечало мощному размаху движения Рисорджименто. Во многом благодаря музыке Дж. Верди ценности будущей единой Италии стали народными, проникли во все слои общества. Благодаря его музыке Рисорджименто не стало исключительно элитарным явлением; музыка, обращенная ко всем без исключения, делала более простым восприятие сложных идей движения за объединение Италии.

Сборник, посвященный известному дипломату и политику эпохи объединения Италии Костантино Нигра (1828–1907), также приурочен к столетию со дня его смерти (10). В предисловии к работе историк У. Левра отмечает, что К. Нигра оставил много-

численные свидетельства собственного видения исторических событий, участником которых он являлся, особенно в период 1856–1860 гг., непосредственно предшествовавших объединению Италии. Взгляды К. Нигра, для которых, как подчеркивает У. Левра, были характерны «бережность и осмотрительность» в оценках и подходах (10, с. 40), можно воссоздать, собрав воедино статьи и заметки дипломата, помещенные в итальянской периодике того времени. Большую часть личного архива К. Нигра собственноручно сжег незадолго до смерти. В распоряжении историков остались только официальные дипломатические документы и переписка с К.Б. Кавуром, лидером Рисорджименто, премьер-министром Сардинского королевства (с 1852 по 1861 г.). Тот факт, что архив был сожжен, дает некоторое основание историкам, изучающим личность К. Нигра, представлять дипломата в каком-то смысле окутанным легендой. Секретная дипломатическая миссия К. Нигра, особенно в период его пребывания в Париже, также дает некоторые основания подобной трактовке. Тем интереснее для читателя проследить, как историки, располагая достаточно небольшим объемом сведений, смогли тем не менее воссоздать достаточно полную картину жизни и деятельности этого дипломата и политика Рисорджименто.

Биография Костантино Нигра представлена в статьях Л. Машилли Мильорини и А. Вьеренго. К. Нигра родился в Вилла Кастельнуово (Аоста) 11 июня 1828 г., учился на юридическом факультете в университете Турина. Когда разразилась первая война за независимость Италии, К. Нигра записался волонтером в отряд студентов-берсальеров, в рядах которого он сражался под Пескьерой, в Санта Лючия, в Кольмазино и в Риволи, где получил ранение в руку. По возвращении в Турин и окончании университета К. Нигра поступил в 1851 г. на службу в Министерство иностранных дел. М. Д'Адзелио, возглавлявший в те годы Министерство, предложил К. Нигра должность личного секретаря по работе с иностранной корреспонденцией. Когда в ноябре 1852 г. К.Б. Кавур возглавил правительство Сардинского королевства, Д'Адзелио представил ему К. Нигра. К.Б. Кавур вскоре оценил высокие качества будущего дипломата, и К. Нигра стал пользоваться полным его доверием. К. Нигра же, в свою очередь, всегда оставался верным сторонником К.Б. Кавура и последовательно проводил в своей дипломатической деятельности его политические идеи.

Авторы двух других статей сборника (Г. Талано и А. Широко) сосредоточили внимание на событиях 1856–1861 гг. В статье

Г. Талано рассмотрена дипломатическая деятельность К. Нигра во время войны 1859 г. и в последующем урегулировании конфликта. Статья А. Широко посвящена пребыванию К. Нигра в Неаполе в 1861 г.

К. Нигра вел успешную дипломатическую деятельность с 1856 г. – времени Парижского конгресса, сначала как полномочный министр, затем как посол Сардинского королевства, являясь прямым посредником во взаимоотношениях Парижа и Турина. Он принял участие в переговорах между К.Б. Кавуром и Наполеоном III в Пломбьере, в ходе которых было достигнуто соглашение между Сардинским королевством и Францией о союзе в войне против Австрии. К. Нигра участвовал и в переговорах между Наполеоном III, Францем Иосифом и К.Б. Кавуром в Виллафранка (1859 г.), где оба императора согласовали условия перемирия, в результате которого Италия оставалась раздробленной, Ломбардия передавалась австрийским императором французскому, который, в свою очередь, даровал ее Сардинскому королевству.

В 1860 г. К. Нигра принимает участие в тяжелейших переговорах в Париже с представителями великих держав и главным образом с Францией, с целью провести точку зрения К.Б. Кавура – убедить великие державы в неизбежности присоединения Центральной Италии к Сардинскому королевству. В Париже К. Нигра остается до 1876 г. за исключением короткого периода января 1861 г., когда К.Б. Кавур направляет его в Неаполь в качестве Государственного секретаря принца Кариньяно. Однако административная деятельность К. Нигра по сравнению с его дипломатической деятельностью была не столь успешной, считает А. Широко.

Когда «правая» группировка умеренных либералов (возглавляемая сначала К.Б. Кавуром, до его смерти в 1861 г., а затем Б. Риказзоли) в объединенной Италии потерпела поражение, а во главе правительства встал А. Депретис (1876 г.), К. Нигра был переведен в качестве посла в Петербург, потом в Лондон и, наконец, в Вену. Этому периоду дипломатической деятельности К. Нигра посвящена статья Дж. Галассо, который считает, что последний и малоизученный этап дипломатической миссии К. Нигра заслуживает особого внимания, если учитывать, что Вена стала местом, где позднее был заключен Тройственный союз.

Биография философа и государственного деятеля графа Теренцио Мамиани делла Ровере (родился в Пизаро 27 сентября 1799 г., умер в Риме 21 мая 1885 г.) написана совместно историком Дж. Бенелли и А. Бранкати, директором Библиотеки «Оливериана»,

где хранится большая часть эпистолярного наследия Т. Мамиани (2). Перед читателем предстает не только политик, внесший большой вклад в движение за объединение Италии, но также литератор и философ. Уже с гимназического возраста Т. Мамиани проявил большую любовь к литературе. Он много лет посвятил изучению литературы сначала в Неаполе, потом во Флоренции. Его литературные работы получают известность не только в Италии, но и за ее пределами. В его литературное окружение входили драматург Дж. Никколини, К. Каппони, журналист и историк Н. Томмазо, а также известный итальянский поэт Дж. Леопарди, которому Т. Мамиани приходился дальним родственником.

В 1857 г. Т. Мамиани получает кафедру философии истории в Туринском университете. Как философ он выступал сначала сторонником эмпирического метода; впоследствии как платоник Т. Мамиани выдвинул проект культурного, морального и гражданского становления самосознания итальянцев как граждан единой Италии. С философской точки зрения он обосновал свой проект как «народную метафизику» (2, с. 51), в которой общий смысл обретает функцию очевидца вечных принципов познания и абсолютной моральности.

Т. Мамиани разработал так называемую «теологию нации», отвергнутую Святым Престолом, поскольку эта концепция противостояла идее светской власти Церкви. Для Т. Мамиани теология – прежде всего гражданская религия, в основании которой лежит уважение к личности, понимание ее жизненных условий, решение социальных вопросов.

После революции 1831 г. Т. Мамиани эмигрирует в Париж, где в 1839 г. публикует работу «Наше суждение об итальянских делах», в которой выступает в защиту умеренно-либеральных методов действий и указывает на необходимость соглашения между либеральным движением и Церковью. В переписке с идеологом либерального католицизма Дж. Джоберти Т. Мамиани настаивал на необходимости разоблачения пороков папской политики и администрации.

Т. Мамиани отрицал социалистические и коммунистические постулаты, полагая, что оба этих течения неспособны обеспечить свободу личности, ибо предусматривают создание экономических и политических систем, основанных на тирании государства и на подавлении частной собственности (2, с. 454). Т. Мамиани выступал за «третий путь», который помог бы социально незащищенным слоям, в частности, созданием корпоративных обществ, которые в

конечном итоге должны были бы «привести рабочего к положению совладельца» (2, с. 455).

Революционные события 1846 г. Т. Мамиани встретил, находясь в Риме. Его назначают министром внутренних дел в кабинете кардинала Л. Чакки, где Т. Мамиани представлял либеральное направление. После поражения войск Понтифика в Венето Т. Мимиани поддержал идею необходимости вооруженного сопротивления Австрии и создания итальянской лиги. Вскоре он разуверился в возможностях Понтифика и 2 августа 1848 г. уехал в Турин. Вернувшись в Рим после убийства Пеллегрини Росси, Т. Мамиани становится министром иностранных дел в правительстве Маццарелли, но бегство Папы в Гаэту и победа демократической партии в Риме заставили Т. Мамиани удалиться от власти. Он открыто выступил против провозглашения республики. Когда же республика стала свершившимся фактом, Т. Мамиани сложил с себя министерские полномочия и жил в Риме как частное лицо, а затем переселился в Пьемонт.

Т. Мамиани был ревностным политическим сторонником лидера либерального течения Рисорджименто, премьер-министра Сардинского королевства К.Б. Кавура. Последний высоко оценивал заслуги Т. Мамиани, назначал его на высокие дипломатические должности, сначала в Греции, потом в Швейцарии. 26 января 1857 г. Т. Мамиани стал министром образования в кабинете К.Б. Кавура. 4 марта 1864 г. король Сардинского королевства Виктор Эмануил II назначил Т. Мамиани пожизненным сенатором.

Т. Мамиани сыграл важную роль в плане организации и распространении культуры не только как министр образования первого итальянского парламента, а потом и как премьер-министр, но и как организатор научных конгрессов, автор статей в различных периодических изданиях эпохи Рисорджименто (например, в журнале «Antologia»), и как директор журнала «Riviste delle scuole italiane». В 1874 г. он стал членом, а потом и вице-президентом Академии Линчеи.

Еще один пример современного подхода к созданию исторической биографии – биография Кармине Крокко, написанная итальянским историком, преподавателем Пизанского университета Э. Чиннеллой (3). Историк поставил перед собой задачу – написать биографию знаменитого разбойника из Лукании (провинция Базиликата), ставшего главарем разбойничьей армии. Жизнь К. Крокко окутана облаком легенд и вымыслов, а подлинные события переплетаются с фантастическими сведениями. Но для автора важен и

более общий исторический контекст – раскрыть проблему «великого разбоя», с особой силой бушевавшего на Юге Италии в 1861–1865 гг.

Э. Чинелла основывает свое исследование на обширной документальной базе и прежде всего на материалах автобиографии самого К. Крокко, которую тот, осужденный на каторжные работы в Санто Стефано, и будучи человеком грамотным, начал писать в марте 1889 г. По мнению автора, данный документ дает представление о «ментальном мире» луканского разбойника (3, с. 14), автобиография аутентична по своей сути, хотя ее издатель Эудженио Масса, посетивший К. Крокко в Санто Стефано и записавший его рассказы, возможно, внес свои коррективы.

События биографии К. Крокко тесно переплелись с событиями первых лет существования единого Итальянского государства: с гарибальдийским движением и в целом с движением Рисорджименто на Юге Италии, с социальным протестом южного крестьянства. Биография К. Крокко помогает понять причины возникновения и сам характер «великого разбоя» 1861–1865 гг., который, по мнению автора, можно рассматривать как «первую великую национальную трагедию» (3, с. 10). Реки крови, пролитые в результате этой «страшной войны», оставили в коллективной памяти нестираемый след, углубляя драматический разрыв между Севером и Югом Италии.

Сначала Кармине Крокко – простой пастух из деревни Рионеро в местечке Вультур (Лукания), затем мелкий уличный бандит, как и многие ему подобные, «стоящие вне закона». Позже К. Крокко становится главарем небольшой шайки, а уже к 1861 г. возглавляет более чем двухтысячную банду, по численности сопоставимую с армией, действия которой, отмечает автор, отнюдь не были лишены практической логики, определенного плана военных операций. В 1860 г. К. Крокко в числе других разбойников, присоединился к гарибальдийцам, затем сотрудничал с бурбонскими комитетами. В апреле 1861 г. многочисленные отряды под командованием К. Крокко заняли несколько городков на северо-западе Лукании и объявили о восстановлении власти Бурбонов. К. Крокко успешно сражался с посланными против него войсками, его банды в течение нескольких лет контролировали достаточно обширную территорию Базиликаты. Затем К. Крокко терпит поражение и бежит на территорию Папского государства. Он неоднократно сидел в тюрьмах: папских, французских и итальянских. В 1872 г. в Потенце над К. Крокко состоялся судебный процесс, который привлек внимание международной общественности. В отли-

чие от других разбойников К. Крокко удалось избежать смертной казни. Он был приговорен к пожизненным каторжным работам и вторую часть своей жизни провел на небольшом острове Санто Стафано, расположенном вблизи Вентотене.

В исторической литературе, посвященной явлению бандитизма на Юге Италии, доминировала (и присутствует в настоящее время) точка зрения, что К. Крокко более или менее осознанно воплотил в своей судьбе характерные черты, присущие социальной борьбе беднейших слоев Юга Италии в период, последовавший за объединением страны. Согласно данной интерпретации, «великий разбой» являлся своего рода первым крестьянским восстанием против итальянского буржуазного государства. Автор оспаривает подобную точку зрения, отрицает, что данному явлению могли быть присущи революционные цели, но подчеркивает, что феномен бандитизма имел глубокие социальные корни. То, что разбойные выступления на Юге возникли на почве ужасающей нищеты и невежества крестьян, пропасти, которая разделяла чернь и аристократов, признавали и многие функционеры нового итальянского государства, новой власти. Автор приводит выдержки из письма одного из офицеров, участвовавшего в подавлении мятежа, к выдающемуся защитнику возрождения Юга Паскуале Виллари. Офицер писал, что «старинный и современный бандитизм... одинаково вызваны прискорбным социальным положением народа, а вовсе не политическими событиями» и «являлся следствием взаимной ненависти угнетенных и угнетателей, имущих и неимущих, ненависти тем более ожесточенной, чем ниже уровень цивилизации в обществе» (цит. по: 3, с. 32).

Разбой на Юге Италии начался не с момента объединения страны, а гораздо ранее, в период средневековья и особенно в XVII в., время от времени приобретая политическую окраску. В Неаполитанском королевстве бандитизм носил массовый и постоянный характер. В основе крылись социальные причины – угнетение и бесправие крестьян, нередко в знак протеста уходивших в леса. Были среди них и просто преступники, скрывающиеся от правосудия и живущие разбоем, но многих крестьян и ремесленников нищета и социальная несправедливость вынуждали противопоставлять себя обществу. В мире, где правосудие всегда занимало сторону богатых и облеченных властью, бунтовщика в народе почитали как героя. В подобном явлении, по мнению автора, коренится основной посыл южного бунта – особый ментальный настрой простого люда, всегда готового идеализировать тех, кто

стоит вне закона, видевшего в них истинных мстителей за муки и притеснения.

В заключение отметим, что картина (безусловно, неполная) современных биографических исследований в итальянской и отечественной исторической литературе, посвященной эпохе Рисорджименто, хорошо иллюстрирует то, что именно биографический жанр исторической науки, как никакой другой дает возможность увидеть и понять место личностного начала в истории, соотношение исторических закономерностей в историческом процессе в целом.

Список литературы

1. Андронов И.Е. Мадзини: Молодые годы. – СПб.: Алетейя, 2009. – 360 с.
2. Brancati A., Benelli Gi. Divina Italia: Terencio Mamiani della Rovere Cattolico liderale eil risorgimento federalista. – Urbania: Lavoro, 2004. – XIV, 512 p.
3. Cinella E. Carmine Crocco. Un brigante nella grande storia. – Pisa-Cagliari: Della Porta Editori, 2010. – 187 p.
4. Gatta B. Mazzini: Una vita per un sogno. – Napoli: Guida, 2002. – 400 p.
5. Della Peruta F. Mazzini e i rivoluzionari italiani. Il «partito d' azione» 1830–1845. – Milano: Feltrinelli, 1974. – 469 p.
6. Della Peruta F. Uomini e idѐe dell Ottocento italiano. – Milano: Franco Angeli, 2002. – 245 p.
7. Della Peruta F., Benedetti M. Sillitti C. Suona la tromba / Verdi, la musica e il Risorgimento // Quaderno del Istituto Mazziniano. – Genova, 2002. – № 10. – 95 p. – (A cura del Comitato delle Celebrazioni Verdiane).
8. Mastellone S. La democrazia etica di Mazzini, (1837–1847). – Roma: Archivio guido IZZI, 2000. – XI, 190 p.
9. Mastellone S. Mazzini scrittore politico in inglese. Democracy in Europe, (1840–1853). – Firenze: Olschki, 2004. – 321 p.
10. L'Opera politica di Costantino Nigra / A cura di Levra U. – Bologna: Mulino, 2008. – 208 p.

А.И. Патрушев

**ГЕРМАНСКИЕ КАНЦЛЕРЫ ОТ БИСМАРКА
ДО МЕРКЕЛЬ. – М.: ИЗД-ВО МОСК. УН-ТА, 2009. – 432 с.**

(Реферат)

Книга известного российского германиста представляет собой первый в отечественной литературе сводный очерк жизни и деятельности всех тридцати германских канцлеров – от создателя Германской империи Отто фон Бисмарка до канцлеров начала XXI в. – Герхарда Шрёдера и Ангелы Меркель. Опираясь на большой круг литературы, автор дает портреты канцлеров на широком историческом фоне, раскрывает основы, сущность и цели проводимой ими политики. Многие из этих политиков, отмечает автор, давно исчезли из памяти людей, в том числе и самих немцев. Даже канцлеры, которые стояли во главе кабинета в течение ряда лет – Георг Лео фон Каприви, Хлодвиг цу Гогенлоэ-Шиллингсфюрст, Вильгельм Маркс более или менее основательно знакомы лишь специалистам. Другие продолжают жить в историческом сознании нашего времени, так как с их канцлерством связаны решающие политические моменты и события. К таковым относятся: Бернхард фон Бюлов, во время правления которого немецкий империализм вышел на мировую арену; Теобальд фон Бетман Гольвег, при котором Германия была ввергнута в Первую мировую войну; Макс Баденский – во время его пребывания у власти пали империя и династия Гогенцоллернов; Фридрих Эберт, считавший революцию «смертным грехом», против которого необходимо энергично бороться; Филипп Шейдеман, провозгласивший демократическую республику; Генрих Брюнинг и его неудавшаяся попытка спасти республику; Франц фон Папен и Курт фон Шлейхер как фактические союзники Гитлера, способствовавшие его приходу к власти. Хорошо известны канцлеры ФРГ: создатель новой Германии Кон-

рад Аденауэр, отец немецкого «экономического чуда» Людвиг Эрхард, Вилли Брандт с его новой восточной политикой, прагматик Гельмут Шмидт, канцлер германского единства Гельмут Коль, Герхард Шрёдер и Ангела Меркель (поскольку А.И. Патрушев умер в 2006 г., он не успел представить полновесный портрет А. Меркель. – *Прим. реф.*).

Из этого ряда политиков, свидетельствует автор, в исторической науке выделяются канцлеры, деятельность которых получает все новые и новые интерпретации – это основатель империи Отто фон Бисмарк, политик ревизии Версальского договора и примирения с Западом Густав Штрэземан и самая зловещая фигура немецкой истории Адольф Гитлер.

А.И. Патрушев подчеркивает, что ход немецкой истории пошел бы, возможно, в ином направлении, если бы начало и конец германского рейха не были бы определены двумя личностями – О. Бисмарком и А. Гитлером. Разрешение конституционного конфликта 1862 г. объединением Германии под эгидой Пруссии в ходе трех войн; конституция, скроенная по образцу монархической власти в Пруссии, и независимость канцлера от парламента – все это трудно представить без Отто фон Бисмарка (1815–1898). Умело ведя политическую игру, О. Бисмарк захватил в свои руки инициативу в деле национального объединения страны. Автор приводит его высказывание: «Не прусский либерализм, а мощь Пруссии – вот на что смотрит Германия. Великие вопросы решаются не речами и решениями, принятыми большинством голосов, – в этом и была главная ошибка 1848 г., – а железом и кровью» (с. 22).

А.И. Патрушев отмечает гибкость политики О. Бисмарка, а также его полное презрение к праву. Характерной чертой бонапартистского правления О. Бисмарка было постоянное балансирование между отдельными государствами в Союзном совете и партиями в рейхстаге, противоречия между которыми позволяли канцлеру осуществлять свое единоличное правление. Конституционный статус О. Бисмарка был совершенно уникален не в последнюю очередь потому, что стал результатом его собственного политического творчества. Как канцлер он обладал правом непосредственно обращаться к бундесрату и рейхстагу, выдвигать вопросы на парламентское обсуждение в том и другом верховном собрании, а также предлагать законопроекты. И никакое поражение не могло заставить его подать в отставку, так как пребывание канцлера на этом посту зависело исключительно от воли императора.

Автор оценивает политику О. Бисмарка в пользу протекционизма как политику защиты крупных промышленников и аграриев. Германская империя окончательно определилась как государство авторитарного типа, в котором господствующее положение занял союз аграрно-аристократической элиты и магнатов тяжелой промышленности. Либерально-демократические силы были оттеснены на задний план и стали играть роль оппозиционного меньшинства.

Оценивая деятельность Бернхарда фон Бюлова (1849–1929) на посту канцлера (с 18 октября 1900 по 4 июля 1909 г.) автор отмечает, что после О. Бисмарка Б. Бюлов был самым популярным рейхсканцлером и наглядно воплотил эпоху Вильгельма II. Б. Бюлов, отмечает автор, разработал методы работы с Вильгельмом, доведя их до совершенства: обычно сначала соглашался с каждым предложением монарха, а затем постепенными и осторожными уточнениями достигал желаемого результата (с. 92). «Если мне не удастся поддерживать постоянный (устный и письменный) контакт с Его Величеством, – признавался Бюлов в 1897 г., – то постепенно достигнутый с таким трудом status quo расплзется по швам» (цит. по: с. 93). Из канцлера, констатирует автор, Б. Бюлов «превратился в придворного, готового записывать высочайшие приказы даже на манжетах, лишь бы их, не дай Бог, не забыть» (с. 93).

И тем не менее Б. Бюлов, который был самым популярным после О. Бисмарка рейхсканцлером, подчеркивает автор, чрезвычайно точно отразил представления, определявшие жизнь нации. «Место под солнцем» и «мировая политика» были его лозунгами и его политикой. После 1914 г., многие немцы, признает автор, вспоминали об эре Б. Бюлова как о золотом веке мира, благосостояния и национального оптимизма. Автор приводит слова Б. Бюлова, произнесенные им после своей отставки: «Я не выполнил всего, чего хотел достигнуть, однако я не оставил после себя никаких руин» (цит. по: с. 93).

Теобальд фон Бетман Гольвег (1856–1921), на взгляд автора, среди семи наследников О. Бисмарка был самым значительным канцлером империи. Он лучше своих предшественников видел связь внутренней и внешней политики, считая, что больших успехов на международной арене Германия добьется, используя не армию и флот, а свою внутреннюю мощь – экономическую и политическую. Именно поэтому он пытался получить поддержку рабочего класса, профсоюзов и социал-демократии. Т. Бетман Гольвег старался оттянуть начало войны, хотя считал ее неизбежной, что

принесло ему поддержку социал-демократов и одобрение с их стороны военных бюджетов.

Автор заключает, что Т. Бетман Гольвег иллюзорно пытался найти в Германии средний путь между авторитарным режимом и демократией. Он хотел модернизировать политическую систему Германии не в духе западноевропейских демократий, но продолжив германские традиции, надеясь сохранить монархию, сделать рабочих ее союзником. Драма Т. Бетман Гольвега как политика, подытоживает автор, заключалась в том, что будучи человеком, рожденным в XIX столетии, он искренне верил в монархию, но как политик XX столетия он также искренне верил в возможности демократии. Драма канцлера коренилась и в его личных качествах: человек долга, он не мог изменить кайзеру и полностью встать на сторону либералов и демократов. Его заботили не комбинации внутри рейхстага, а поиск прочного союза канцлера и парламента с опорой на центристские силы и социал-демократов (с. 106–107).

Принц Макс Баденский (1867–1929), последний рейхсканцлер Вильгельма II, по мнению автора, не был политиком. Он оказался утопистом с его верой в третий путь, в либеральную альтернативу между консервативно-монархическим государством и современной партийно-парламентской демократией, на вершине которой может стоять наследный монарх. Но он отнюдь не был сторонником принципиального изменения системы. Либеральное чиновничье монархическое государство, созданное на рациональных принципах, являлось образцом для принца.

Допустимо ли включать Фридриха Эберта (1871–1925) в число канцлеров, юридически остается спорным, свидетельствует автор, поскольку Ф. Эберт не являлся ни последним канцлером императора, ни первым канцлером республики, которую провозгласил даже не он, а Филипп Шейдеман. Принц Макс Баденский передал Ф. Эберту должность канцлера 9 ноября 1918 г., однако автор задается вопросом, были ли у принца подобные полномочия. И если Ф. Эберт немедленно согласился принять пост канцлера, чтобы создать коалиционный кабинет обеих рабочих партий (СДПГ и НСДПГ), подготовить выборы в Учредительное собрание и предотвратить перерастание стихийного народного движения в противозаконное насилие, то, полагает автор, нерешенным остается вопрос: стал ли Ф. Эберт действительно наследным канцлером империи, монарх которой сбежал в Нидерланды.

А.И. Патрушев отмечает, что Ф. Эберт не был яркой политической фигурой и только прихотью судьбы оказался во главе

государства, но он всегда стремился охранять интересы нации и уберечь страну от хаоса и распада. Ф. Эберт был и оставался по менталитету рабочим функционером эпохи промышленного подъема Германии в канун Первой мировой войны, которого практическая работа интересовала больше, чем социалистическая теория. Таковые способности Ф. Эберта определяли рост его авторитета в рабочем движении. Однако он занимал пост канцлера, на этом посту было необходимо иметь способность к глубокому политическому анализу, чтобы активно и успешно проводить рациональную политику. К подобному анализу Ф. Эберт, по мнению автора, как и многие функционеры СДПГ, не был способен. Поэтому его мысли и действия носили ситуационный характер и определялись сиюминутными обстоятельствами.

И все же Ф. Эберт, подытоживает автор, сохранил единство страны и не дал Германии рухнуть в пучину анархии и террора. Он сумел вместе с Густавом Штреземаном положить конец разрушающему экономическую жизнь страны пассивному сопротивлению оккупации Францией Рура, добился окончательной стабилизации валюты в конце 1923 г., а затем и медленной стабилизации республики.

Ф. Эберт, отмечает автор, обладал большим влиянием на правительственные решения, но с течением времени это влияние постепенно снижалось. Создание и сохранение коалиций на широкой парламентской основе всегда было целью Ф. Эберта. С его точки зрения, участие СДПГ в правительстве было необходимо для стабильности республики, но если СДПГ отказывалась от подобного участия, Ф. Эберт был вынужден работать с представителями буржуазных партий. Так начался путь превращения Веймарского государства в исключительно буржуазную республику. Стремление Ф. Эберта к надпартийности, привлечение максимального количества политических сил приводило к тому, что он все чаще поддерживал решения кабинетов, боясь спровоцировать правительственный кризис. Даже в таких направлениях, как военная политика и международные отношения, которым Ф. Эберт уделял особое внимание, он не представлял собой противовеса правительству, а был скорее частью исполнительной власти.

Филипп Шейдеман (1865–1939) как канцлер должен был ликвидировать последствия Первой мировой войны. В немногие месяцы его работы в Совете народных уполномоченных и на посту канцлера по всей Германии – от Берлина до Мюнхена – полыхали восстания. Ф. Шейдеман боролся против революционных выступ-

лений, потому что усматривал в парламентской демократической системе единственную реалистическую предпосылку возрождения страны. Ф. Шейдеман не был ни революционером, ни теоретиком. Он понимал суть происходящих событий, но не мог одобрить их.

Результаты мирных переговоров в Версале вызвали категорическое несогласие Ф. Шейдемана. Он назвал версальский мирный договор не только диктатом, но и «самой подлой махинацией», порожденной слепой ненавистью и бессмысленной яростью (цит. по: с. 154). Ф. Шейдеман не поставил свою подпись под договором заявив, «пусть отсохнет рука всякого немца, подписавшего такой договор» (цит. по: с. 155). 20 июня 1919 г. он подал в отставку.

Основной целью политики Густава Штреземана (1878–1929) было стремление вернуть Германии полный суверенитет и возродить ее в ранге великой державы, которая не зависела бы от благосклонности других государств и могла бы сама защитить себя. Но это было возможно только после реализации ближайших целей – уменьшения, а затем и отмены репарационных платежей, вывода всех оккупационных войск с немецкой земли, военного равенства с другими державами, ревизии восточных границ, возможного объединения или тесного союза с Австрией, категорически запрещенного особой статьей Версальского договора. Несмотря на постоянное противодействие со стороны партий, что подпитывало недоверие к Германии других стран, Г. Штреземану в течение пяти лет удалось осуществить значительную часть намеченных целей. «Со времен Бисмарка ни один немецкий государственный деятель не обладал таким умением вести переговоры и добиваться желаемых результатов, как Штреземан» (с. 212).

Автор выражает несогласие с распространенным мнением, что Г. Штреземан в политике был идеалистом. Г. Штреземан, по его мнению, понимал недостижимость пацифистского идеала, но считал своим долгом политика-реалиста сделать все возможное для продвижения к нему. «Кончина Штреземана означала фактический конец политики взаимопонимания и примирения Германии с другими странами» (с. 218). Автор полагает, что в позиции некоторых немецких и зарубежных политиков и публицистов, считавших смерть Г. Штреземана чуть ли не главной причиной крушения Веймарской республики, содержится изрядная доля истины.

Вестфальский католик Генрих Брюнинг (1885–1970) всю жизнь являлся убежденным прусско-национальным монархистом. «Его консервативные убеждения дополнились во время Первой мировой войны солдатскими ценностями: героическое исполнение

долга, преданность отечеству. В 1934 г., находясь в эмиграции, он писал: «жизнь должна жертвоваться ради идеалов моей страны и человечества» (цит. по: с. 235).

Г. Брюнинг надеялся укрепить государство и вывести его из кризиса, проводя курс жесткой экономии. При этом он прекрасно понимал, что подобный курс возможен только при использовании президентом чрезвычайных полномочий.

В своем правительственном заявлении 1 апреля 1930 г. Г. Брюнинг подчеркнул, что его «кабинет образован с целью разрешить в короткий срок те задачи, которые, по всеобщему мнению, являются жизненно необходимыми для государства. Это последняя попытка выполнить их совместно с этим составом рейхстага» (цит. по: с. 237). Таким образом, Г. Брюнинг сразу же дал понять, что в случае сопротивления рейхстаг будет немедленно распущен.

При Г. Брюнинге в 1930 г. образовался узкий круг промышленников и банкиров, которые представляли интересы своих концернов. На первых порах кабинет Г. Брюнинга пытался использовать кризис для того, чтобы с помощью чрезвычайных законов выполнить требования промышленников. Президент, применяя статью 48 Конституции, в значительной мере парализовал рейхстаг. Но тем самым канцлер ослаблял парламент, подрывал демократические основы республики, ставил кабинет в слишком большую зависимость от президента и его окружения. Рано или поздно это должно было привести к самым тяжелым последствиям.

В галерее немецких канцлеров Адольфу Гитлеру принадлежит исключительное место, хотя, отмечает автор, А. Гитлер занял этот пост абсолютно законно, с соблюдением всех конституционных норм. Исключительность А. Гитлера, по мнению автора, хорошо выразил известный историк Отто Хинтце: «Этот человек собственно вовсе не принадлежит к нашей расе. В нем есть что-то совершенно чуждое, как в вымершей первобытной расе, которой еще абсолютно неведома мораль» (с. 266). А. Гитлер, констатирует А.И. Патрушев, всегда оставался последовательным: «зверство и порабощение, война и – если этому суждено быть – национальная катастрофа были запланированы с первых часов восхождения его к власти в Германии» (с. 9–10).

Существующие объяснения феномена А. Гитлера, с точки зрения автора, можно признать лишь отчасти. Теория, согласно которой взлет А. Гитлера объясняется простым стечением обстоятельств, не может считаться полностью удовлетворительной. В книге приводится мнение историка Альфреда Хойса о том, что «весь

национал-социализм является чистой случайностью» (с. 270). Тем не менее, подчеркивает автор, если это и была случайность, то А. Гитлер использовал ее в своих интересах. Неверно трактовать А. Гитлера как чьего-либо прислужника. Правые политики Веймарской республики считали национал-социализм наименьшим из возможных зол. Однако сам П. Гинденбург и два последних предшественника А. Гитлера на посту рейхсканцлера – Ф. фон Папен и К. фон Шлейхер, прежде чем привести к власти лидера партии, имевшей самую мощную фракцию в рейхстаге, старались всеми способами держать его на расстоянии. В итоге они вынуждены были выбрать его канцлером, но вовсе не из симпатии к национал-социализму, а исходя из убеждения, что «без помощи НСДАП, а тем более действуя против нее, практически невозможно далее управлять страной» (с. 290). Политики-центристы также не остались в стороне. Канцлер Генрих Брюнинг провел закон о чрезвычайном положении, для введения которого не требовалось одобрение большинства в парламенте, поскольку достаточно было подписи рейхспрезидента. Тем самым он постепенно стал приучать немцев к мысли, что парламентская демократия отходит в прошлое, и создал для А. Гитлера удобную возможность захватить власть. Автор полагает, что А. Гитлера можно рассматривать как случайный продукт исторических обстоятельств только с учетом того, что он никогда не был бы вознесен к вершине власти без той парламентской демократии, против которой он сражался.

Характер А. Гитлера, несомненно, отличался целым набором патологических черт, но тезис о том, что он страдал паранойей или тяжелой психопатией, вызывает у автора серьезные сомнения. Когда А. Гитлер действовал в своей стихии, в области демагогии и увлечения масс, он не выглядел психопатом. Даже в последние дни, будучи физически полуразрушенным и психологически сломленным, он все-таки в целом владел собой. Но если с медицинской точки зрения А. Гитлер вовсе не был безумцем, то с точки зрения нормальных человеческих чувств и взаимоотношений его нельзя назвать и полностью здоровым человеком. «Гитлер был весьма своеобразной и даже гротескной фигурой: человек, обуреваемый страстью к разрушению, человек без жалости и сострадания, который в то же время изо всех сил старался казаться благовоспитанным, милым и обаятельным джентльменом» (с. 287).

Конрад Аденауэр (1876–1967) стал признанным отцом ФРГ и ее идейным вдохновителем. Воспользовавшись возможностями, возникшими в результате тотального поражения Германии во Вто-

рой мировой войне, и инстинктивно ощущая необходимость основательной перемены курса, «он перевел стрелку истории, после чего германский “локомотив” помчался в будущее» (с. 301).

К. Аденауэр является ключевой фигурой кардинальной переориентации Германии и выдающимся государственным деятелем. После прихода к власти Гитлера в 1933 г. К. Аденауэр остался не у дел. В ночь «длинных ножей» он был арестован, но позднее его освободили. К. Аденауэр вынужден был скитаться по различным пансионатам до лета 1936 г. После провала покушения на А. Гитлера 20 июля 1944 г. он вновь был арестован и помещен в концлагерь. В ноябре 1944 г. его выпустили на свободу. Автор замечает, что К. Аденауэру не было нужды пересматривать свои политические взгляды, они давно вошли в его плоть и кровь.

Едва вступив в должность канцлера, К. Аденауэр сразу же вписался в систему «канцлерской демократии», словно она была создана специально для него. Система требовала наличия у канцлера огромного авторитета и качеств настоящего лидера. Не один из его преемников не обладал такой властью.

К. Аденауэру очень пригодился печальный опыт Веймарской конституции, согласно которой канцлер представлял собой слабую в политическом отношении фигуру, а практически вся власть принадлежала президенту. Теперь же президент стал играть роль статиста и не располагал какими-либо реальными полномочиями, канцлер же стал центром власти.

Болезненное влияние нацистского правления, потрясение, полученное от поражения в войне и его последствий, поколебали доверие немцев к любым формам политической организации и деятельности, подчеркивает автор, наделив их подсознательным стремлением к твердому руководству. Подобный разброд в мыслях представлял потенциальную опасность развитию демократии, и то, что «Конрад Аденауэр оказался способным благодаря лишь своим личным качествам нейтрализовать и преобразовать такие настроения, вероятно, явились его важнейшим достижением» (с. 312).

Ревностный сторонник западной ориентации ФРГ, К. Аденауэр воскресил кредо идеолога южногерманского либерализма первой половины XIX в. Карла фон Ротека: «Лучше свобода без единства, чем единство без свободы» (цит. по: с. 314). К. Аденауэр принял разработанный в 1950 г. план французского министра иностранных дел Роббера Шумана о создании западноевропейского Объединения угля и стали, поскольку был убежден в том, что союз преобразит не только экономические связи на европейском контин-

ненте, «но и весь образ мышления и политического чутья европейцев» (с. 314). Вторым столпом нового европейского порядка К. Аденауэр считал создание Европейского оборонительного сообщества.

Автор отмечает, что для стиля руководства К. Аденауэра было характерным как можно более ограничивать круг участников или посвященных в то или иное начинание. Кабинет он практически не информировал, и фракции, в том числе ХДС и ХСС смирились с таким положением. Господствовало всеобщее убеждение в том, что К. Аденауэр действует правильно, что у него хорошее политическое чутье и он действительно, подчеркивает автор, владел этим чутьем. В области политики, которая называлась общегерманской, а в действительности являлась внешней, К. Аденауэр проявлял достаточную гибкость, хотя, по мнению автора, никогда не поднимался выше тактических вопросов.

В историю ФРГ 1950-е годы вошли как период «экономического чуда», отцом которого по праву считается Людвиг Эрхард (1897–1977), ставший «своеобразным “избирательным локомотивом” для ХДС под девизом “Благосостояние для всех”» (с. 311). Политика Л. Эрхарда, превратившая Западную Германию в третью по величине экономическую державу в мире, в период становления республики спасла ее от финансовых и социальных трудностей, которые являлись причиной многих прежних неудач. Основой послевоенного социально-экономического развития Германии явилось становление особой модели социального рыночного хозяйства. Помимо социально-христианской доктрины на разработку этой концепции оказала влияние экономическая теория неолiberaлизма. В концепцию Людвиг Эрхарда органично вошли ведущие неолiberaльные идеи приоритета личной, экономической и политической свободы, государства как гаранта этой свободы и создателя законодательных рамок функционирования общественной и экономической системы, а также мысль о том, что именно государство способно и должно возродить национальный дух общества.

Фундаментом коренных преобразований в Германии послужила теоретическая концепция социального рыночного хозяйства, понимавшаяся Л. Эрхардом не только как экономическая модель, но значительно шире – как база для широких демократических преобразований, а также формирование свободного человека с высоким уровнем ответственности за свою жизнь и жизнь близких ему людей. «Эрхард был человеком ясных принципиальных решений и имел мужество проводить их в жизнь» (с. 348).

Автор называет канцлера Вилли Брандта (1913–1992) миссионером и провидцем. Когда В. Брандт заявил, отмечает автор, что теперь, когда Гитлер окончательно проиграл войну, он будет считать себя канцлером освобожденной, а не побежденной Германии, эти слова, по мнению автора, не были проявлением высокомерия. Социал-либеральная коалиция пришла к власти под лозунгом: «Отважиться на расширение демократии!» (с. 363). Новые формы участия граждан в общественно-политической жизни, обновление законодательства и государственных институтов должны были повысить доверие к демократии особенно у критически настроенной молодежи. А это значило, что необходимы реформы во всех сферах жизни общества. При К. Аденауэре был лозунг: «Никаких экспериментов!». В. Брандт говорил: не надо бояться экспериментов – мы построим современную Германию. Кто хочет быть уверенным в завтрашнем дне, должен бороться за реформы сегодня. Поначалу, свидетельствует автор, это были эффективные рекламные изречения. Однако и тогда, в отличие от формул более поздних лет, они содержали философское начало: до сих пор граждане скорее боялись реформ, теперь же они стали понимать, что безопасность на длительный срок без реформ невозможна.

Гельмут Шмит (1918), как отмечает автор, стоял на позициях признания необходимости рациональности в политике. В духе Макса Вебера он говорил, что «в политике нет места никаким эмоциям и страстям, кроме страсти к разуму» (цит. по: с. 384). Г. Шмит, по мнению автора, не совершал серьезных ошибок, но и не принимал судьбоносных решений. «Он мог в лучшем случае моделировать наметившиеся тенденции, но не был в состоянии оказывать на них решающего влияния» (с. 383). В связи с вышесказанным автор называет Г. Шмидта выдающимся канцлером, но не великим. Ему был присущ чрезвычайно эффективный стиль руководства и кабинет функционировал как хорошо отлаженный механизм. С точки зрения автора, Г. Шмидт был первым федеральным канцлером, который превосходно разбирался в жизненно важных для Боннского государства сферах: экономической политике и внешней политике. «К этому добавлялись железная воля, строгая самодисциплина и глубокое чувство долга» (с. 374).

Автор замечает, что О. Бисмарку было 56 лет, когда он стал основателем Германской империи, а Гельмуту Колю (1930) – 59, когда он возглавил процесс объединения Германии и использовал уникальный шанс, который история предоставила ему как канцлеру Германии. В отличие от О. Бисмарка, Г. Коль стремился и

содействовал рождению не только объединенной Германии, но и объединенной на основе мира и свободы Европы – еще один аспект, который, подчеркивает автор, всегда будет связан с именем Гельмута Коля.

Давая характеристику Г. Колю как личности, А.И. Патрушев отмечает, что пресса отзывалась о канцлере в основном благожелательно. Консервативная пресса видела в нем наследника К. Аденауэра, либеральные издания чаще всего противопоставляли его более реакционным политикам ХДС. Такие популярные журналы, как «Шпигель» и «Штерн», которые Г. Коль ядовито именовал «гамбургской клоакой» (цит. по: с. 394), писали о нем, как о крупном государственном и партийном деятеле, что было равнозначно неплохой рекламе. Даже социал-демократическая пресса проявляла сдержанность в критических высказываниях в отношении канцлера и проводила различие между ним и более правыми деятелями ХДС / ХСС. Благожелательная пресса делала упор на таких качествах Г. Коля, как энергия, целеустремленность, практическая хватка, умение работать с людьми, пренебрежение к бумажной волоките, стремление решать вопросы быстро, путем личных бесед, коммуникабельность и готовность к компромиссам.

Существует распространенное мнение, что своим успехам Герхард Шрёдер (1944) во многом обязан средствам массовой информации. Теоретик СДПГ Петер фон Эртцен, который тесно общался со Г. Шрёдером в Ганновере, считает, что для Г. Шрёдера власть представляла главную ценность. Автор приводит также мнение политолога Фридриха Вальтера: «В этом типе успешного политика соединяются жесткость, пробивная способность, а когда необходимо, то и авторитарная решительность, суверенная независимость от собственной партии, политический инстинкт, популизм, способность схватывать суть проблемы, умение сосредоточиться на самом существенном, виртуозное умение подавать себя СМИ, прагматизм» (цит. по: с. 422). Автор показывает, что из высказываний самого Г. Шрёдера и знающих его людей вырисовывается образ достаточно сложного политика, обладающего широкой эрудицией и четкими принципами. Позиция Г. Шрёдера – это позиция ценностно ориентированного прагматика, который стремится к проведению стратегии модернизации как условия обеспечения полной занятости и решения других проблем, возникающих в ходе процесса глобализации.

И.Е. Эман

Л.Я. Томас

**ЖИЗНЬ Г.В. ЧИЧЕРИНА. – М.: СОБРАНИЕ, 2010. – 280 с.
(Реферат)**

Книга об оставившем глубокий след в отечественной истории народном комиссаре по иностранным делам СССР Г.В. Чичерине (1872–1936) принадлежит перу Людмилы Яковлевны Томас, автора ряда работ по истории России и Германии. Она подробно исследовала жизненный путь Г.В. Чичерина и представила его не только как политика и дипломата, но и как разносторонне одаренную личность. В основу монографии легли как неиспользованные ранее, найденные автором в архивах России и Германии документальные материалы, так и опубликованные документы, разнообразная литература, в том числе и работы самого Г.В. Чичерина.

В предисловии академика А.О. Чубарьяна подчеркивается, что «в системе советской внешней политики в ее формировании и эволюции, в ее подъемах и спадах видное место принадлежало Г.В. Чичерину, возглавлявшему более пятнадцати лет советское внешнеполитическое ведомство» (с. 5–6).

В кратком введении «От автора» Л.Я. Томас замечает: «Биография отдельной личности – соблазн и ловушка для историка, привыкшего работать с источниками, доказывающими, подтверждающими или подвергающими сомнению ход событий, установленный всей историографией до него. Биография – всегда попытка проверить на жизнеописании одного человека незыблемость исторических аксиом» (с. 8).

В главе первой «Кто он, Георгий Чичерин? Семья и политика» автор поясняет родословную Чичериных, начало рода которых по преданию восходит к сопровождавшему Софью Палеолог в 1472 г. в Москву Афанасию Чичерину, сын которого, Иван, стал называть себя Чичериным. Георгий (по-другому Егор, Юрий) Чичерин был

младшим сыном Василия Николаевича Чичерина (1829–1882), успешного дипломата, служившего в Париже и Турине, и Каролины Георгины (Жоржины) баронессы фон Мейендорф, происходившей из семьи известных дипломатов, ученых и государственных деятелей.

Детство Юры (Георгия) прошло в отцовском имении в селе Покровском. Как позднее вспоминал Г.В. Чичерин, распорядок дня был связан с молитвами, мессианизмом, экзальтацией, так как родители были последователями учения пиетизма. Мать рано распознала наклонности своих детей, поддержала их музыкальное воспитание. Музицирование на рояле, собственные музыкальные сочинения остались увлечением Г.В. Чичерина на всю жизнь. Младшему сыну мать предлагала вместо детских игр разбирать старинные дипломатические бумаги, географические карты, на которых намечались места сражений, а после того как они были выиграны, велись переговоры и формулировались мирные трактаты.

«Еще в гимназии произошла встреча Юрия с ровесником Мишей Кузьминым, будущим известным русским поэтом. <...> Между ними сложились отношения, определившие, пожалуй, самые важные стороны их личной жизни, в том числе их художественные вкусы и интимные особенности» (с. 30).

В 1890 г. Юрий с золотой медалью окончил гимназию и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Введенный в студенчестве В. Нарбутом в круг революционной молодежи, Чичерин надеялся на всеобъемлющий революционный взрыв. По окончании университета Г.В. Чичерин поступил на работу в архив МИД. Проблема выбора жизненных целей для молодого дипломата, успевшего в университетские годы проникнуться революционными идеями, оставалась открытой. В архиве ему было поручено составить описание внешней политики России во времена, когда российским канцлером был А.М. Горчаков (1867–1883 гг.). Работа настолько увлекла Г.В. Чичерина, что он задумался о создании книги о А.М. Горчакове. Рукопись этой работы, отмечает автор, была издана в 2009 г.¹ Именно эта рукопись, считает Л.Я. Томас, а не изданные в 1902 г. к юбилею МИДа «Очерки внешней политики России» представляют сегодня интерес для всех, кому важно понять становление Чичерина-дипломата и его отношение к традициям российской политики.

¹ Чичерин Г.В. Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова. – М.: Любимая Россия. – 2009. – 552 с.

Весной 1904 г. Г.В. Чичерин вынужден отправиться за границу, по-видимому, в связи с тем, что полиция нашла след подпольной организации, с которой он был связан, вероятно, через В. Нарбута. У Г.В. Чичерина быстро завязались контакты с социал-демократическими кругами в Берлине. Автор называет такие имена, как некая Галеркина, просвещавшая его в вопросах разногласий между искровцами и эсерами, и В.А. Бухгольц, русский немец, связанной в эмигрантских кругах революционеров. Г.В. Чичерин переписывался с одним из известнейших русских эмигрантов той поры – П.Б. Струве (1870–1944). Но в годы первой русской революции Г.В. Чичерин, разочаровавшийся в либеральном направлении П.Б. Струве, выступил в поддержку социал-демократов. Зимой 1907 г., помогая эмигрантам-революционерам, поток которых из России возрос, он начал работать в Заграничном центральном бюро российской социал-демократии и вскоре стал его секретарем. Существенными стали контакты с немецкими левыми социал-демократами, среди которых были Карл Либкнехт и Оскар Кон. Германская социал-демократия видела в Г.В. Чичерину, как и большинству вождей российской революционной эмиграции, образец организации и дисциплины.

В начале 1908 г. Г.В. Чичерин был арестован немецкой полицией вместе с другими 17 русскими эмигрантами и обвинен в революционной деятельности, но ему удалось избежать обычного в таких случаях исхода – высылки под стражей в Россию. Но Пруссию он должен был покинуть. После этого начались его скитания по Европе: за Веной следовала Женева, дальше – Париж, где произошла встреча с Ю.О. Мартовым, а затем и с В.И. Лениным. «Ленина Чичерин узнал и начал понимать постепенно...» (с. 60–61).

Констатируя глубокие различия позиций лидеров российских социал-демократов в момент начала Первой мировой войны, Г.В. Чичерин, которого «незадолго до войны можно было причислить к каутскианцам», когда в условиях войны речь заходила о «защите отечества», занял особую позицию, отвергая пригодность этого лозунга для Германии и России, «где господствовал отсталый, полуфеодальный тип капитализма» (с. 63).

Г.В. Чичерин перебирается в Лондон, где проводит годы до возвращения в Россию. В письме Л.Г. Дейчу в Нью-Йорк он отмежевался и от Л.Б. Троцкого с его идеей революционной эпохи и от Ю.О. Мартова, особенно же досталось В.И. Ленину, который «беснуется, будто с цепи сорвался и проповедует “гражданскую войну”» (с. 64). В другом письме есть добавление: «...неверно,

будто мы подошли вплотную к социалистической революции» (с. 64). Сарказм оценки Г.В. Чичериным ленинской позиции, замечает автор, не привел к последствиям в его поведении, более того, он постепенно разочаровывался в меньшевиках.

Начиная с 1916 г. в статьях Г.В. Чичерина, публиковавшихся под псевдонимом Орнатский в парижском социал-демократическом «Новом слове», стала звучать критика британской политики и либерально-буржуазных кругов, на которые ранее он возлагал надежды. Свое «согласие с т. Орнатским, снискавшим себе большую заслугу интернационалистской работой в Англии», высказал В.И. Ленин (цит. по: с. 65). Популярность, однако, Г.В. Чичерин снискал не статьями, а работой по защите прав эмигрантов. Он был в Англии персоной нон грата, так как обладал информацией о сотрудничестве британских секретных служб с осведомителями царского департамента полиции. В августе 1917 г. Г.В. Чичерин получил от Временного правительства в Петрограде интересное поручение – расследовать деятельность этих российских осведомителей за границей. Но позже оказалось, что ни Временное правительство Керенского, ни английские власти не были заинтересованы в таком расследовании. Получилось иначе: последние месяцы эмиграции Г.В. Чичерин провел в английской тюрьме, так как в русском социал-демократе заподозрили немецкого шпиона.

После победы Февральской революции в России во Временном правительстве в Петрограде находились его товарищи по партии, но с ними у Г.В. Чичерина тогда уже были глубокие разногласия. В мае 1917 г. он сказал И.М. Майскому, что «меньшевики – это жирондисты русской революции и их ждет судьба жирондистов, мне с ними не по пути, война меня многому научила и сейчас все мои симпатии на стороне русских якобинцев» (с. 69). После освобождения из Бринкстонской тюрьмы в Англии (после Октябрьской революции новый глава российского внешнеполитического ведомства Л.Д. Троцкий отправил Англии ноту с требованием его освобождения) Г.В. Чичерин прибывает в Петроград, где на Финляндском вокзале неожиданно для него его встречает толпа друзей и единомышленников.

21 января 1918 г. Совнарком поручил Г.В. Чичерину формирование нового внешнеполитического аппарата. Он становится заместителем наркома, а затем вторым после Л.Д. Троцкого наркомом по иностранным делам нового правительства. В.И. Ленин не сомневался в преданности Г.В. Чичерина делу революции и в его качествах дипломата. Но даже он не мог полностью оградить

его от недоверия и прямых нападков, которым в новом окружении подвергался выходец из дворян, да еще и недавний меньшевик. «Тяга к деятельности по осуществлению мечты привела романтически настроенного Чичерина в стан верных сподвижников Ленина», с которым он уже в первый год совместной работы дважды – в спорах о Брестском мире и в вопросе о сроках и условиях создания Коминтерна – шел на соглашение в силу убедительности его аргументов (с. 80).

Круглосуточный режим работы, практиковавшийся в первые месяцы и в других советских учреждениях, только в Наркоминделе оставался нормой во все время пребывания там Г.В. Чичерина, т.е. до конца 1920-х годов. Нарком не только работал, но и жил в помещении, предписанном для служебных целей (основным помещением ведомства после переезда правительства из Петрограда в Москву стала гостиница «Метрополь», позднее оно переехало в здание на углу Лубянки и Кузнецкого моста). По поводу стиля его работы возникали легенды, так английская журналистка писала, что «он переходил от одной стенографистки к другой, диктуя – на французском, английском, немецком или русском – одинаково непринужденно», и стенографистки могли определить его настроение в зависимости от того, на каком языке он диктовал (с. 82).

Брестский мир предусматривал установление дипломатических отношений между Германией и Советской Россией, ее первое юридическое признание. ЦК РКП (б) 7 апреля 1918 г. назначил полпредом РСФСР в Берлине А.А. Йоффе. Его задача была определена как «координация действий русских и немецких коммунистов по организации германской революции» (с. 93). Пространная переписка Г.В. Чичерина с А.А. Йоффе служит аутентичным источником, позволяющим судить о взглядах обоих на Германию времен Ноябрьской революции 1918 г. Г.В. Чичерин однажды откровенно написал А.А. Йоффе: «У нас создались треугольные отношения: я за дипломатизирование, осторожность, смягчение углов, Троцкий за яркие выступления, Ленин любит бить в барабан, но сознательно ведет политику осторожно, и перекидывается то туда, то сюда. Рицлер сознательно гадит. От лево-эсеровской провокации можно ждать сюрпризов... Все вместе очень невесело» (с. 96–97). В ходе экономических переговоров Г.В. Чичерин почти ежедневно встречался с упомянутым советником германской миссии Куртом Рицлером, фактически возглавившим посольство в Москве после убийства посла графа Мирбаха. Автор подробно описывает этот эпизод бурного лета 1918 г. – убийство эсеровскими

террористами германского посла, поведение Г.В. Чичерина, отличавшееся от поведения других большевистских руководителей. Он ожидал похоронную процессию, стоя в машине на полпути следования, тем самым неофициально проводив в последний путь Мирбаха и, появившись на вокзале, откуда прах Мирбаха отправлялся на родину, возложил венок с надписью на белой ленте: «Смерть графа Мирбаха – тяжелая утрата для нас: он пал, отстаивая идею мира» (с. 106–107).

Весной 1919 г. организационная работа по созыву Учредительного конгресса Коминтерна стала на время главным занятием Г.В. Чичерина. Он приложил немало сил, чтобы Конгресс состоялся. Он, «вероятно, еще не мог представить, каким трудным окажется сочетание его профессиональной работы с убеждением в необходимости готовить мировую революцию» (с. 116). По предложению В.И. Ленина Г.В. Чичерин написал на немецком языке брошюру для публикации в Германии, содержащую призыв к германским рабочим выступить против грабительского Версальского договора и учредить по примеру русских рабочих диктатуру пролетариата под руководством Коммунистического Интернационала.

В главе «Дипломат Советского Союза» идет речь о таком примечательном событии в истории советской дипломатии, как Генуэзская конференция апреля 1922 г., главой советской делегации на которой был Г.В. Чичерин. Подготовка шла под руководством В.И. Ленина, но в отличие от Г.В. Чичерина, глава Советского государства не видел шанса на успех конференции, успехом, по его мнению, был бы срыв этой конференции. Г.В. Чичерин отвечал ему, опираясь на мнение специалистов-хозяйственников, что «позарез нужны помощь Запада, заем, концессии, экономическое соглашение...» (с. 137–138).

В Генуе Г.В. Чичерин, его заместитель М.М. Литвинов и Л.Б. Красин выступали единым фронтом по вопросу возмещения долгов царской России. Но так было не всегда. Автор подчеркивает далее, что на протяжении всей деятельности Г.В. Чичерина на посту наркома он сталкивался с двумя препятствиями: первое – подспудная, а потом все более открытая конкуренция с М.М. Литвиновым, прикрывавшая наличие глубоких разногласий; другое выросло из отсутствия или нарушения четких разграничений между полномочиями Наркоминдела и Коминтерна. После Генуи и Рапалло внешнеполитические успехи Советской России стали восприниматься за рубежом прежде всего как личная заслуга Г.В. Чичерина.

На пост посла в Москве после заключения договора в Рапалло был назначен известный деятель граф У. Брокдорф-Ранцау, много сделавший для укрепления германо-советских отношений в период Веймарской республики. Автор монографии уделяет должное внимание контактам Г.В. Чичерина с У. Ранцау, цитирует записи их бесед. Между У. Ранцау и Г.В. Чичериным возникли личные симпатии, которые с середины 1927 г. перерастают в дружбу. И.В. Сталину не нравились тесные отношения Г.В. Чичерина с немецким послом и группой других немцев, «которых ему проще всего было считать врагами, соблазняющими по-детски наивного наркома» (с. 193). Для Г.В. Чичерина эти немцы в Москве были важны как проводники его политики в Германии, и он пытался защищать их от козней всевидящего ока ГПУ, представителем которого в НКВДе был Меер Трилиссер.

Отдельные страницы монографии посвящены отношениям Г.В. Чичерина со И.В. Сталиным, ставшего в 1922 г. генсеком партии большевиков. Л.Я. Томас цитирует некоторые отчеты наркома И.В. Сталину, в которых Г.В. Чичерин аргументировано, как это было, например, по поводу конференции в Лозанне осенью 1922 г., отстаивает собственное мнение по важнейшим вопросам международной политики. Сотрудничество Г.В. Чичерина с новым руководством складывалось «бурно и неоднозначно» (с. 176). И.В. Сталин был заинтересован в поддержании внутреннего конфликта в руководстве НКВД между Г.В. Чичериным и М.М. Литвиновым, «не давал потухнуть огню, питаемому взаимным недоверием и конкуренцией» (с. 176). Дошло до того, что Г.В. Чичерин подал в отставку (письмо Сталину в мае 1925 г.), которая не была принята. Речь, правда, шла не о болезни и спорах с М.М. Литвиновым, в центре письма стояли политические разногласия по восточной политике с представлявшим правительство А.И. Рыковым.

В последней главе «Отчуждение» речь идет о жизни и деятельности Г.В. Чичерина в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Вернувшись после своей поездки на лечение в Европу в 1927 г., где он сумел в Берлине и Париже встретиться с высшими представителями министерств иностранных дел, в Москве Г.В. Чичерин столкнулся с «сюрпризами». Изменения произошли в самой атмосфере Наркоминдела: созданное им детище служило теперь другому начальнику – М.М. Литвинов взял после очередной чистки аппарат в свои руки. Несогласованности в руководстве Наркоминдела, пишет автор, наносили вред взаимоотношениям СССР с главными державами мира. Г.В. Чичерина будто совсем не интере-

совали внутренние разборки во властной верхушке, все более занимавшие ведущих лидеров партии и государства. Это можно объяснить по-разному, считает Л.Я. Томас, ситуация выглядела так, что альтернативой И.В. Сталину могли быть только Л.Д. Троцкий в союзе с Г.Е. Зиновьевым, что никак не устраивало Г.В. Чичерина.

Несмотря на просьбы Г.В. Чичерина об отставке, партийное руководство не соглашалось с этим и настаивало на продолжении его лечения в Германии, где он побывал снова в 1928 г. и 1929 г. Власти и прежде всего Сталин, пишет автор, настойчиво отказывались освободить Г.В. Чичерина от должности наркома. Г.В. Чичерин не раз выступал с прямым непризнанием доводов и критикой тезисов И.В. Сталина, например, по поводу «социал-фашизма» социал-демократов, вошедшего в программу Коминтерна. Линия Коминтерна, по мнению Г.В. Чичерина, не учитывала реальной ситуации в рабочем движении стран Европы, и в первую очередь Германии, не меньше беспокоил наркома вред такой линии для советской политики. Высочайшей целью он по-прежнему считал мировую революцию. Путь к ней лежит через укрепление СССР. «Но это вовсе не значит – замуроваться в собственных границах и строить свой “социализм в одной отдельно взятой стране”» (с. 252). Политбюро в конце 1929 г. настаивало на скорейшем возвращении Г.В. Чичерина после окончания курса лечения на родину.

3 января 1930 г. исполнилось ровно 12 лет с того дня, когда Г.В. Чичерин в 1918 г. вернулся в Россию из эмиграции. В этот день он снова вернулся на родину, однако при совсем иных обстоятельствах. Вместо тогдашнего назначения на высший дипломатический пост в стране Г.В. Чичерину предстояло теперь простое оставление всех занимаемых постов. Все более усиливается его изоляция, связанная не только с болезненным состоянием. Об этом свидетельствуют его письма брату от 14 апреля и 29 июля 1930 г. 21 июля 1930 г. Президиум ВЦИК удовлетворил его просьбу и освободил его от обязанностей наркома в связи с уходом на пенсию. На первой своей пресс-конференции для представителей иностранной печати новый нарком М.М. Литвинов отметил, что никаких изменений во внешней политике не следует опасаться, что он будет использовать опыт своего предшественника – блестящего дипломата и государственного деятеля.

Для пенсионера Г.В. Чичерина прощание с миром затянулось еще на долгие, и отчасти мучительные из-за болезни, шесть лет. Он провел их, лишь изредка выходя на прогулки из своей квартиры в Спасопесковском переулке Арбата.

Если применить к нему выражение А.М. Горчакова, то Г.В. Чичерин, стряхнув с себя бремя бесконечных дел и волнений по ведомству иностранных дел, хотел сосредоточиться теперь на давно вызревавшем крупном литературном труде о творчестве Моцарта. Болезнь не позволила ему полностью осуществить эти планы, он скромно назвал свой большой труд «исследовательским этюдом», не предназначая его для публикации. Завершив рукопись, он послал ее своему брату Николаю, А.В. Луначарскому, музыковеду Е.М. Брауде и историку-архивисту Е.А. Адамову. Рукопись была издана как книга в Советском Союзе лишь в 1970 г. В качестве эпиграфа тексту было предпослано признание Г.В. Чичерина в письме его брату Николаю от 14 апреля 1931 г.: «Для меня Моцарт был лучшим другом и товарищем всей жизни, я ее прожил вместе с ним, самым сложным и тонким, самым синтетическим из всех композиторов, стоявшим на вышке мировой истории, на перекрестке исторических течений и влияний» (с. 257).

Предположение, что «Моцарт» – книга Чичерина о самом себе, высказывалось неоднократно, хотя намеков на собственную судьбу автором нигде не высказан (с. 259). Идея Г.В. Чичерина оставить о себе след записками о Моцарте, а не воспоминаниями о дипломатических и политически местнических баталиях была гениальным стратегическим решением, она была рассчитана на тех, чья память ему была важна.

Умер Г.В. Чичерин 7 июля 1936 г., он похоронен в центре кладбища Новодевичьего монастыря, на могиле стоит обелиск. Несмотря на стремление власти подвергнуть его жизнь и деятельность забвению, в 1960-е годы вышли первые работы о нем, в 1972 г. был отмечен столетний юбилей наркома. Его взгляды на задачи внешней политики России стали востребованы в российском МИДе. Деятельность Г.В. Чичерина рассматривается ныне историками и дипломатами как некое связующее звено между традициями, заложенными в XIX в. А.М. Горчаковым, и устремлениями современной российской политики.

Среди множества вопросов, которые в этой книге лишь поставлены, пишет Л.Я. Томас, особенно заслуживающей внимания кажется мысль о том, что решающим во всей жизни и деятельности Г.В. Чичерина был синтез, или симбиоз представлений, сложившихся у него на почве революционного марксизма и в соприкосновении с воззрениями консервативного либерала дяди Бориса (Б.Н. Чичерина. – *Прим. реф.*). Став профессиональным дипломатом высшего класса, Георгий Васильевич сохранил

незыблемую убежденность в неотвратимости применения революционных методов преобразования миропорядка. Как некогда и Моцарт, он стремился к великой гармонии человечности и высшего Разума. «У меня были революция и Моцарт», – так резюмировал Чичерин свою непросто прожитую жизнь» (с. 267).

В.П. Любин

Е.О. Опарина

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: БИОГРАФИЯ НА ГРАНИЦЕ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
(Аналитический обзор)**

*«Есть только одна черта, присущая всем:
признание значительности Петербурга»
(Н.П. Анциферов «Душа Петербурга», 1922 г.).*

Первым исследователем, который подошел к изучению истории Санкт-Петербурга как к проявлению живой, имеющей душу индивидуальности, в российской филологии был выдающийся филолог и историк Николай Павлович Анциферов, ученик И.М. Гревса и продолжатель его исторического метода изучения городов. Именно Н.П. Анциферов в первые десятилетия XX в. в работах «Душа Петербурга», «Быль и миф Петербурга» и «Петербург Достоевского» (4–6) заложил основы темы, которая во второй половине столетия получила развитие в отечественной филологии под названиями «петербургский миф русской культуры» и «петербургский текст русской литературы» (15–17; 20; 22). Н.П. Анциферов писал: «Город Петра оказался организмом с ярко выраженной индивидуальностью, обладающим душой сложной и тонкой, живущей своей таинственной жизнью, полною трагизма» (5, с. 39). Приведем также другое высказывание исследователя, касающееся истории города и его восприятия сознанием людей: «Образ города имеет свою судьбу. Судьба понимается здесь, как органическое развитие единичного явления. Понятие судьбы приложимо только к личности, как носительнице индивидуального начала. Судьба есть историческое выявление личности. Безликий процесс не может быть определяем судьбой. Таким образом, здесь утверждается идея индивидуальности образа города, имеющего свою судьбу.

Он живет своей жизнью, как и сам город, независимой от впечатлений отдельных его обитателей» (5, с. 45). В подходе Н.П. Анциферова к предмету исследования прослеживаются две идеи. С одной стороны, это мысль о Петербурге как о живом индивиде, о личности – то, что дает право говорить об истории города как о биографии отдельного человека¹. С другой – идея связи этой истории-биографии с культурой через понятие «образ города». Этот образ со временем развился в русской культуре в особый петербургский миф, который воплощен в разных знаковых системах искусства и кодах культуры.

Петербургский миф, элементы которого анализируются в данном обзоре, является именно культурным мифом. В понимании данного термина мы ориентируемся на определение известного филолога А.Б. Пеньковского, выявляющее следующие смысловые и формальные параметры этого понятия:

- культурный миф – это сложный культурно-языковой комплекс, в котором соединены образы, сюжетные мотивы и имена;
- культурный миф черпает свое содержание как из текстов литературы и искусства, так и из жизни;

¹ Одним из доказательств того, что город видится культурным сознанием как индивидуальность, является эмоционально-оценочное отношение, которое он к себе вызывает. В случае великих городов, играющих большую роль в истории своей страны или всего мира и порождающих собственную мифологию, это отношение может колебаться от восторженного до резко негативного. Такой феномен отмечают исследователи, например, французский историк Б. Удэн, на примере Лондона как одной из метрополий, «...несущих в себе все самое худшее и самое лучшее: нищету и славу, тень и свет, преступление и самоотверженность, трусость и героизм, ...смерть и жизнь» (23, с. 9). Б. Удэн также пишет о том, что искусство и литература обязательно отражают эти противоречия. Среди английских поэтов, вдохновлявшихся Лондоном, У. Данбар (XVI в.) и У. Вордсворт. В противоположность им, У. Блейк, родившийся в Лондоне и проведший в этом городе всю жизнь, писал об «улицах блудниц близ берегов блудницы Темзы» (цит. по: 10, с. 10), а П.Б. Шелли принадлежит следующий афоризм: «Ад – это место, напоминающее Лондон, этот густонаселенный и погрязший в копоти город» (там же). В этих высказываниях важно то, что город предстает как объект оценки, что свидетельствует о его вхождении в ценностную систему культуры. Другой биограф Лондона, П. Акройд, пишет об этом городе как о человеке, подчеркивая его телесное начало и одушевленность, способность влиять на события (1; 24). Оценки Петербурга в петербургском мифе также антагонистичны – от восхищения до ненависти. Ряд исследователей отмечают, что в рамках этого мифа и представляющих его текстов можно выделить особый «текст ненависти к Петербургу» (5; 21). – *Прим. авт.*

– культурный миф несет на себе моделирующую и креативную функции: он задает определенную концепцию, модель восприятия явления и его элементов, способствуя возникновению новых текстов: «Миф складывается из текстовых образов и сюжетов, рождаясь из них, как Венера из пены, и одновременно порождает новые тексты, которые сразу же возвращаются в давшее им жизнь лоно, углубляя и упрочивая его» (20, с. 71);

– культурный миф, особенно если это миф нового времени, может не иметь одного или основного текста своего воплощения: «Миф живет виртуальной жизнью в воздухе культуры, в культурном сознании своего времени, воплощаясь во множестве частных текстов (текстов литературы и искусства, но также и текстов жизни!)» (там же, с. 70);

– у культурного мифа может быть центр, или ядерная мифологема (образ, сюжетный мотив или имя) (там же, с. 583)¹.

Необходимо отметить, что в истории гуманитарных исследований Н.П. Анциферов не был первым, кто стал разрабатывать тему города как живой личности, а Санкт-Петербург, в свою очередь, не является единственным городом, изучаемым как живой организм и индивид. «Город – один из сильнейших и полнейших воплощений культуры, один из самых богатых видов ее гнезд. <...> Образы городов давно уже привлекают умы и энергии тех, кто предан “человечности”, кто ощущает свою связь с *humanitas* и *humana civilitas*» (10, с. 9). Среди предшествующих работ, авторы которых пытаются не только описать город, как «красивую плоть», но и «почувать его, как глубокую, живую душу» (там же, с. 10), И.М. Гревс и Н.П. Анциферов называют «Образы Италии» П.П. Муратова (18), «Италия: *Genius loci*» Вернон Ли (8) и, из еще более ранних, статью А.И. Герцена «*Venezia la bella*» (10).

То, что Санкт-Петербург с самого момента своего основания оказался чрезвычайно мифогенным феноменом, отмечают многие исследователи. Причины этого явления указываются сходные по сути, однако они интерпретируются в разных парадигмах гуманитарного знания и с разными оценочными знаками. Вяч. Иванов, определяя миф «как воспоминания о мистическом событии, о космическом таинстве» (цит. по: 4, с. 50), писал: «Явления позднейшей

¹ Эти параметры культурного мифа были выделены А.Б. Пеньковским на материале исследования «мифа о Нине», который сложился в русской литературе первой трети XIX в., по выражению этого исследователя, «как часть великого петербургского мифа» (20, с. 67). – *Прим. авт.*

культуры, исторические события не создадут ядра нового мифа. Он явится как результат преломления мифотворческим сознанием новых явлений на основе какого-либо древнего мифа. Для того чтобы он зародился, должны были произойти чрезвычайные события, которые бы потрясли душу целого народа. Ибо миф не может быть созданием единичного сознания» (там же). Основание Санкт-Петербурга в начале XVIII в. стало событием, глубоко потрясшим русский народ и страну. Это потрясение выразилось в особом преломлении феномена Петербурга сознанием народа и, как результат, в создании русской культурой петербургского мифа. Имея в виду его самостоятельность и целостность, можно утверждать, что он возник как новый миф. Вместе с тем в нем нашли отображение многие архетипы старых, древних мифологий.

Несомненно, большую роль в осмыслении этого города как совершенно особого для России явления играют обстоятельства его основания и его особый характер. Петербург принадлежит к типу тех городов, которые возникли в силу сложных потребностей развивающегося государства, в обстановке уже сложившихся культурных традиций. Такие города обычно несут в себе набор определенных признаков, а именно: они развиваются не стихийно, а по плану; в силу этого они отличаются большей правильностью планировки, чем стихийно возникшие города, заметной «искусственностью»; они также несут на себе печать личности своего создателя и преследуемой им цели (5). Однако помимо типических черт, свойственных многим «спланированным» городам, Петербург обладает рядом отличающих его индивидуальных признаков. Это город, возникший «на краю» страны, на границе ее культуры, а если иметь в виду географические условия, – «на краю» земли (причем на северном «краю»), на границе с водной «бездной». «Творение на краю Космоса и Бездны» – один из архетипов индоевропейской мифологии. Эта ситуация всегда предстает как конфликтная, как животворящий поединок между Демиургом и его врагом (14). Однако при этом Санкт-Петербург возник, как представлялось человеческому сознанию прежде всего русскому культурному сознанию, еще и «вопреки»: не только вопреки природе, но и вопреки воле Бога. Он также был основан и первое время развивался вопреки предшествующему культурному опыту огромного большинства народа – его миропониманию, вере и желаниям. Он слишком сильно отличался от остальной России и потому виделся как иностранный, «чужой», а значит – как нечестивое творение «темных сил». Все названные характеристики Санкт-

Петербурга нашли метафизическое переосмысление в отдельных мифологических мотивах, в частности, в мифе об основателе города, в эсхатологическом мифе Петербурга и в мифе о городе-призраке, порождающем фантазмагории (4–7; 15; 22). Эти черты определили также внутреннюю конфликтность, антагонистичность петербургского мифа.

Ю.М. Лотман, анализируя культуру и ее объекты как знаковые (семиотические) системы, отмечает особую роль города в системе семиотических знаков, выработанных культурой: «Город, как сложный семиотический механизм, генератор культуры, может выполнять эту функцию только потому, что представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» (15, с. 282). Исключительную мифогенность Петербурга Ю.М. Лотман объясняет отсутствием (до начала XVIII в.) истории у этого рационалистического по замыслу города-утопии¹, изначальной «семиотической пустотой», которую миф быстро начал собой заполнять. Поэтому история Петербурга неотделима от петербургской мифологии: «Еще задолго до того, как русская литература XIX в. – от Пушкина и Гоголя до Достоевского – сделала петербургскую мифологию фактом национальной культуры, реальная история Петербурга была пронизана мифологическими элементами. Если не отождествлять историю города с официально-ведомственной историей, получающей отражение в бюрократической переписке, а воспринимать ее в связи с жизнью массы населения, то сразу же бросается в глаза огромная роль слухов, устных рассказов о необычайных происшествиях, специфическом городском фольклоре, играющем исключительную роль в жизни “северной Пальмиры” с самого момента ее основания» (15, с. 283).

Внутренняя конфликтность петербургского мифа в рамках семиотического подхода интерпретируется как выражение вечной борьбы стихии и культуры, которая реализуется в первую очередь как антитеза воды и камня. Однако в системе представлений этого мифа вода и камень меняются ролями: вода видится как вечное начало, разрушающее камень и грозящее гибелью; камень же, лишаясь признаков устойчивости, способности противостоять напору воды и ветра, наделяется свойствами перемещаемости и становится уязвимым, не имеющим надежной опоры артефактом.

¹ Иная точка зрения на эту проблему представлена в работе Д.Л. Спивака (21; см. так же 19). – *Прим. авт.*

Таким образом, соотношение природных стихий воды и камня дает здесь «перевернутый» (перверсный) образ мира (15, с. 279). С одной стороны, город-камень, лишенный надежной опоры, воздвигнутый к тому же на границе культурного пространства, «на краю земли», концентрирует вокруг себя элементы эсхатологических ожиданий. Действительно, идея обреченности и предсказания неминуемой гибели неотделимы от городской мифологии с самого начала петербургской истории и отражены в петербургском тексте русской литературы. Как правило, городу предсказывается гибель от «водной бездны», т.е., говоря языком архаического мифа, от потопа. С другой стороны, уподобление Петербурга «вечному городу» Риму – ассоциация, сформулированная еще в петровские времена и к началу XIX в. получившая широкое распространение, – переносила на город идею «вечного» существования. Таким образом, осмысление перспективы города в петербургском мифе также оказывается оксюморонным: это одновременно город и вечный, и обреченный на гибель (17).

Большая роль слухов в городском фольклоре Петербурга отмечается О.Г. Агеевой, которая подчеркивает, что слухи стали неотъемлемой чертой самосознания города с самого начала его строительства и существования (2). Так, все слухи начала XVIII в. по своему характеру относятся к пессимистическим «слухам-пугалам», выражающим атмосферу страхов, тревоги и острых конфликтов. Некоторые из этих городских слухов сформировали свои мифологемы, которые стали устойчивой чертой петербургской мифологии. Это, например, мотив негодности петербургской земли к жизни (стереотипное представление о строительстве города «в гиблом месте») и убеждение, что город построен «на костях» первых строителей. До настоящего времени между исследователями идут споры о том, насколько подобные слухи соответствовали реальности или же, наоборот, были гипертрофированной реакцией на тяготы и конфликтность ситуации строительства города (ср. 2 и 3).

Осознание города как «искусственного», созданного вопреки божественной воле и стихиям, также трансформировалось в петербургском мифе в смысловой оксюморон. Город, задуманный как реализация рационалистической утопии, создаваемый по «регулярному» плану согласно разумной человеческой воле¹, генери-

¹ Такова во всяком случае была «официальная версия». Конечно, в действительности, особенно на начальном этапе строительства Санкт-Петербурга,

ровал мифологию фантазмагорического пространства. Петербург представлен в культуре как город-призрак, город, суть которого отлична от явленного в его планировке и архитектуре, или же как город-декорация. Мотив тайны стал, по утверждению В.Н. Топорова, одной из главных тем петербургского текста русской литературы, тесно связанной с другими его мотивами (22). Тайна как явление, имеющее мистическую природу и в принципе неразрешимое, рассматривается в качестве объединяющей основы всей петербургской поэтики и главного движущего механизма ее сюжета (11). В.А. Бачинин, противопоставляя феноменальное и ноуменальное (т.е. доступное созерцанию vs. непостижимое рассудком) в стилистике и атмосфере города, пишет: «Петербург, лежащий перед нами, казалось бы, как на ладони, оказывается загадочной “вещью в себе”, недоступным для рассудочных усилий ноуменом» (7, с. 28).

Ю.М. Лотман обращает внимание на особый жанр петербургского фольклора – устный рассказ, в котором часто развивается идея призрачности города и фантастичности происходящих в нем событий. Этот жанр представлен, в частности, в салонном фольклоре первой трети XIX в. – в кругу близких к А.С. Пушкину петербургских литераторов 1820–1930-х годов. Одна из таких легенд, стилизованная под финский фольклор, содержится в повести В.Ф. Одоевского «Саламандра»: персонаж повести, старый финн, рассказывает о том, как царь Петр поднимал из воды скалы, ковал из них город на воздухе и лишь потом опустил его на землю. Таинственный «петербургский» рассказ культивировал друг А.С. Пушкина, поэт А. Дельвиг. Сама смерть А. Дельвига породила целый цикл мистических легенд, а современники, в том числе рационалистически настроенные, признавали, что и при жизни с ним происходило многое, кажущееся фантастическим. Петербургская мифо-

были серьезные отступления от этого принципа. Рассуждения на этот счет содержатся в работе В.В. Кукушкиной и Н.К. Шаблаевой (13), где авторы описывают неоднократные изменения плана при основании и первоначальной застройке города. В дальнейшем время серьезно скорректировало его облик и характер по отношению к исходному плану основателя. Уже в XIX в. выявились неоднородность и многослойность планировки и архитектуры города. Регулярность, «ансамблевость» застройки – в действительности только один из типов его пространственной композиции, ставший в культурном сознании преобладающим. Этой точки зрения придерживаются, например, В.Н. Топоров (22), Ю.М. Лотман (15) и Г.С. Лебедев (14). Таким образом, «правильность» петербургского пространства также оказывается одной из мифологем петербургского мифа и петербургского самосознания. – *Прим. авт.*

логия в произведениях Пушкина, Гоголя, Достоевского опиралась на традицию устного рассказа «и, наравне с устной же традицией анекдота, вводила его в мир высокой словесности» (15, с. 286). Корни салонного устного рассказа о фантастическом петербургском происшествии уходят в XVIII в. Известен рассказ великого князя Павла Петровича (будущего императора Павла I), датированный 10 июня 1782 г. в Брюсселе. Великий князь рассказал о явлении ему в Петербурге, во время ночной прогулки, призрака Петра I. Прадед предсказал Павлу недолгую жизнь и привел его на Сенатскую площадь, пообещав встречу на этом месте. Впоследствии именно здесь был установлен знаменитый памятник Фальконе.

Другой мотив петербургской мифологии – «город-декорация», «город-театр» – коренится в неорганичности для России петербургской культуры, ориентированной на Запад, что особенно остро ощущалось в начальный период ее существования. Заметным ее проявлением была необычная архитектура города: «Уже природа петербургской архитектуры – уникальная выдержанность огромных ансамблей, не распадающаяся, как в городах с длительной историей, на участки разновременной застройки, создает ощущение декорации» (15, с. 287). При этом театральность Петербурга проявляется в отчетливом его разделении на парадную «сцену» и зрителя, которые друг для друга «как бы существуют», но в то же время составляют разные реальности. Так, парадная, дворцовая часть города и его отдаленные от центра районы (такие как Коломна, дальние части Васильевского острова, окраины) осмыслились по отношению друг к другу как антитетичные. Каждое из этих пространств имело свой миф и своих персонажей, и их пересечение или столкновение порождало необычные сюжеты. Также Петербург постоянно конструировал категорию внешнего наблюдателя на самого себя. Это может быть «взгляд из России / Москвы» или «взгляд из Европы». Чувство наблюдателя, которого не следует замечать, усугублялось ритуальными церемониями имперской и военной столицы: «Солдат на параде – постоянно на виду, ...его видят и он существует для наблюдателей, но они для него невидимы и не существуют» (там же, с. 288).

Все элементы петербургского мифа пересекаются в мифологизированном образе его создателя – российского императора Петра I. Поэтому мифологема основателя города и его имени является одним из центральных элементов петербургского мифа. Миф о Петре – создателе города характеризуется той же внутренней

антиномичностью, что другие элементы петербургского мифа и самооценка всей петербургской культуры.

Как отмечалось выше, внутри петербургского мифа Петр Великий – Демиург, создатель особого упорядоченного мира, Космоса. Однако отношение к царю-демиургу и результату его творения противоречиво – как в историческом сознании народа в целом, так и внутри петербургской мифологии. В народном сознании сформировались два противоположных образа первого российского императора, однако в обоих случаях Петр предстает как сверхчеловеческое существо, превышающее людские возможности и способности. Первая оценка – царь-реформатор, который ценой невероятных усилий и работоспособности вывел страну на новый путь развития; вторая – Петр-губитель, выразитель злого начала. Крайнее выражение этого представления – Петр-антихрист. Причем мысль о Петре-антихристе первоначально появилась у лиц, не принадлежащих к кругу раскольников, хотя впоследствии она получила идеологическое оформление и широкое распространение именно среди староверов: «В эпохе, столь насыщенной религиозным возбуждением, столь сотрясенной напряженной борьбой, легко могли пробудиться мифотворческие силы, и легенда о пришествии антихриста в его граде явилась ее знамением» (4, с. 53). Исторически в народе первой сложилась негативная оценка – «таков был суд над личностью и делом петровым широких народных масс» (там же).

Однако исследователи отмечают, что Петр быстро превратился в кумира официальной России и той части российского общества, которая была ориентирована на западный путь развития. Вскоре после его смерти стал складываться официальный «панегирический» образ великого царя-реформатора, который для последующих поколений, в значительной мере также для историков, превратился в средство кодирования событий эпохи. «Сакрализация императора Петра началась еще при его жизни и имела глубокие корни в идеологии петровской государственности, несмотря на личную неприязнь Петра к торжественной ритуальности. Так, Феофан Прокопович регулярно уподобляет императора Петра апостолу Петру, обыгрывая евангельские слова о Петре как камне, на котором будет воздвигнуто грядущее здание» (17, с. 209–210)¹.

¹ Ассоциация «Петр – камень» и противопоставление «каменного Петербурга» старой «деревянной Руси», как и особая роль концепта камня в петербургском мифе, – отдельная, насыщенная культурными смыслами и внутренними антиномиями тема, пересекающаяся с разными мотивами этого мифа и входящая

Знаменательно, что довольно быстро в наименовании города стал затушевываться первый компонент «Санкт», акцентирующий посвящение города святому апостолу Петру, и, следовательно, само название стало ассоциироваться с царем-основателем. Тот же Феофан Прокопович связывает «царствующий Петрополь» с именем царя. «Так образ императора постепенно вытесняет образ апостола в функции патрона города; императору Петру начинают приписываться не только исторические качества основоположника и строителя, но и мифологические – покровителя и защитника» (там же, с. 211).

Культ «строителя чудотворного» восходит к античной традиции, в которой существовал особый «культ основателей». Так, легендарный основатель Рима Ромул был причислен к сонму древнеримских богов, имел свой храм и жрецов. Христианская культура России XVIII в. не позволяла прямо посвятить храм императору. Однако в городе есть не только храмовый культ апостола Петра, но и традиция почитания «дома основателя»: малый Петровский домик стал одной из святынь Петербурга (4). Отметим, что Исаакиевский собор носит имя святого, в день которого родился будущий император, и потому может рассматриваться как прославление факта рождения земного человека.

Все сказанное выше позволяет исследователям утверждать, что пушкинская петербургская повесть «“Медный всадник”» не является лишь продуктом индивидуального поэтического сознания» (5; 15–16; 22). Она – концентрированное выражение и оформление в художественной литературе мифа о строителе города, сочетающем в себе великие, сверхчеловеческие черты – одновременно жизнеутверждающие и страшные, губительные. Поэтому памятник Петру – Медный всадник скульптора Э.М. Фальконе – занимает центральное место среди культурных объектов города. Н.П. Анциферов называет этот памятник *Genius loci* Петербурга (5). Доминирование Медного всадника в самосознании петербургской культуры, как показал В.Н. Топоров, было прекрасно отрефлектировано русской литературой, получив в ней противоположные по типу оценки (22). В городской мифологии также существовали разные по характеру оценки представления. Ю.М. Лотман отмечает, что наравне с традицией почитания памятника в XIX в. существовали анекдоты о кощунственных выходках против «кумира на бронзовом коне»:

в петербургский текст русской литературы. В данном обзоре эта тема не рассматривается. – *Прим. авт.*

«Таков известный анекдот о графине Толстой, которая после наводнения 1824 г. специально ездила на Сенатскую площадь показывать язык императору» (15, с. 293). Рассказ, который приводится со ссылкой на записки П.А. Вяземского, свидетельствует, по мнению исследователя, о том, что кощунство есть «перевернутая» форма богопочитания.

Подобно тому как название памятника основано на языковом оксюмороне, соединяющем в одном имени идеи тяжести, неподвижности и стремительного движения, символика памятника также интерпретируется по-разному. Традиционная, «расхожая» трактовка – неукротимое движение вперед и триумф воли; змея же под копытом коня прочитывается как аллегория зависти, вражды и препятствий, чинимых Петру противниками реформ. Однако в памятнике видели и воплощение всадника Апокалипсиса. Эта интерпретация опирается на знакомое русской аудитории XVIII–XIX вв. пророчество Мефодия Патарского. Согласно его предсказанию, конь есть «весь мир», а хватающий его за пята змей – торжествующий антихрист (15). Известна также реакция на памятник со стороны польского поэта Адама Мицкевича, для которого главным смыслом скульптуры был неминуемый срыв коня вместе со всадником в бездну в случае дальнейшего движения (12). Различия трактовок выявляют как внутренний антагонизм петербургской культурной символики, так и зависимость интерпретаций от фоновых знаний и установок субъекта.

Города, особенно старые, «обросшие» историей, в ряду которых стоит в настоящее время Санкт-Петербург, накапливают культурную информацию и становятся мифогенными объектами культуры. Однако «по количеству текстов, кодов, связей, ассоциаций, по объему культурной памяти, накопленной за исторически ничтожный срок своего существования, Петербург по праву может считаться уникальным объектом» (15, с. 295). Внутренняя противоречивость «личности» этого города, его многослойность стали основой для исключительно интенсивной культурной и интеллектуальной жизни (там же).

Список литературы

1. Акройд П. Лондон: Биография / Пер. с англ. – М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2007. – 896 с.

2. Агеева О.Г. Петербургские слухи // Феномен Петербурга: Труды Междунар. конф., состоявшейся 3–5 ноября 1999 г. во Всероссийском музее А.С. Пушкина. – СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 2000. – С. 299–313.
3. Анисимов Е.В. Юный град: Петербург времен Петра Великого. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 365 с.
4. Анциферов Н.П. Быль и миф Петербурга // Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. – М.: Книга 1991. – С. 9–89. – Конволют.
5. Анциферов Н.П. Душа Петербурга // Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. – М.: Книга, 1991. – С. 15–228. – Конволют.
6. Анциферов Н.П. Петербург Достоевского // Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. – М.: Книга, 1991. – С. 9–106. – Конволют.
7. Бачинин В.А. Петербург как феномен и ноумен // Феномен Петербурга: Труды Междунар. конф., состоявшейся 3–5 ноября 1999 г. во Всероссийском музее А.С. Пушкина. – СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 2000. – С. 27–36.
8. Вернон Ли. Италия: Genius loci / Пер. с англ. – М.: Изд-во Сабашниковых, 1914. – 362 с.
9. Гаррет М. Венеция: История города / Пер. с англ. – М.: ЭКСМО, СПб.: Мидгард, 2007. – 352 с.
10. Гревс И.М. Предисловие // Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. – М.: Книга, 1991. – С. 9–12. – Конволют.
11. Иванова Н.Б. Загадка и тайна в литературе «петербургского стиля» // Феномен Петербурга: Труды Междунар. конф., состоявшейся 3–5 ноября во Всероссийском музее А.С. Пушкина. – СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 2000. – С. 96–102.
12. Кнабе Г.С. Воображение знака: Медный всадник Фальконе и Пушкина. – М.: РГГУ, 1993. – 17 с.
13. Кукушкина В.В., Шаблаева Н.К. Планы Петербурга как источники по топонимии города XVIII в. // Феномен Петербурга: Труды Междунар. конф., состоявшейся 3–5 ноября во Всероссийском музее А.С. Пушкина. – СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 2000. – С. 327–336.
14. Лебедев Г.С. Феномен Петербурга в региональном контексте // Там же. – С. 59–72.
15. Лотман Ю.М. Символические пространства // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек–текст–семиосфера–история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 239–295.
16. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф–имя–культура // Лотман Ю.М. Избранные статьи. – Таллин: Александра, 1992. – Т. 1. – С. 58–75.

17. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого: К проблеме средневековой традиции в культуре барокко // Лотман Ю.М. Избранные статьи. – Таллин: Александра, 1993. – Т. 3. – С. 201–212.
18. Муратов П.П. Образы Италии. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 1425 с.
19. Опарина Е.О. Петербург и его семиосфера: К проблеме глобализации // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты: Ежегодник. Теория истины. Язык в контексте глобализации / РАН. ИНИОН. – М., 2005. – С. 186–207.
20. Пеньковский А.Б. Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. – М.: Индрик, 2003. – 640 с.
21. Спивак Д.Л. Метафизика Петербурга: Начала и основания. – СПб.: Алетейя, 2003. – 480 с.
22. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы»: (Введение в тему) // Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. – СПб.: Искусство, 2003. – С. 7–118.
23. Удэн Б. Лондон: Биография города: Слава, испытания и тайны / Пер. с фр. – СПб.: Евразия, 2009. – 446 с.
24. Шубина А.В. Биография города как новый тип исторического повествования: (Питер Акройд «Лондон: Биография») // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – СПб.: РГПУ, 2009. – № 96. – С. 228–231.

П.Л. Артур
**ЦИФРОВЫЕ БИОГРАФИИ:
ЗАПЕЧАТЛЕТЬ ЖИЗНЬ ОНЛАЙН**

P.L. Arthur

Digital biography: Capturing lives online // a/b: Auto/Biography studies. – N.Y., 2009. – Vol. 24, N 1. – P. 74–92.

(Реферат)

В реферируемой статье Пол Артур (Австралийский национальный университет) высказывает свои соображения о возникновении некоего феномена, еще не имеющего общепринятого наименования и определенных границ, который он назвал «цифровая биография» (digital biography) (с. 74). Современные цифровые технологии, пишет автор, дают нам возможность запечатлеть каждую минуту человеческой жизни, из чего можно создать своего рода электронный коллаж человеческой жизни, и эта цифровая биография будет разбросана по компьютерным сетям всего мира. Но, подчеркивает П. Артур, форматы и жанры цифровой биографии будут отличаться от традиционных жизнеописаний или биографических исследований.

Конечно, в последние десятилетия вопрос об индивидуальной идентичности в Интернете волновал юристов и психологов, социологов и маркетологов, работников сферы информационных технологий, но специалисты по биографическим исследованиям почти не касались этой темы. Между тем бурное развитие цифровой информации делает ее актуальной.

Биография, в традиционном смысле этого слова – «записанный отчет о жизни человека» (с. 75). Однако развитие информационных технологий и жанров изменило не только характер биографии, но и наши представления о фундаментальных концептах,

придающие смысл человеческой жизни: собственное «Я», индивидуальность, идентичность, истина. Это стало особенно заметно в конце XX в., когда обнаружилось, что эти и подобные им понятия не имеют четкого значения и зависят от политической ситуации и настроений в обществе.

П. Артур считает, что особенности развития цифровой информации потребует новых подходов к жизнеописаниям. Ключевое отличие между традиционными формами биографий (включая кино- и телематериалы) и представленными в режиме онлайн жизнеописаниями состоит в том, что записями в онлайн может манипулировать не только тот, кто разместил эту информацию, но и другие лица. Именно эта возможность управления и изменения онлайн контента влияет на то, как мы представляем сами себя и друг друга. Вероятно, это может привести к изменениям во всех практиках жизнеописания, включая биографию. Вместе с тем, подчеркивает автор, хотя технологические новшества меняют и расширяют возможности самовыражения, но они не могут изменить мотивы жизнеописаний – человеческой потребности в общении с самим собой и с другими людьми.

П. Артур полагает, что новые возможности для репрезентации жизни человека онлайн изменят наши представления о биографе, субъекте биографии, и жанре биографии в целом, хотя еще и непонятно, каким образом. Современный уровень развития Интернета и степень вовлеченности человека в его разные сферы (например, социальные сети) дает автору возможность наметить некоторые специфические особенности, касающиеся личной идентичности, границ частной и публичной информации.

Первое, на что П. Артур обращает внимание, это возможность создания множества «виртуальных жизней»: многие из сетевых жизнеописаний, например в социальных сетях, на самом деле являются вымышленными жизнями, альтернативными, со сфабрикованной идентичностью. «В каком-то смысле можно сказать, что все царство “кибербиографий” – альтернативная, другая жизнь по отношению к традиционному полю биографии» (с. 77). Может ли биограф быть уверенным, что он разобрался в том, что скрывается в этом множестве? Может ли он хотя бы надеяться на это? Какие новые проблемы может поставить перед нами «цифровая реальность»? – спрашивает П. Артур. «В этом контексте старые споры о факте и выдумке, правде и домысле приобретают новый смысл» (с. 87).

К тому же даже те, кто не живет чужой жизнью в Сети, могут обнаружить, что их жизнь приобретает новое измерение – благодаря растущему взаимодействию людей с новыми технологиями, меняющими их способности. Автор имеет в виду различного рода современные электронные устройства (компьютеры, смартфоны, мобильные телефоны), которые можно назвать биографическими машинами, ведь они позволяют хранить и обрабатывать информацию разного вида: фото- и видеоматериалы, различные записи или личную информацию. Хотя эти устройства могут фиксировать основные факты человеческой жизни, они не способны заменить работу биографа. Простое аккумулирование данных не создает жизнеописания. Только биограф может оживить воспоминания.

Однако, признает автор, традиционные формы биографии в будущем, конечно, изменятся: биографы будут иметь новые, невероятные возможности для создания жизнеописаний, будут использовать методы и жанры, совершенно отличные от тех, которые используются сегодня.

Далее автор останавливается на следующей проблеме: частная / публичная информация в Интернете и ее влиянии на жанр биографии. В современном сетевом мире большая часть личной информации становится публичной, свободно доступной. С одной стороны, так появляются новые возможности для связей между людьми, которые в ином случае были бы невозможны. С другой стороны, это заставляет вспомнить предостережение Дж. Оруэлла о тотальном контроле и наблюдении. Информация, которой мы делимся с другими, легко может быть использована против нас. Более того, поскольку невозможно полностью удалить попавшую в Интернет информацию, в настоящее время активно развиваются проекты по деидентификации, анонимизации пользователя. Видимо, традиционная модель приватности уходит в прошлое.

В заключение автор подчеркивает, что в настоящий момент биографии все еще продолжают в основном оставаться офлайн-выми, печатными. Между тем динамично развивающийся мир Интернета начинает создавать новые представления о биографии, личной и общественной идентичности. Новые технологии постепенно проникают во все аспекты человеческой жизни, изменяют привычную среду обитания, способы коммуникации, взаимодействия и даже работы. Но, несмотря на все грядущие изменения, биографы по-прежнему будут нужны, может быть даже больше, чем сегодня.

С.В. Втулкин

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Втулкин Станислав Викторович – окончил аспирантуру исторического факультета МГУ, независимый исследователь.

Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории ИНИОН РАН.

Купер Инна Робертовна – кандидат социологических наук, PhD, преподаватель Школы библиотечных и информационных наук университета шт. Индиана (США).

Любин Валерий Петрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории ИНИОН РАН.

Метлицкая Зоя Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории ИНИОН РАН.

Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории ИНИОН РАН.

Опарина Елена Олеговна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языкознания ИНИОН РАН.

Эман Ирина Евгеньевна – научный сотрудник Отдела истории ИНИОН РАН.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ
И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Сборник обзоров и рефератов

Оформление обложки И.А. Михеев
Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор Т.Н. Анохина

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 10/XI – 2011 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л. 10,75 Уч.-изд. л. 9,5
Тираж 300 экз. Заказ № 189

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел/Факс (499) 120-45-14
E-mail: market@INION.ru**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9